ВЕЧНАЯ КЛАССИКА В СТИЛЕ МАНГИ

АНТОН ЧЕХОВ

ВИШНЕВЫЙ САД

Вишневый сад
Антон Павлович Чехов

Аннотация
Антон Чехов. Вишневый сад
Пьесы доктора Чехова
Вишневый сад. Комедия в четырех действиях
  Действующие лица
  Действие первое
  Действие второе
  Действие третье
  Действие четвертое
Три сестры. Драма в четырех действиях
  Действующие лица
  Действие первое
  Действие второе
  Действие третье
  Действие четвертое

Аннотация

«Вишневый сад» и «Три сестры» – культовые пьесы Антона Павловича Чехова, оказавшие огромное влияние на мировую театральную культуру.

В этой книге вы найдете не только полный текст произведения, но и вступительную статью, комментарии преподавателя Литературного института имени А. М. Горького, которые помогут вам подготовиться к экзаменам. Издание содержит QR-код, ведущий к аудиоспектаклю по пьесе «Три сестры».

Антон Чехов
Вишневый сад

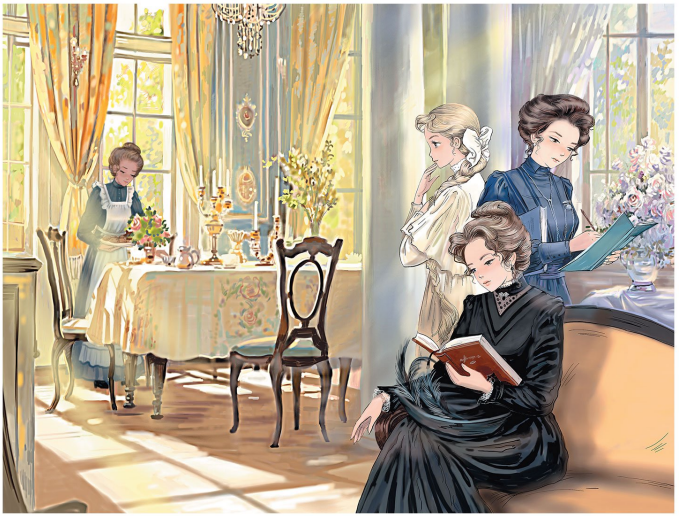
Вступительная статья и комментарии *Ольги Саленко*

Иллюстрации на суперобложке, обложке и форзацах *Елены Белоусовой*

Саленко Ольга Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент, работает на кафедре русской классической литературы и славистики Литературного института имени А. М. Горького. Преподает русскую литературу XVIII–XIX веков, историю славянских литератур, читает спецкурс по поэзии.

© Белоусова Е. Н., иллюстрации, 2024
© Оформление, вступительная статья, комментарии. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2024
Machaon®

* * *

Пьесы доктора Чехова

По всему миру ставят пьесы в первую очередь двух авторов — Шекспира и Чехова. Почему Чехов популярен? Он, как другой русский классик Достоевский, — исключительный душевед, знаток человеческой психологии. Чеховские образы правдоподобно реалистические, емкие и объемные. «Люди у меня вышли живые», — писал Чехов о персонажах своей последней пьесы «Вишневый сад».

Живыми люди получались у него, вероятно, потому, что он очень любил жизнь и людей, поэтому и выбрал самую человечную профессию… врача. Уже во время учебы на медицинском факультете Московского университета он начал лечить больных.

Став известным писателем, он продолжал принимать пациентов и помогал людям как врач в любом месте, в котором оказывался. Он также был благотворителем и устроителем мира вокруг себя: помог воссоздать библиотеку и воздвигнуть памятник Петру I в Таганроге, делал пожертвования в пользу голодающих Самарской, Казанской

губерний, организовывал сбор средств для туберкулезных больных. Настоящим подвигом было его путешествие через всю Россию на Сахалин, куда он, за свой счет, отправился узнать людей и страну и где собственноручно провел перепись тысячи жителей острова, в том числе каторжных и ссыльных. В подмосковном Мелихове, где он купил имение, Чехов открыл медицинский пункт, построил три школы и колокольню, помогал прокладывать шоссейную дорогу и, разумеется, продолжал лечить. Во время эпидемии холеры работал санитарным врачом от земства: в его участок входили 25 деревень, четыре фабрики и монастырь.

«Какой я “хмурый человек”, какая я “холодная кровь”, как называют меня критики? Какой я “пессимист”… И слово-то противное: “пессимист”…», — удивлялся Чехов отзывам о своих рассказах. Однако у критиков были основания делать такие выводы, потому что чем дальше развивался чеховский дар, тем сложнее были персонажи и сюжет, который действительно все реже становился веселым. Вершина его творчества — пьесы — встретили у многих современников откровенное непонимание. Автор называл свое творение комедией, а читатели

и зрители никак не могли понять — что же здесь смешного.

Вообразите себе такую ситуацию: все члены большой семьи в день отъезда в суете постоянно напоминают друг другу не забыть билеты, а в результате уезжают, оставив их на столе. Или прадедушкина беседка на даче вот-вот развалится (а ведь она так важна для семьи), и вся семья активно обсуждает, что можно с ней сделать, и высокомерно прогоняет соседа, который вызывается починить беседку, но в руках у него из инструментов — один топор. На следующий день беседка рушится. Это типичные ситуации комедии положений и характеров, на основе которых можно написать развеселую пьесу. А теперь представим, что вместо билетов в доме, заколоченном на зиму, оставили умирающего старика, а под топор идет уникальный цветущий сад, с которым связана судьба нескольких поколений людей.

Так типическую комическую ситуацию драматург соединяет с жизнью. Смеяться не очень хочется, хотя автор четко указывает жанр «Вишневого сада» — комедия в четырех действиях. Действительно, ведь там нет ни одного выстрела, хотя на сцене появляются и револьвер, и ружье.

Московский художественный общедоступный театр, возглавляемый Станиславским и Немировичем-Данченко, сформировался на пьесах Чехова, но и труппа вместе с режиссерами не могли понять, почему Чехов, представляя им пьесу «Три сестры», «был уверен, что он написал веселую комедию» (Станиславский). В конце концов Чехова уговорили назвать «Трех сестер» драмой, но, конечно, дело было не только в жанровой принадлежности. Пьесы Чехова были необычными, непривычными, по-настоящему новыми по многим чертам.

Даже для такого новаторского театра как МХТ принцип чеховской композиции драмы оказался революционным и не сразу был понят и принят. «Это же не пьеса, это только схема…», «Этого нельзя играть, нет ролей, какие-то намеки только…», — недоумевали актеры после читки «Трех сестер» по воспоминаниям Книппер-Чеховой. А драматург в ответ сетовал: «Немирович и Алексеев (Станиславский) в моей пьесе видят положительно не то, что я написал…», «Разве это мои типы?..».

В конце концов режиссеры нашли свой ключ к его произведениям — играть через «настроение», в котором отражается авторское ми-

ропонимание. Это настроение, рассыпанное по репликам различных персонажей, ремаркам, в том числе даже авторским обозначениям пауз, Немирович-Данченко и назвал подводным течением пьесы, заменяющим традиционное сценическое действие.

Чехов, автор прозы новой формы, создал и в драматургии пьесу нового типа. «Пусть на сцене все будет так же сложно и так же вместе с тем просто, как в жизни. Люди обедают, только обедают, а в это время слагается их счастье и разбиваются их жизни», — так, по воспоминаниям современника, Чехов советовал писать современную пьесу. Он стал одним из основателей новой драмы[1] наравне с Г. Ибсеном, М. Метерлинком, Г. Гауптманом, Э. Золя, А. Стриндбергом.

Персонажи Чехова, которых автор стремился максимально приблизить к живым людям, за которыми он внимательно наблюдал всю жизнь, так многогранны и многослойны, так противятся схематизации и однозначной характеристике,

---

[1] Сноски: 1

Новая драма — период в истории европейской драматургии рубежа XIX–XX вв., для которой характерна актуальная проблематика, точное до натурализма воспроизведение действительности, ослабление внешнего конфликта и одновременно глубокий психологизм, символизм. В постановке пьес исключительно стала важна роль режиссера и ансамбля артистов.

что у режиссеров и актеров появляется огромное поле для собственного творчества в развитии черт и линий, заложенных автором. Вероятно, это еще одна причина, почему Чехова так любят ставить на сцене, — можно в полной мере реализовать свой творческий подход, особенно при этом не споря с драматургом, не искажая мыслей, заложенных им в его произведении.

Однако пьесы Чехова можно и нужно читать, потому что именно в тексте лучше всего видно авторское высказывание — послание читателю и зрителю. Да и как адекватно передать на сцене авторскую ремарку в финале комедии «Вишневый сад»: «Слышится отдаленный звук, точно с неба, звук лопнувшей струны, замирающий, печальный. Наступает тишина, и только слышно, как далеко в саду топором стучат по дереву».

Эта ремарка — звучит сама как стихотворение в прозе, выражающее то самое «настроение», которое пытался уловить Немирович-Данченко.

Парадоксально, но чем больше проходит времени и чем дальше от нас современники Чехова, с которых он писал своих персонажей, тем понятнее, что пьесы Чехова не о прошлом, а о нас сегодняшних, а, может быть, и о нашем будущем, вера в которое — одна из главных черт творчества Чехова.

Ольга Саленко

Вишневый сад
Комедия в четырех действиях

Действующие лица

Раневская Любовь Андреевна, помещица.
Аня, ее дочь, 17 лет.
Варя, ее приемная дочь, 24 лет.
Гаев Леонид Андреевич, брат Раневской.
Лопахин Ермолай Алексеевич, купец.
Трофимов Петр Сергеевич, студент.
Симеонов-Пищик Борис Борисович, помещик.
Шарлотта Ивановна, гувернантка.
Епиходов Семен Пантелеевич, конторщик.
Дуняша, горничная.
Фирс, лакей, старик 87 лет.
Яша, молодой лакей.
Прохожий.
Начальник станции.
Почтовый чиновник.
Гости, **прислуга**.
Действие происходит в имении Л. А. Раневской.

Действие первое

Комната, которая до сих пор называется детскою. Одна из дверей ведет в комнату Ани. Рассвет, скоро взойдет солнце. Уже май, цветут вишневые деревья, но в саду холодно, утренник. Окна в комнате закрыты.

Входят ***Дуняша*** *со свечой и* ***Лопахин*** *с книгой в руке.*

Лопахин. Пришел поезд, слава богу. Который час?

Дуняша. Скоро два. *(Тушит свечу.)* Уже светло.

Автор задает тему времени и проблему его осознания как одну из основных. Герои «Трех сестер» вспоминают о «золотом» времени прошлого, мечтают о идеальном времени будущего, мучительно переживая настоящее. «Вишневый сад» символически начинается в предутренние сумерки. Часть персонажей пьесы как бы застревает в прошлом, их настоящее и будущее туманно или его просто нет, другие же, наоборот, устремлены в будущее. Герои боятся опоздать и…

опаздывают. Время пьесы можно обозначить как «безвременье».

Лопахин. На сколько же это опоздал поезд? Часа на два, по крайней мере. *(Зевает и потягивается.)* Я-то хорош, какого дурака свалял! Нарочно приехал сюда, чтобы на станции встретить, и вдруг проспал… Сидя уснул. Досада… Хоть бы ты меня разбудила.

Дуняша. Я думала, что вы уехали. *(Прислушивается.)* Вот, кажется, уже едут.

Лопахин *(прислушивается)*. Нет… Багаж получить, то да се…

Пауза.

Любовь Андреевна прожила за границей пять лет, не знаю, какая она теперь стала… Хороший она человек. Легкий, простой человек. Помню, когда я был мальчонком лет пятнадцати, отец мой покойный — он тогда здесь на деревне в лавке торговал — ударил меня по лицу кулаком, кровь пошла из носу… Мы тогда вместе пришли зачем-то во двор, и он выпивши был. Любовь Андреевна, как сейчас помню, еще молоденькая, такая худенькая, подвела меня к рукомойнику, вот в этой самой комнате, в детской. «Не плачь, говорит, мужичок, до свадьбы заживет…»

Пауза.

Мужичок… Отец мой, правда, мужик был, а я вот в белой жилетке, желтых башмаках. Со свиным рылом в калашный ряд… Только что вот богатый, денег много, а ежели подумать и разобраться, то мужик мужиком… *(Перелистывает книгу.)* Читал вот книгу и ничего не понял. Читал и заснул.

Пауза.

Дуняша. А собаки всю ночь не спали, чуют, что хозяева едут.

Лопахин. Что ты, Дуняша, такая…

Дуняша. Руки трясутся. Я в обморок упаду.

Лопахин. Очень уж ты нежная, Дуняша. И одеваешься, как барышня, и прическа тоже. Так нельзя. Надо себя помнить.

*Входит **Епиходов** с букетом; он в пиджаке и в ярко вычищенных сапогах, которые сильно скрипят; войдя, он роняет букет.*

Епиходов *(поднимает букет)*. Вот садовник прислал, говорит, в столовой поставить. *(Отдает Дуняше букет.)*

Лопахин. И квасу мне принесешь.

Дуняша. Слушаю. *(Уходит.)*

Епиходов. Сейчас утренник, мороз в три градуса, а вишня вся в цвету. Не могу одобрить нашего

климата. *(Вздыхает.)* Не могу. Наш климат не может способствовать в самый раз. Вот, Ермолай Алексеич, позвольте вам присовокупить, купил я себе третьего дня сапоги, а они, смею вас уверить, скрипят так, что нет никакой возможности. Чем бы смазать?

Лопахин. Отстань. Надоел.

Епиходов. Каждый день случается со мной какое-нибудь несчастье. И я не ропщу, привык и даже улыбаюсь.

Дуняша *входит, подает Лопахину квас.*

Я пойду. *(Натыкается на стул, который падает.)* Вот… *(Как бы торжествуя.)* Вот видите, извините за выражение, какое обстоятельство, между прочим… Это просто даже замечательно! *(Уходит.)*

Хотел Лопахин ехать на вокзал или все-таки не хотел из-за своего нового положения? Он заснул как-то очень вовремя. Для Лопахина важны отношения с Раневской. Его социальный статус изменился, поэтому слова «узнает ли» – не про внешность. Как она воспримет его, теперешнего? Она – разорена. Понятно, что лакей Фирс поехал встречать свою барыню,

а Гаев – свою сестру. Для Лопахина же эпизод приезда Раневской психологически сложен. В этом тонкость отношений персонажей, которую выстраивает автор.

Дуняша. А мне, Ермолай Алексеич, признаться, Епиходов предложение сделал.

Лопахин. А!

Дуняша. Не знаю уж как… Человек он смирный, а только иной раз как начнет говорить, ничего не поймешь. И хорошо, и чувствительно, только непонятно. Мне он как будто и нравится. Он меня любит безумно. Человек он несчастливый, каждый день что-нибудь. Его так и дразнят у нас: двадцать два несчастья…

Лопахин *(прислушивается)*. Вот, кажется, едут…

Дуняша. Едут! Что ж это со мной… похолодела вся.

Лопахин. Едут, в самом деле. Пойдем встречать. Узнает ли она меня? Пять лет не видались.

Дуняша *(в волнении)*. Я сейчас упаду… Ах, упаду!

Слышно, как к дому подъезжают два экипажа. ***Лопахин*** *и* ***Дуняша*** *быстро уходят. Сцена пуста.*

В соседних комнатах начинается шум. Через сцену, опираясь на палочку, торопливо проходит ***Фирс****, ездивший встречать Любовь Андреевну; он в старинной ливрее и в высокой шляпе; что-то говорит сам с собой, но нельзя разобрать ни одного слова. Шум за сценой все усиливается. Голос: «Вот пройдемте здесь…»* ***Любовь Андреевна****,* ***Аня*** *и* ***Шарлотта Ивановна*** *с собачкой на цепочке, одетые по-дорожному.* ***Варя*** *в пальто и платке,* ***Гаев****,* ***Симеонов-Пищик****,* ***Лопахин****,* ***Дуняша*** *с узлом и зонтиком,* ***прислуга*** *с вещами — все идут через комнату.*

Аня. Пройдемте здесь. Ты, мама, помнишь, какая это комната?

Любовь Андреевна *(радостно, сквозь слезы).* Детская!

Варя. Как холодно, у меня руки закоченели. *(Любови Андреевне.)* Ваши комнаты, белая и фиолетовая, такими же и остались, мамочка.

Любовь Андреевна. Детская, милая моя, прекрасная комната… Я тут спала, когда была маленькой… *(Плачет.)* И теперь я как маленькая… *(Целует брата, Варю, потом опять брата.)* А Варя по-прежнему все такая же, на монашку похожа. И Дуняшу я узнала. *(Целует Дуняшу.)*

Гаев. Поезд опоздал на два часа. Каково? Како-

вы порядки?

Шарлотта *(Пищику)*. Моя собака и орехи кушает.

> Епиходов, Шарлотта и Пищик – комические персонажи, которые перебивают и снижают общую напряженную тональность или сентиментальность. Чехов активно использует разнообразные приемы создания комического: речевой комизм (словечки, прозвища, недослышание и пр.), комизм характера и положения, буффонада и др. См. далее: Лопахин сразу после упоминания Вари о продаже имения мычит в дверь.

Пищик *(удивленно)*. Вы подумайте!

Уходят ***все****, кроме Ани и Дуняши.*

Дуняша. Заждались мы… *(Снимает с Ани пальто, шляпу.)*

Аня. Я не спала в дороге четыре ночи… теперь озябла очень.

Дуняша. Вы уехали в Великом посту, тогда был снег, был мороз, а теперь? Милая моя! *(Смеется, целует ее.)* Заждалась вас, радость моя, светик… Я скажу вам сейчас, одной минутки не могу утерпеть…

Аня *(вяло)*. Опять что-нибудь…

Дуняша. Конторщик Епиходов после Святой мне предложение сделал.

Аня. Ты все об одном… *(Поправляет волосы.)* Я растеряла все шпильки… *(Она очень утомлена, даже пошатывается.)*

Дуняша. Уж я не знаю, что и думать. Он меня любит, так любит!

Аня *(глядит в свою дверь, нежно)*. Моя комната, мои окна, как будто я не уезжала. Я дома! Завтра утром встану, побегу в сад… О, если бы я могла уснуть! Я не спала всю дорогу, томило меня беспокойство.

Дуняша. Третьего дня Петр Сергеич приехали.

Аня *(радостно)*. Петя!

Дуняша. В бане спят, там и живут. Боюсь, говорят, стеснить. *(Взглянув на свои карманные часы.)* Надо бы их разбудить, да Варвара Михайловна не велела. Ты, говорит, его не буди.

*Входит **Варя**, на поясе у нее вязка ключей.*

Варя. Дуняша, кофе поскорей… Мамочка кофе просит.

Дуняша. Сию минуточку. *(Уходит.)*

Варя. Ну, слава богу, приехали. Опять ты дома. *(Ласкаясь.)* Душечка моя приехала! Красавица приехала!

Аня. Натерпелась я.

Варя. Воображаю!

Аня. Выехала я на Страстной неделе, тогда было холодно. Шарлотта всю дорогу говорит, представляет фокусы. И зачем ты навязала мне Шарлотту…

Варя. Нельзя же тебе одной ехать, душечка. В семнадцать лет!

Аня. Приезжаем в Париж, там холодно, снег. По-французски говорю я ужасно. Мама живет на пятом этаже, прихожу к ней, у нее какие-то французы, дамы, старый патер с книжкой, и накурено, неуютно. Мне вдруг стало жаль мамы, так жаль, я обняла ее голову, сжала руками и не могу выпустить. Мама потом все ласкалась, плакала…

Варя *(сквозь слезы)*. Не говори, не говори…

Аня. Дачу свою около Ментоны она уже продала, у нее ничего не осталось, ничего. У меня тоже не осталось ни копейки, едва доехали. И мама не понимает! Сядем на вокзале обедать, и она требует самое дорогое и на чай лакеям дает по рублю. Шарлотта тоже. Яша тоже требует себе порцию, просто ужасно. Ведь у мамы лакей Яша, мы привезли его сюда…

Варя. Видела подлеца.

Аня. Ну что, как? Заплатили проценты?

Варя. Где там.

Аня. Боже мой, боже мой…

Варя. В августе будут продавать имение…

Аня. Боже мой…

Лопахин *(заглядывает в дверь и мычит)*. Ме-е-е… *(Уходит.)*

Варя *(сквозь слезы)*. Вот так бы и дала ему… *(Грозит кулаком.)*

Аня *(обнимает Варю, тихо)*. Варя, он сделал предложение? *(Варя отрицательно качает головой.)* Ведь он же тебя любит… Отчего вы не объяснитесь, чего вы ждете?

Варя. Я так думаю, ничего у нас не выйдет. У него дела много, ему не до меня… и внимания не обращает. Бог с ним совсем, тяжело мне его видеть… Все говорят о нашей свадьбе, все поздравляют, а на самом деле ничего нет, всё как сон… *(Другим тоном.)* У тебя брошка вроде как пчелка.

Аня *(печально)*. Это мама купила. *(Идет в свою комнату, говорит весело, по-детски.)* А в Париже я на воздушном шаре летала!

Варя. Душечка моя приехала! Красавица приехала!

Дуняша *уже вернулась с кофейником и варит кофе.*

(Стоит около двери.) Хожу я, душечка, цельный день по хозяйству и все мечтаю. Выдать бы тебя за богатого человека, и я бы тогда была покойней, пошла бы себе в пустынь, потом в Киев… в Москву, и так бы все ходила по святым местам… Ходила бы и ходила. Благолепие!..

Аня. Птицы поют в саду. Который теперь час?

Варя. Должно, третий. Тебе пора спать, душечка. *(Входя в комнату к Ане.)* Благолепие!

Входит ***Яша*** *с пледом, дорожной сумочкой.*

Яша *(идет через сцену, деликатно)*. Тут можно пройти-с?

Дуняша. И не узнаешь вас, Яша. Какой вы стали за границей.

Яша. Гм… А вы кто?

Дуняша. Когда вы уезжали отсюда, я была этакой… *(Показывает от пола.)* Дуняша, Федора Козоедова дочь. Вы не помните!

Яша. Гм… Огурчик! *(Оглядывается и обнимает ее; она вскрикивает и роняет блюдечко. Яша быстро уходит.)*

Варя *(в дверях, недовольным голосом)*. Что еще тут?

Дуняша *(сквозь слезы)*. Блюдечко разбила…

Варя. Это к добру.

Аня *(выйдя из своей комнаты)*. Надо бы маму

предупредить: Петя здесь…

Варя. Я приказала его не будить.

Аня *(задумчиво)*. Шесть лет тому назад умер отец, через месяц утонул в реке брат Гриша, хорошенький семилетний мальчик. Мама не перенесла, ушла, ушла без оглядки… *(Вздрагивает.)* Как я ее понимаю, если бы она знала!

Пауза.

А Петя Трофимов был учителем Гриши, он может напомнить…

Входит ***Фирс****; он в пиджаке и белом жилете.*

Фирс *(идет к кофейнику, озабоченно)*. Барыня здесь будут кушать… *(Надевает белые перчатки.)* Готов кофий? *(Строго Дуняше.)* Ты! А сливки?

> Недотепа – неуклюжий и недалекий человек. Впервые использовано Чеховым и вошло в словарь Д. Н. Ушакова 1934–40.

Дуняша. Ах, боже мой… *(Быстро уходит.)*

Фирс *(хлопочет около кофейника)*. Эх ты, недотепа… *(Бормочет про себя.)* Приехали из Парижа… И барин когда-то ездил в Париж… на лошадях… *(Смеется.)*

Варя. Фирс, ты о чем?

Фирс. Чего изволите? *(Радостно.)* Барыня моя приехала! Дождался! Теперь хоть и помереть…

(Плачет от радости.)

Входят ***Любовь Андреевна****,* ***Гаев****,* ***Лопахин*** *и* ***Симеонов-Пищик****; Симеонов-Пищик в поддевке из тонкого сукна и шароварах. Гаев, входя, руками и туловищем делает движения, как будто играет на биллиарде.*

Любовь Андреевна. Как это? Дай-ка вспомнить… Желтого в угол! Дуплет в середину!

> Бильярдные выражения. Чехов специально просил знакомого записать их для него у профессионалов.

Гаев. Режу в угол! Когда-то мы с тобой, сестра, спали вот в этой самой комнате, а теперь мне уже пятьдесят один год, как это ни странно…

Лопахин. Да, время идет.

Гаев. Кого?

Лопахин. Время, говорю, идет.

Гаев. А здесь пачулями пахнет.

Аня. Я спать пойду. Спокойной ночи, мама. *(Целует мать.)*

Любовь Андреевна. Ненаглядная дитюся моя. *(Целует ей руки.)* Ты рада, что ты дома? Я никак в себя не приду.

Аня. Прощай, дядя.

Гаев *(целует ей лицо, руки)*. Господь с тобой.

Как ты похожа на свою мать! *(Сестре.)* Ты, Люба, в ее годы была точно такая.

***Аня** подает руку Лопахину и Пищику, уходит и затворяет за собой дверь.*

Любовь Андреевна. Она утомилась очень.

Пищик. Дорога небось длинная.

Варя *(Лопахину и Пищику)*. Что ж, господа? Третий час, пора и честь знать.

Любовь Андреевна *(смеется)*. Ты все такая же, Варя. *(Привлекает ее к себе и целует.)* Вот выпью кофе, тогда все уйдем.

Фирс кладет ей под ноги подушечку.

Спасибо, родной. Я привыкла к кофе. Пью его и днем и ночью. Спасибо, мой старичок. *(Целует Фирса.)*

Тема детства занимает в пьесе значимое место, особенно в 1-м действии. Пьеса фактически начинается в бывшей детской. Раневская из ее окна видит призрак матери. Но эта тема в пьесе шире, чем обозначение прошлого, в которое не вернуться, и ностальгических чувств героев. Она имеет и трагическую окраску, так как связана с воспоминанием об утонувшем в имении семилетнем сыне

Раневской. Для отношения Лопахина с Раневской важно яркое воспоминание из его отрочества. Фирс ходит за Гаевым как за ребенком.

Варя. Поглядеть, все ли вещи привезли… *(Уходит.)*

Любовь Андреевна. Неужели это я сижу? *(Смеется.)* Мне хочется прыгать, размахивать руками. *(Закрывает лицо руками.)* А вдруг я сплю! Видит Бог, я люблю родину, люблю нежно, я не могла смотреть из вагона, все плакала. *(Сквозь слезы.)* Однако же надо пить кофе. Спасибо тебе, Фирс, спасибо, мой старичок. Я так рада, что ты еще жив.

Фирс. Позавчера.

Гаев. Он плохо слышит.

Лопахин. Мне сейчас, в пятом часу утра, в Харьков ехать. Такая досада! Хотелось поглядеть на вас, поговорить… Вы всё такая же великолепная.

Пищик *(тяжело дышит)*. Даже похорошела… Одета по-парижскому… пропадай моя телега, все четыре колеса…

Лопахин. Ваш брат, вот Леонид Андреич, говорит про меня, что я хам, я кулак, но это мне реши-

тельно все равно. Пускай говорит. Хотелось бы только, чтобы вы мне верили по-прежнему, чтобы ваши удивительные, трогательные глаза глядели на меня, как прежде. Боже милосердный! Мой отец был крепостным у вашего деда и отца, но вы, собственно вы, сделали для меня когда-то так много, что я забыл всё и люблю вас, как родную… больше, чем родную.

> Лопахин говорит, что любит Раневскую больше, чем родную, а Раневская называет родным шкафчик и, вероятно, столик. Автор добивается комического эффекта, прибегая к каламбуру: эпитет «родной» относится сразу и к человеку, и к предмету. Кроме того, на таком маленьком пространстве текста автор сталкивает две психологии героев, выстраивая контекст их отношения друг к другу. Автор подготавливает реакцию Раневской на предложение Лопахина.

Любовь Андреевна. Я не могу усидеть, не в состоянии… *(Вскакивает и ходит в сильном волнении.)* Я не переживу этой радости… Смейтесь надо мной, я глупая… Шкафик мой родной… *(Целует шкаф.)* Столик мой.

Гаев. А без тебя тут няня умерла.

Любовь Андреевна *(садится и пьет кофе)*. Да, Царство Небесное. Мне писали.

Гаев. И Анастасий умер. Петрушка Косой от меня ушел и теперь в городе у пристава живет. *(Вынимает из кармана коробку с леденцами, сосет.)*

Пищик. Дочка моя, Дашенька… вам кланяется…

Лопахин. Мне хочется сказать вам что-нибудь очень приятное, веселое. *(Взглянув на часы.)* Сейчас уеду, некогда разговаривать… ну, да я в двух-трех словах. Вам уже известно, вишневый сад ваш продается за долги, на двадцать второе августа назначены торги, но вы не беспокойтесь, моя дорогая, спите себе спокойно, выход есть… Вот мой проект. Прошу внимания! Ваше имение находится только в двадцати верстах от города, возле прошла железная дорога, и если вишневый сад и землю по реке разбить на дачные участки и отдавать потом в аренду под дачи, то вы будете иметь самое малое двадцать пять тысяч в год дохода.

Гаев. Извините, какая чепуха!

Любовь Андреевна. Я вас не совсем понимаю, Ермолай Алексеич.

Лопахин. Вы будете брать с дачников самое малое по двадцати пяти рублей в год за десятину, и если теперь же объявите, то я ручаюсь чем угодно, у вас до осени не останется ни одного свободного клочка, всё разберут. Одним словом, поздравляю, вы спасены. Местоположение чудесное, река глубокая. Только, конечно, нужно поубрать, почистить… например, скажем, снести все старые постройки, вот этот дом, который уже никуда не годится, вырубить старый вишневый сад…

Любовь Андреевна. Вырубить? Милый мой, простите, вы ничего не понимаете. Если во всей губернии есть что-нибудь интересное, даже замечательное, так это только наш вишневый сад.

Лопахин. Замечательного в этом саду только то, что он очень большой. Вишня родится раз в два года, да и ту девать некуда, никто не покупает.

Они реагируют на предложение Лопахина, как на абсурдное. Разговор ведется в «параллельных» реальностях. Простых ответов у Чехова не существует.

Гаев. И в «Энциклопедическом словаре» упоминается про этот сад.

Лопахин *(взглянув на часы)*. Если ничего не придумаем и ни к чему не придем, то двадцать второго августа и вишневый сад, и все имение будут продавать с аукциона. Решайтесь же! Другого выхода нет, клянусь вам. Нет и нет.

Фирс. В прежнее время, лет сорок-пятьдесят назад, вишню сушили, мочили, мариновали, варенье варили, и, бывало…

Гаев. Помолчи, Фирс.

Фирс. И, бывало, сушеную вишню возами отправляли в Москву и в Харьков. Денег было! И сушеная вишня тогда была мягкая, сочная, сладкая, душистая… Способ тогда знали…

Любовь Андреевна. А где же теперь этот способ?

Фирс. Забыли. Никто не помнит.

Пищик *(Любови Андреевне)*. Что в Париже? Как? Ели лягушек?

Любовь Андреевна. Крокодилов ела.

Пищик. Вы подумайте…

Лопахин. До сих пор в деревне были только господа и мужики, а теперь появились еще дачники. Все города, даже самые небольшие, окружены теперь дачами. И можно сказать, дачник лет через двадцать размножится до необычайности. Теперь он только чай пьет на балконе, но ведь

может случиться, что на своей одной десятине он займется хозяйством, и тогда ваш вишневый сад станет счастливым, богатым, роскошным…

Гаев *(возмущаясь)*. Какая чепуха!

Входят ***Варя*** *и* ***Яша****.*

Для Лопахина важно, что наступает эпоха, в которой нет отношений господин – мужик. Дачники – это новые отношения хозяин – арендатор. Это бизнес, а он сам бизнесмен. Наступление новой эпохи подчеркивает старик Фирс, который говорит о прежних временах, теперь уже забытых так же, как забыта технология получения сочной сушеной вишни. (Начало монолога о дачниках напоминает начало юмористического рассказа Антоши Чехонте.)

Варя. Тут, мамочка, вам две телеграммы. *(Выбирает ключ и со звоном отпирает старинный шкаф.)* Вот они.

Любовь Андреевна. Это из Парижа. *(Рвет телеграммы, не прочитав.)* С Парижем кончено…

Гаев. А ты знаешь, Люба, сколько этому шкафу лет? Неделю назад я выдвинул нижний ящик, гляжу, а там выжжены цифры. Шкаф сделан ров-

но сто лет тому назад. Каково? А? Можно было бы юбилей отпраздновать. Предмет неодушевленный, а все-таки, как-никак, книжный шкаф.

Пищик *(удивленно).* Сто лет… Вы подумайте!..

Гаев. Да… Это вещь… *(Ощупав шкаф.)* Дорогой, многоуважаемый шкаф! Приветствую твое существование, которое вот уже больше ста лет было направлено к светлым идеалам добра и справедливости; твой молчаливый призыв к плодотворной работе не ослабевал в течение ста лет, поддерживая *(сквозь слезы)* в поколениях нашего рода бодрость, веру в лучшее будущее и воспитывая в нас идеалы добра и общественного самосознания.

Пауза.

Знаменитый монолог-пародия на поздравительные речи и юбилейные адресы. Как правило, эти речи и в оригинале не блистали содержанием. Характеризует персонажа, не отличающегося умом, чья клоунада сводит на нет попытку Лопахина завести серьезный разговор о судьбе сада. Шкаф, стоящий в детской, – книжный, и, если представить, что слова о существовании, направленном к идеа-

лам добра, – это о книгах, а не о предмете мебели, получается серьезное высказывание, подводящее печальный итог истории рода и имения.

Лопахин. Да…

Любовь Андреевна. Ты все такой же, Леня.

Гаев *(немного сконфуженный)*. От шара направо в угол! Режу в среднюю!

Лопахин *(поглядев на часы)*. Ну, мне пора.

Яша *(подает Любови Андреевне лекарства)*. Может, примете сейчас пилюли…

Пищик. Не надо принимать медикаменты, милейшая… от них ни вреда, ни пользы… Дайте-ка сюда… многоуважаемая. *(Берет пилюли, высыпает их себе на ладонь, дует на них, кладет в рот и запивает квасом.)* Вот!

Любовь Андреевна *(испуганно)*. Да вы с ума сошли!

Пищик. Все пилюли принял.

Лопахин. Экая прорва.

Все смеются.

Фирс. Они были у нас на Святой, полведра огурцов скушали… *(Бормочет.)*

Любовь Андреевна. О чем это он?

Варя. Уж три года так бормочет. Мы привык-

ли.

Яша. Преклонный возраст.

Шарлотта Ивановна *в белом платье, очень худая, стянутая, с лорнеткой на поясе проходит через сцену.*

Лопахин. Простите, Шарлотта Ивановна, я не успел еще поздороваться с вами. *(Хочет поцеловать у нее руку.)*

Шарлотта *(отнимая руку)*. Если позволить вам поцеловать руку, то вы потом пожелаете в локоть, потом в плечо…

Лопахин. Не везет мне сегодня.

Все смеются.

Шарлотта Ивановна, покажите фокус!

Любовь Андреевна. Шарлотта, покажите фокус!

Шарлотта. Не надо. Я спать желаю. *(Уходит.)*

Лопахин. Через три недели увидимся. *(Целует Любови Андреевне руку.)* Пока прощайте. Пора. *(Гаеву.)* До свиданция. *(Целуется с Пищиком)*. До свиданция. *(Подает руку Варе, потом Фирсу и Яше.)* Не хочется уезжать. *(Любови Андреевне.)* Ежели надумаете насчет дач и решите, тогда дайте знать, я взаймы тысяч пятьдесят достану. Серьезно подумайте.

Варя *(сердито)*. Да уходите же, наконец!

Лопахин. Ухожу, ухожу… *(Уходит.)*

Гаев. Хам. Впрочем, пардон… Варя выходит за него замуж, это Варин женишок.

Варя. Не говорите, дядечка, лишнего.

Любовь Андреевна. Что ж, Варя, я буду очень рада. Он хороший человек.

Пищик. Человек, надо правду говорить… достойнейший… И моя Дашенька… тоже говорит, что… разные слова говорит. *(Храпит, но тотчас же просыпается.)* А все-таки, многоуважаемая, одолжите мне… взаймы двести сорок рублей… завтра по закладной проценты платить…

Варя *(испуганно)*. Нету, нету!

Любовь Андреевна. У меня в самом деле нет ничего.

Пищик. Найдутся. *(Смеется.)* Не теряю никогда надежды. Вот, думаю, уж все пропало, погиб, ан глядь, — железная дорога по моей земле прошла, и… мне заплатили. А там, гляди, еще что-нибудь случится не сегодня завтра… Двести тысяч выиграет Дашенька… у нее билет есть.

Любовь Андреевна. Кофе выпит, можно на покой.

Фирс *(чистит щеткой Гаева, наставительно)*. Опять не те брючки надели. И что мне с вами

делать!

Варя *(тихо)*. Аня спит. *(Тихо отворяет окно.)* Уже взошло солнце, не холодно. Взгляните, мамочка: какие чудесные деревья! Боже мой, воздух! Скворцы поют!

Гаев *(отворяет другое окно)*. Сад весь белый. Ты не забыла, Люба? Вот эта длинная аллея идет прямо, прямо, точно протянутый ремень, она блестит в лунные ночи. Ты помнишь? Не забыла?

Любовь Андреевна *(глядит в окно на сад)*. О, мое детство, чистота моя! В этой детской я спала, глядела отсюда на сад, счастье просыпалось вместе со мною каждое утро, и тогда он был точно таким, ничто не изменилось. *(Смеется от радости.)* Весь, весь белый! О, сад мой! После темной, ненастной осени и холодной зимы опять ты молод, полон счастья, ангелы небесные не покинули тебя… Если бы снять с груди и с плеч моих тяжелый камень, если бы я могла забыть мое прошлое!

Гаев. Да, и сад продадут за долги, как это ни странно…

Любовь Андреевна. Посмотрите, покойная мама идет по саду… в белом платье! *(Смеется от радости.)* Это она.

Гаев. Где?

Варя. Господь с вами, мамочка.

Любовь Андреевна. Никого нет, мне показалось. Направо, на повороте к беседке, белое деревцо склонилось, похоже на женщину…

Входит ***Трофимов****, в поношенном студенческом мундире, в очках.*

Какой изумительный сад! Белые массы цветов, голубое небо…

Трофимов. Любовь Андреевна!

Она оглянулась на него.

Я только поклонюсь вам и тотчас же уйду. *(Горячо целует руку.)* Мне приказано было ждать до утра, но у меня не хватило терпения…

Любовь Андреевна глядит с недоумением.

Соединение миров – прошлого и настоящего, живых и мертвых, – Раневская видит призрак своей мамы, и тут же входит Петя, который напоминает ей о погибшем сыне. Но Петя не призрак, он реален. И смерть Гриши реальна.

Варя *(сквозь слезы)*. Это Петя Трофимов…

Трофимов. Петя Трофимов, бывший учитель вашего Гриши… Неужели я так изменился?

Любовь Андреевна обнимает его и тихо плачет.

Гаев *(смущенно)*. Полно, полно, Люба.

Варя *(плачет)*. Говорила ведь, Петя, чтобы погодили до завтра.

Любовь Андреевна. Гриша мой… мой мальчик… Гриша… сын…

Варя. Что же делать, мамочка. Воля Божья.

Трофимов *(мягко, сквозь слезы)*. Будет, будет…

Любовь Андреевна *(тихо плачет)*. Мальчик погиб, утонул… Для чего? Для чего, мой друг? *(Тише.)* Там Аня спит, а я громко говорю… поднимаю шум… Что же, Петя? Отчего вы так подурнели? Отчего постарели?

Трофимов. Меня в вагоне одна баба назвала так: облезлый барин.

Любовь Андреевна. Вы были тогда совсем мальчиком, милым студентиком, а теперь волосы негустые, очки. Неужели вы все еще студент? *(Идет к двери.)*

Трофимов. Должно быть, я буду вечным студентом.

Любовь Андреевна *(целует брата, потом Варю)*. Ну, идите спать… Постарел и ты, Леонид.

Пищик *(идет за ней)*. Значит, теперь спать… Ох, подагра моя… Я у вас останусь… Мне бы, Любовь Андреевна, душа моя, завтра утречком… двести сорок рублей…

Гаев. А этот все свое.

Пищик. Двести сорок рублей… проценты по закладной платить.

Любовь Андреевна. Нет у меня денег, голубчик.

Пищик. Отдам, милая… Сумма пустяшная…

Любовь Андреевна. Ну хорошо, Леонид даст… Ты дай, Леонид.

Гаев. Дам я ему, держи карман.

Любовь Андреевна. Что же делать, дай… Ему нужно… Он отдаст.

Любовь Андреевна, ***Трофимов***, ***Пищик*** *и* ***Фирс*** *уходят. Остаются* ***Гаев***, ***Варя*** *и* ***Яша***.

Гаев. Сестра не отвыкла еще сорить деньгами. *(Яше.)* Отойди, любезный, от тебя курицей пахнет.

Яша *(с усмешкой)*. А вы, Леонид Андреич, все такой же, как были.

Гаев. Кого? *(Варе.)* Что он сказал?

Варя *(Яше)*. Твоя мать пришла из деревни, со вчерашнего дня сидит в людской, хочет повидаться…

Яша. Бог с ней совсем!

Варя. Ах, бесстыдник!

Яша. Очень нужно. Могла бы и завтра прийти. *(Уходит.)*

Яша – человек, которому не нужны ни родня, ни Родина.

Варя. Мамочка такая же, как была, нисколько не изменилась. Если б ей волю, она бы всё раздала.

Гаев. Да…

Пауза.

Характеристика Раневской. Разорена, но сорит деньгами.

Если против какой-нибудь болезни предлагается очень много средств, то это значит, что болезнь неизлечима. Я думаю, напрягаю мозги, у меня много средств, очень много и, значит, в сущности, ни одного. Хорошо бы получить от кого-нибудь наследство, хорошо бы выдать нашу Аню за очень богатого человека, хорошо бы поехать в Ярославль и попытать счастья у тетушки-графини. Тетка ведь очень, очень богата.

Высказывание в стиле Гаева – персонажа с двойным дном. В первом предложении – мудрая констатация проблемы, но сразу после нее он опять начинает играть роль легкомысленного прожектера.

Может быть, Гаев и не так глуп, как кажется и как о нем думают, но он не знает, как жить в реальности, и убегает от нее. И окружающие именно такого поведения от него ждут, а когда он пытается говорить серьезно, это не нравится. Автору важно сделать персонажей не комически одномерными, а достоверными и живыми.

Варя *(плачет)*. Если бы Бог помог.

Гаев. Не реви. Тетка очень богата, но нас она не любит. Сестра, во-первых, вышла замуж за присяжного поверенного, не дворянина…

***Аня** показывается в дверях.*

Вышла за недворянина и вела себя нельзя сказать, чтобы очень добродетельно. Она хорошая, добрая, славная, я ее очень люблю, но, как там ни придумывай смягчающие обстоятельства, все же, надо сознаться, она порочна. Это чувствуется в ее малейшем движении.

Варя *(шепотом)*. Аня стоит в дверях.

Гаев. Кого?

Пауза.

Удивительно, мне что-то в правый глаз попало… плохо стал видеть. И в четверг, когда я был

в окружном суде…

Входит ***Аня****.*

Варя. Что же ты не спишь, Аня?

Аня. Не спится. Не могу.

Гаев. Крошка моя. *(Целует Ане лицо, руки.)* Дитя мое. *(Сквозь слезы.)* Ты не племянница, ты мой ангел, ты для меня всё. Верь мне, верь…

Аня. Я верю тебе, дядя. Тебя все любят, уважают… но, милый дядя, тебе надо молчать, только молчать. Что ты говорил только что про мою маму, про свою сестру? Для чего ты это говорил?

Гаев. Да, да… *(Ее рукой закрывает себе лицо.)* В самом деле, это ужасно! Боже мой! Боже, спаси меня! И сегодня я речь говорил перед шкафом… так глупо! И только когда кончил, понял, что глупо.

Варя. Правда, дядечка, вам надо бы молчать. Молчите себе, и всё.

Аня. Если будешь молчать, то тебе же самому будет покойнее.

Гаев. Молчу. *(Целует Ане и Варе руки.)* Молчу. Только вот о деле. В четверг я был в окружном суде, ну, сошлась компания, начался разговор о том о сем, пятое-десятое, и, кажется, вот можно будет устроить заем под векселя, чтобы заплатить проценты в банк.

Варя. Если бы Господь помог!

Гаев. Во вторник поеду, еще раз поговорю. *(Варе.)* Не реви. *(Ане.)* Твоя мама поговорит с Лопахиным; он, конечно, ей не откажет… А ты, как отдохнешь, поедешь в Ярославль к графине, твоей бабушке. Вот так и будем действовать с трех концов — и дело наше в шляпе. Проценты мы заплатим, я убежден… *(Кладет в рот леденец.)* Честью моей, чем хочешь, клянусь, имение не будет продано! *(Возбужденно.)* Счастьем моим клянусь! Вот тебе моя рука, назови меня тогда дрянным, бесчестным человеком, если я допущу до аукциона! Всем существом моим клянусь!

Аня *(спокойное настроение вернулось к ней, она счастлива)*. Какой ты хороший, дядя, какой умный! *(Обнимает дядю)*. Я теперь покойна! Я покойна! Я счастлива!

Входит ***Фирс***.

Фирс *(укоризненно)*. Леонид Андреич, Бога вы не боитесь! Когда же спать?

Гаев. Сейчас, сейчас. Ты уходи, Фирс. Я уж, так и быть, сам разденусь. Ну, детки, бай-бай… Подробности завтра, а теперь идите спать. *(Целует Аню и Варю.)* Я человек восьмидесятых годов… Не хвалят это время, но всё же могу сказать, за убеждения мне доставалось немало в жизни.

Недаром меня мужик любит. Мужика надо знать! Надо знать, с какой…

Аня. Опять ты, дядя!

Варя. Вы, дядечка, молчите.

Фирс *(сердито)*. Леонид Андреич!

Гаев. Иду, иду… Ложитесь. От двух бортов в середину! Кладу чистого… *(Уходит, за ним семенит Фирс.)*

Аня. Я теперь покойна. В Ярославль ехать не хочется, я не люблю бабушку, но все же я покойна. Спасибо дяде. *(Садится.)*

Варя. Надо спать. Пойду. А тут без тебя было неудовольствие. В старой людской, как тебе известно, живут одни старые слуги: Ефимьюшка, Поля, Евстигней, ну и Карп. Стали они пускать к себе ночевать каких-то проходимцев — я промолчала. Только вот, слышу, распустили слух, будто я велела кормить их одним только горохом. От скупости, видишь ли… И это все Евстигней… Хорошо, думаю. Коли так, думаю, то погоди же. Зову я Евстигнея… *(Зевает.)* Приходит… Как же ты, говорю, Евстигней… дурак ты этакой… *(Поглядев на Аню.)* Анечка!..

Пауза.

Заснула!.. *(Берет Аню под руку.)* Пойдем в постельку… Пойдем!.. *(Ведет ее.)* Душечка моя

уснула! Пойдем…

Идут.

Далеко за садом пастух играет на свирели.

Трофимов *идет через сцену и, увидев Варю и Аню, останавливается.*

Тссс… Она спит… спит… Пойдем, родная.

Аня *(тихо, в полусне).* Я так устала… все колокольчики… Дядя… милый… и мама и дядя…

Варя. Пойдем, родная, пойдем… *(Уходят в комнату Ани.)*

Трофимов *(в умилении).* Солнышко мое! Весна моя!

Занавес

Действие второе

Поле. Старая, покривившаяся, давно заброшенная часовенка, возле нее колодец, большие камни, когда-то бывшие, по-видимому, могильными плитами, и старая скамья. Видна дорога в усадьбу Гаева. В стороне, возвышаясь, темнеют тополи: там начинается вишневый сад. Вдали ряд телеграфных столбов, и далеко-далеко на горизонте неясно обозначается большой город, который бывает виден только в очень хорошую, ясную погоду. Скоро сядет солнце. ***Шарлотта****,* ***Яша*** *и* ***Дуняша*** *сидят на скамье;* ***Епиходов*** *стоит возле и играет на гитаре; все сидят задумавшись.* ***Шарлотта*** *в старой фуражке; она сняла с плеч ружье и поправляет пряжку на ремне.*

Чехов выстраивает сложное многоуровневое сценическое пространство пьесы из драматургического текста, убедительного рисунка характеров, воплощенных актерами, декораций и звуков. Все элементы несут смысловую нагрузку: и яркий образ цветущего сада, и картина необычной для театра раскрывающейся

дали. Отдельная задача для режиссера – реализовать звук лопнувшей струны во 2 и 4-м действиях, чтобы воплотить ту символику, которую вкладывал в образ автор. «Важно, чтоб было именно то, что мне слышалось», – писал Чехов.

Шарлотта *(в раздумье).* У меня нет настоящего паспорта, я не знаю, сколько мне лет, и мне все кажется, что я молоденькая. Когда я была маленькой девочкой, то мой отец и мамаша ездили по ярмаркам и давали представления, очень хорошие. А я прыгала salto-mortale и разные штучки. И когда папаша и мамаша умерли, меня взяла к себе одна немецкая госпожа и стала меня учить. Хорошо. Я выросла, потом пошла в гувернантки. А откуда я и кто я — не знаю… Кто мои родители, может, они не венчались… не знаю. *(Достает из кармана огурец и ест.)* Ничего не знаю.

Пауза.

Так хочется поговорить, а не с кем… Никого у меня нет.

Епиходов *(играет на гитаре и поет).* «Что мне до шумного света, что мне друзья и враги…» Как приятно играть на мандолине!

Дуняша. Это гитара, а не мандолина. *(Глядится в зеркальце и пудрится.)*

Епиходов. Для безумца, который влюблен, это мандолина… *(Напевает.)* «Было бы сердце согрето жаром взаимной любви…»

Яша подпевает.

Шарлотта. Ужасно поют эти люди… фуй! Как шакалы.

Дуняша *(Яше)*. Все-таки какое счастье побывать за границей.

Яша. Да, конечно. Не могу с вами не согласиться. *(Зевает, потом закуривает сигару.)*

Епиходов. Понятное дело. За границей всё давно уже в полной комплекции.

Яша. Само собой.

Епиходов. Я развитой человек, читаю разные замечательные книги, но никак не могу понять направления, чего мне, собственно, хочется, жить мне или застрелиться, собственно говоря, но тем не менее я всегда ношу при себе револьвер. Вот он… *(Показывает револьвер.)*

Шарлотта. Кончила. Теперь пойду. *(Надевает ружье.)* Ты, Епиходов, очень умный человек и очень страшный; тебя должны безумно любить женщины. Бррр! *(Идет.)* Эти умники все такие глупые, не с кем мне поговорить… Все одна, одна,

никого у меня нет и… и кто я, зачем я, неизвестно… *(Уходит не спеша.)*

Одиночество и бессмысленность жизни Шарлотты. Но на самом деле это можно отнести ко всем персонажам. Они одиноки, растеряны и не понимают, зачем они делают то, что делают. Все должно как-то само устроиться, а оно не устраивается.

Епиходов. Собственно говоря, не касаясь других предметов, я должен выразиться о себе, между прочим, что судьба относится ко мне без сожаления, как буря к небольшому кораблю. Если, допустим, я ошибаюсь, тогда зачем же сегодня утром я просыпаюсь, к примеру сказать, гляжу, а у меня на груди страшной величины паук… Вот такой. *(Показывает обеими руками.)* И тоже квасу возьмешь, чтобы напиться, а там, глядишь, что-нибудь в высшей степени неприличное, вроде таракана.

Пауза.

Вы читали Бокля?

Пауза.

Я желаю побеспокоить вас, Авдотья Федоровна, на пару слов.

Дуняша. Говорите.

Епиходов. Мне бы желательно с вами наедине… *(Вздыхает.)*

Дуняша *(смущенно)*. Хорошо… только сначала принесите мне мою тальмочку… Она около шкафа… тут немножко сыро…

Епиходов. Хорошо-с… принесу-с… Теперь я знаю, что мне делать с моим револьвером… *(Берет гитару и уходит, наигрывая).*

Яша. Двадцать два несчастья! Глупый человек, между нами говоря. *(Зевает.)*

Дуняша. Не дай бог, застрелится.

Пауза.

Я стала тревожная, все беспокоюсь. Меня еще девочкой взяли к господам, я теперь отвыкла от простой жизни, и вот руки белые-белые, как у барышни. Нежная стала, такая деликатная, благородная, всего боюсь… Страшно так. И если вы, Яша, обманете меня, то я не знаю, что будет с моими нервами.

Яша *(целует ее)*. Огурчик! Конечно, каждая девушка должна себя помнить, и я больше всего не люблю, ежели девушка дурного поведения.

Дуняша. Я страстно полюбила вас, вы образованный, можете обо всем рассуждать.

Пауза.

Яша *(зевает)*. Да-с… По-моему, так: ежели

девушка кого любит, то она, значит, безнравственная.

Пауза.

Приятно выкурить сигару на чистом воздухе… *(Прислушивается.)* Сюда идут… Это господа…

Дуняша порывисто обнимает его.

Идите домой, будто ходили на реку купаться, идите этой дорожкой, а то встретятся и подумают про меня, будто я с вами на свидании. Терпеть этого не могу.

Дуняша *(тихо кашляет)*. У меня от сигары голова разболелась… *(Уходит.)*

Яша остается, сидит возле часовни. Входят ***Любовь Андреевна***, ***Гаев*** *и* ***Лопахин***.

Лопахин. Надо окончательно решить — время не ждет. Вопрос ведь совсем пустой. Согласны вы отдать землю под дачи или нет? Ответьте одно слово: да или нет? Только одно слово!

Любовь Андреевна. Кто это здесь курит отвратительные сигары… *(Садится.)*

Гаев. Вот железную дорогу построили, и стало удобно. *(Садится.)* Съездили в город и позавтракали… желтого в середину! Мне бы сначала пойти в дом, сыграть одну партию…

Любовь Андреевна. Успеешь.

Лопахин. Только одно слово! *(Умоляюще.)* Дай-

те же мне ответ!

Гаев *(зевая)*. Кого?

Любовь Андреевна *(глядит в свое портмоне)*. Вчера было много денег, а сегодня совсем мало. Бедная моя Варя из экономии кормит всех молочным супом, на кухне старикам дают один горох, а я трачу как-то бессмысленно… *(Уронила портмоне, рассыпала золотые.)* Ну, посыпались… *(Ей досадно.)*

Яша. Позвольте, я сейчас подберу. *(Собирает монеты.)*

Любовь Андреевна. Будьте добры, Яша. И зачем я поехала завтракать… Дрянной ваш ресторан с музыкой, скатерти пахнут мылом… Зачем так много пить, Леня? Зачем так много есть? Зачем так много говорить? Сегодня в ресторане ты говорил опять много и все некстати. О семидесятых годах, о декадентах. И кому? Половым говорить о декадентах!

Лопахин. Да.

Гаев *(машет рукой)*. Я неисправим, это очевидно… *(Раздраженно Яше.)* Что такое, постоянно вертишься перед глазами…

Яша *(смеется)*. Я не могу без смеха вашего голоса слышать.

Гаев *(сестре)*. Или я, или он…

Любовь Андреевна. Уходите, Яша, ступайте…

Яша *(отдает Любови Андреевне кошелек)*. Сейчас уйду. *(Едва удерживается от смеха.)* Сию минуту… *(Уходит.)*

Лопахин. Ваше имение собирается купить богач Дериганов. На торги, говорят, приедет сам лично.

Любовь Андреевна. А вы откуда слышали?

Лопахин. В городе говорят.

Гаев. Ярославская тетушка обещала прислать, а когда и сколько пришлет, неизвестно…

Лопахин. Сколько она пришлет? Тысяч сто? Двести?

Любовь Андреевна. Ну… Тысяч десять-пятнадцать, и на том спасибо.

Лопахин. Простите, таких легкомысленных людей, как вы, господа, таких неделовых, странных, я еще не встречал. Вам говорят русским языком, имение ваше продается, а вы точно не понимаете.

Любовь Андреевна. Что же нам делать? Научите, что?

Лопахин. Я вас каждый день учу. Каждый день я говорю все одно и то же. И вишневый сад, и землю необходимо отдать в аренду под дачи, сделать это теперь же, поскорее — аукцион на носу! Пой-

мите! Раз окончательно решите, чтобы были дачи, так денег вам дадут сколько угодно, и вы тогда спасены.

Любовь Андреевна. Дачи и дачники — это так пошло, простите.

Гаев. Совершенно с тобой согласен.

Лопахин. Я или зарыдаю, или закричу, или в обморок упаду. Не могу! Вы меня замучили! *(Гаеву.)* Баба вы!

Гаев. Кого?

> Раневская скорее не хочет видеть реальности и принимать ее. Она не спорит с Лопахиным, не отвечает на его аргументы. Она говорит: «дачники – это пошло». Она выше приземленной реальности. При этом у нее присутствует острое ощущение конца: «Я все жду чего-то, как будто над нами должен обвалиться дом». И катастрофу она воспринимает как наказание за свои грехи. Но с кем она будет в этом регистре разговаривать? Она не менее одинока, чем Шарлотта.

Лопахин. Баба! *(Хочет уйти.)*

Любовь Андреевна *(испуганно)*. Нет, не уходите, останьтесь, голубчик. Прошу вас. Может быть,

надумаем что-нибудь!

Лопахин. О чем тут думать!

Любовь Андреевна. Не уходите, прошу вас. С вами все-таки веселее…

Пауза.

Я все жду чего-то, как будто над нами должен обвалиться дом.

Гаев *(в глубоком раздумье)*. Дуплет в угол… Круазе в середину…

Любовь Андреевна. Уж очень много мы грешили…

Лопахин. Какие у вас грехи…

Гаев *(кладет в рот леденец)*. Говорят, что я все свое состояние проел на леденцах… *(Смеется.)*

Любовь Андреевна. О, мои грехи… Я всегда сорила деньгами без удержу, как сумасшедшая, и вышла замуж за человека, который делал одни только долги. Муж мой умер от шампанского, — он страшно пил, — и, на несчастье, я полюбила другого, сошлась, и как раз в это время, — это было первое наказание, удар прямо в голову, — вот тут на реке… утонул мой мальчик, и я уехала за границу, совсем уехала, чтобы никогда не возвращаться, не видеть этой реки… Я закрыла глаза, бежала, себя не помня, а *он* за мной… безжалостно, грубо. Купила я дачу возле Ментоны,

так как *он* заболел там, и три года я не знала отдыха ни днем ни ночью; больной измучил меня, душа моя высохла. А в прошлом году, когда дачу продали за долги, я уехала в Париж, и там он обобрал меня, бросил, сошелся с другой, я пробовала отравиться… Так глупо, так стыдно… И потянуло вдруг в Россию, на родину, к девочке моей… *(Утирает слезы.)* Господи, Господи, будь милостив, прости мне грехи мои! Не наказывай меня больше! *(Достает из кармана телеграмму.)* Получила сегодня из Парижа… Просит прощения, умоляет вернуться… *(Рвет телеграмму.)* Словно где-то музыка. *(Прислушивается.)*

Гаев. Это наш знаменитый еврейский оркестр. Помнишь, четыре скрипки, флейта и контрабас.

Любовь Андреевна. Он еще существует? Его бы к нам зазвать как-нибудь, устроить вечерок.

Лопахин *(прислушивается)*. Не слыхать… *(Тихо напевает.)* «И за деньги русака немцы офранцузят». *(Смеется.)* Какую я вчера пьесу смотрел в театре, очень смешно.

Любовь Андреевна. И, наверное, ничего нет смешного. Вам не пьесы смотреть, а смотреть бы почаще на самих себя. Как вы все серо живете, как много говорите ненужного.

Лопахин. Это правда. Надо прямо говорить,

жизнь у нас дурацкая…

Пауза.

Отсутствие «идеального» героя в пьесах Чехова можно объяснить тем, что в системе персонажей его пьес места для такого персонажа не предусмотрено. Это черта реалистического метода Чехова. Ведь в реальности найти идеального героя маловероятно.

Мой папаша был мужик, идиот, ничего не понимал, меня не учил, а только бил спьяна, и все палкой. В сущности, и я такой же болван и идиот. Ничему не обучался, почерк у меня скверный, пишу я так, что от людей совестно, как свинья.

Любовь Андреевна. Жениться вам нужно, мой друг.

Лопахин. Да… Это правда.

Любовь Андреевна. На нашей бы Варе. Она хорошая девушка.

Лопахин. Да.

Любовь Андреевна. Она у меня из простых, работает целый день, а главное, вас любит. Да и вам-то давно нравится.

Лопахин. Что же? Я не прочь… Она хорошая девушка.

Пауза.

Гаев. Мне предлагают место в банке. Шесть тысяч в год… Слыхала?

Любовь Андреевна. Где тебе! Сиди уж…

***Фирс** входит; он принес пальто.*

Фирс *(Гаеву)*. Извольте, сударь, надеть, а то сыро.

Гаев *(надевает пальто)*. Надоел ты, брат.

Фирс. Нечего там… Утром уехали, не сказавшись. *(Оглядывает его.)*

Любовь Андреевна. Как ты постарел, Фирс!

Фирс. Чего изволите?

Лопахин. Говорят, ты постарел очень!

Фирс. Живу давно. Меня женить собирались, а вашего папаши еще на свете не было… *(Смеется.)* А воля вышла, я уже старшим камердинером был. Тогда я не согласился на волю, остался при господах…

> У Фирса смысл жизни есть: служить господам. В дореформенные времена и порядок был, и карьеру Фирс делал. Только в чем смысл это порядка – тоже никто не может сказать. Лопахин, сын крепостного, иронизирует: «Прежде очень хорошо было. По крайней мере,

драли». Однако Фирс не все слышит и, соглашаясь, продолжает свою логику о смысле жизни через поддержание порядка.

Пауза.

И помню, все рады, а чему рады, и сами не знают.

Лопахин. Прежде очень хорошо было. По крайней мере, драли.

Фирс *(не расслышав)*. А еще бы. Мужики при господах, господа при мужиках, а теперь все враздробь, не поймешь ничего.

Гаев. Помолчи, Фирс. Завтра мне нужно в город. Обещали познакомить с одним генералом, который может дать под вексель.

Лопахин. Ничего у вас не выйдет. И не заплатите вы процентов, будьте покойны.

Любовь Андреевна. Это он бредит. Никаких генералов нет.

Входят ***Трофимов***, ***Аня*** *и* ***Варя***.

Гаев. А вот и наши идут.

Аня. Мама сидит.

Любовь Андреевна *(нежно)*. Иди, иди… Родные мои… *(Обнимая Аню и Варю.)* Если бы вы обе знали, как я вас люблю. Садитесь рядом, вот так.

Все усаживаются.

Лопахин. Наш вечный студент все с барышнями ходит.

Трофимов. Не ваше дело.

Лопахин. Ему пятьдесят лет скоро, а он все еще студент.

Трофимов. Оставьте ваши дурацкие шутки.

Лопахин. Что же ты, чудак, сердишься?

Трофимов. А ты не приставай.

Лопахин *(смеется)*. Позвольте вас спросить, как вы обо мне понимаете?

Трофимов. Я, Ермолай Алексеич, так понимаю: вы богатый человек, будете скоро миллионером. Вот как в смысле обмена веществ нужен хищный зверь, который съедает все, что попадается ему на пути, так и ты нужен.

Все смеются.

Варя. Вы, Петя, расскажите лучше о планетах.

Любовь Андреевна. Нет, давайте продолжим вчерашний разговор.

Трофимов. О чем это?

Гаев. О гордом человеке.

Трофимов. Мы вчера говорили долго, но ни к чему не пришли. В гордом человеке, в вашем смысле, есть что-то мистическое. Быть может, вы и правы по-своему, но если рассуждать попросту,

без затей, то какая там гордость, есть ли в ней смысл, если человек физиологически устроен неважно, если в своем громадном большинстве он груб, неумен, глубоко несчастлив. Надо перестать восхищаться собой. Надо бы только работать.

Гаев. Все равно умрешь.

Трофимов. Кто знает? И что значит — умрешь? Быть может, у человека сто чувств и со смертью погибают только пять, известных нам, а остальные девяносто пять остаются живы.

Любовь Андреевна. Какой вы умный, Петя!..

Лопахин *(иронически)*. Страсть!

Трофимов. Человечество идет вперед, совершенствуя свои силы. Все, что недосягаемо для него теперь, когда-нибудь станет близким, понятным, только вот надо работать, помогать всеми силами тем, кто ищет истину. У нас, в России, работают пока очень немногие. Громадное большинство той интеллигенции, какую я знаю, ничего не ищет, ничего не делает и к труду пока не способно. Называют себя интеллигенцией, а прислуге говорят «ты», с мужиками обращаются как с животными, учатся плохо, серьезно ничего не читают, ровно ничего не делают, о науках только говорят, в искусстве понимают мало.

Все серьезны, у всех строгие лица, все говорят только о важном, философствуют, а между тем у всех на глазах рабочие едят отвратительно, спят без подушек, по тридцати, по сорока в одной комнате, везде клопы, смрад, сырость, нравственная нечистота… И, очевидно, все хорошие разговоры у нас для того только, чтобы отвести глаза себе и другим. Укажите мне, где у нас ясли, о которых говорят так много и часто, где читальни? О них только в романах пишут, на деле же их нет совсем. Есть только грязь, пошлость, азиатчина… Я боюсь и не люблю очень серьезных физиономий, боюсь серьезных разговоров. Лучше помолчим!

Идеал возможен только в будущем, но как должно быть устроено это будущее и как к нему идти, тоже никто не знает. О будущем в пьесе рассуждает Петя – «облезлый барин» и «вечный студент», который даже обучения закончить не может, хотя Чехов намекает, что это происходит не по воле самого Пети.

Лопахин. Знаете, я встаю в пятом часу утра, работаю с утра до вечера, ну, у меня постоянно деньги свои и чужие, и я вижу, какие кругом люди. Надо только начать делать что-нибудь, чтобы

понять, как мало честных, порядочных людей. Иной раз, когда не спится, я думаю: «Господи, ты дал нам громадные леса, необъятные поля, глубочайшие горизонты, и, живя тут, мы сами должны бы по-настоящему быть великанами…»

Любовь Андреевна. Вам понадобились великаны… Они только в сказках хороши, а так они пугают.

В глубине сцены проходит ***Епиходов*** *и играет на гитаре.*

(Задумчиво.) Епиходов идет…

Аня *(задумчиво)*. Епиходов идет…

Гаев. Солнце село, господа.

Трофимов. Да.

Гаев *(негромко, как бы декламируя)*. О природа, дивная, ты блещешь вечным сиянием, прекрасная и равнодушная, ты, которую мы называем матерью, сочетаешь в себе бытие и смерть, ты живишь и разрушаешь…

Варя *(умоляюще)*. Дядечка!

Аня. Дядя, ты опять!

Трофимов. Вы лучше желтого в середину дуплетом.

Гаев. Я молчу, молчу.

Все сидят, задумались. Тишина. Слышно только, как тихо бормочет Фирс. Вдруг раздается

отдаленный звук, точно с неба, звук лопнувшей струны, замирающий, печальный.

Любовь Андреевна. Это что?

Лопахин. Не знаю. Где-нибудь далеко в шахтах сорвалась бадья. Но где-нибудь очень далеко.

Гаев. А может быть, птица какая-нибудь… вроде цапли.

Трофимов. Или филин…

Любовь Андреевна *(вздрагивает).* Неприятно почему-то.

Пауза.

Фирс. Перед несчастьем тоже было: и сова кричала, и самовар гудел бесперечь.

Гаев. Перед каким несчастьем?

> «Звук лопнувшей струны, замирающий, печальный» – «сложный звук», по выражению Чехова. Возможно, этот образ лучший символ того, что представляет собой драматургия пьесы. В действиях героев мало смысла, но есть настроение, которое можно описать как раз такими словами. Персонажи комедии – люди-эхо, люди-отражения. Они, конечно, не призраки, а скорее след некой прежней жизни.

В прочувствованной речи слегка пьяного прохожего Чехов иронически соединяет и обрывает популярные в демократической среде строки Надсона и Некрасова, поэтов страдающей музы. Прохожий позиционирует себя тоже как терпящего лишения представителя народа, чтобы получить денег.

Фирс. Перед волей.

Пауза.

Любовь Андреевна. Знаете, друзья, пойдемте, уже вечереет. *(Ане.)* У тебя на глазах слезы… Что ты, девочка? *(Обнимает ее.)*

Аня. Это так, мама. Ничего.

Трофимов. Кто-то идет.

Показывается ***прохожий*** *в белой потасканной фуражке, в пальто; он слегка пьян.*

Прохожий. Позвольте вас спросить, могу ли я пройти здесь прямо на станцию?

Гаев. Можете. Идите по этой дороге.

Прохожий. Чувствительно вам благодарен. *(Кашлянув.)* Погода превосходная… *(Декламирует.)* Брат мой, страдающий брат… выдь на Волгу, чей стон… *(Варе.)* Мадемуазель, позвольте голодному россиянину копеек тридцать…

Варя испугалась, вскрикивает.

Лопахин *(сердито)*. Всякому безобразию есть свое приличие!

Любовь Андреевна *(оторопев)*. Возьмите… вот вам… *(Ищет в портмоне.)* Серебра нет… Все равно, вот вам золотой…

Прохожий. Чувствительно вам благодарен! *(Уходит.)*

Смех.

Варя *(испуганная)*. Я уйду… я уйду… Ах, мамочка, дома людям есть нечего, а вы ему отдали золотой.

Любовь Андреевна. Что ж со мной, глупой, делать! Я тебе дома отдам все, что у меня есть. Ермолай Алексеич, дадите мне еще взаймы!..

Лопахин. Слушаю.

А счастье в мире этой пьесы случайно. Идет пьяный, просит тридцать копеек, получает золотой. Эту линию воплощает Симеонов-Пищик, который все время получает какой-то выход из затруднительной ситуации, хотя сам об этом не заботится. И это подчеркивает драму главных героев.

Любовь Андреевна. Пойдемте, господа, пора.

А тут, Варя, мы тебя совсем просватали, поздравляю.

Варя *(сквозь слезы)*. Этим, мама, шутить нельзя.

Герои пьесы все время отвечают друг другу невпопад, потому что каждый существует в контексте своих проблем, как бы не замечая других. Поэтому слова не имеют веса, они оторваны от реальности. Автор дает зрителю/читателю понимание такой жизни персонажей. Раневская обещает Ане, что отдаст ей все деньги дома, и, наверное, верит в это в тот момент, когда говорит. Но не только не отдаст, но даже заберет и увезет в Париж все, что даст Ане ярославская бабушка.

Лопахин. Охмелия, иди в монастырь…

Гаев. А у меня дрожат руки: давно не играл на биллиарде.

Лопахин. Охмелия, о нимфа, помяни меня в твоих молитвах!

Любовь Андреевна. Идемте, господа. Скоро ужинать.

Варя. Напугал он меня. Сердце так и стучит.

Лопахин. Напоминаю вам, господа: двадцать

второго августа будет продаваться вишневый сад. Думайте об этом!.. Думайте!..

Уходят ***все****, кроме Трофимова и Ани.*

Аня *(смеясь)*. Спасибо прохожему, напугал Варю, теперь мы одни.

Трофимов. Варя боится, а вдруг мы полюбим друг друга, и целые дни не отходит от нас. Она своей узкой головой не может понять, что мы выше любви. Обойти то мелкое и призрачное, что мешает быть свободным и счастливым, — вот цель и смысл нашей жизни. Вперед! Мы идем неудержимо к яркой звезде, которая горит там вдали! Вперед! Не отставай, друзья!

Лопахин иронично декламирует слова Гамлета из известной трагедии Уильяма Шекспира к его несчастной невесте Офелии, которая так за него и не вышла: «Офелия, иди в монастырь или выйди замуж за шута» и «Офелия! О нимфа! Помяни меня в своих молитвах». В контексте их отношений и размышлений Вари о монастыре звучит очень остро. Лопахин дразнит плачущую Варю, переиначивая имя героини. «Охмелия» звучит то ли как производное от «охмелела», то ли

как областное произношение? В любом случае он показывает остроту ума.

Аня *(всплескивая руками)*. Как хорошо вы говорите!

Пауза.

Сегодня здесь дивно!

Трофимов. Да, погода удивительная.

Аня. Что вы со мной сделали, Петя, отчего я уже не люблю вишневого сада, как прежде. Я любила его так нежно, мне казалось, на земле нет лучше места, как наш сад.

Трофимов. Вся Россия наш сад. Земля велика и прекрасна, есть на ней много чудесных мест.

Пауза.

Подумайте, Аня: ваш дед, прадед и все ваши предки были крепостники, владевшие живыми душами, и неужели с каждой вишни в саду, с каждого листка, с каждого ствола не глядят на вас человеческие существа, неужели вы не слышите голосов… Владеть живыми душами — ведь это переродило всех вас, живших раньше и теперь живущих, так что ваша мать, вы, дядя уже не замечаете, что вы живете в долг, на чужой счет, на счет тех людей, которых вы не пускаете дальше передней… Мы отстали по крайней мере

лет на двести, у нас нет еще ровно ничего, нет определенного отношения к прошлому, мы только философствуем, жалуемся на тоску или пьем водку. Ведь так ясно, чтобы начать жить в настоящем, надо сначала искупить наше прошлое, покончить с ним, а искупить его можно только страданием, только необычайным, непрерывным трудом. Поймите это, Аня.

Аня. Дом, в котором мы живем, давно уже не наш дом, и я уйду, даю вам слово.

Трофимов. Если у вас есть ключи от хозяйства, то бросьте их в колодец и уходите. Будьте свободны как ветер.

Аня *(в восторге)*. Как хорошо вы сказали!

Трофимов. Верьте мне, Аня, верьте! Мне еще нет тридцати, я молод, я еще студент, но я уже столько вынес! Как зима, так я голоден, болен, встревожен, беден, как нищий, и — куда только судьба не гоняла меня, где я только не был! И все же душа моя всегда, во всякую минуту, и днем и ночью, была полна неизъяснимых предчувствий. Я предчувствую счастье, Аня, я уже вижу его…

Аня *(задумчиво)*. Восходит луна.

Слышно, как Епиходов играет на гитаре все ту же грустную песню. Восходит луна. Где-то

около тополей Варя ищет Аню и зовет: «Аня! Где ты?»

Трофимов. Да, восходит луна.

Пауза.

Тема страдания и искупления продолжает тему греха Раневской, перенесенного на ее род. Однако Чехов ироничен и эти слова отдает «вечному студенту», что определенно снижает их пафос. Связана с темой счастья. Трофимов произносит слова, увлекает Аню, но непонятно, что такое счастье, есть ли оно где-то – то ли на луне, то ли в будущем. Здесь, в реальности, его нет. Петя питается самой мыслью о возможности счастья где-то и для кого-то. (Ср. персонажей с героями «Рудина», «Дворянского гнезда» Тургенева.)

Вот оно счастье, вот оно идет, подходит все ближе и ближе, я уже слышу его шаги. И если мы не увидим, не узнаем его, то что за беда? Его увидят другие!

Голос Вари: «Аня! Где ты?»

Опять эта Варя! *(Сердито.)* Возмутительно!

Аня. Что ж? Пойдемте к реке. Там хорошо.

Трофимов. Пойдемте.
Идут.
Голос Вари: «Аня! Аня!»

Занавес

Действие третье

Гостиная, отделенная аркой от залы. Горит люстра. Слышно, как в передней играет еврейский оркестр, тот самый, о котором упоминается во втором акте. Вечер. В зале танцуют grand-rond. Голос Симеонова-Пищика: «Promenade a une paire!» Выходят в гостиную: в первой паре ***Пищик*** *и* ***Шарлотта Ивановна****, во второй —* ***Трофимов*** *и* ***Любовь Андреевна****, в третьей —* ***Аня с почтовым чиновником****, в четвертой —* ***Варя с начальником станции*** *и т. д.* ***Варя*** *тихо плачет и, танцуя, утирает слезы. В последней паре* ***Дуняша****. Идут по гостиной. Пищик кричит: «Grand-rond, balancez!» и «Les cavaliers à genoux et remerciez vos dames!»*[2]

Фирс *во фраке проносит на подносе сельтерскую воду. Входят в гостиную* ***Пищик*** *и* ***Трофимов****.*

Пищик. Я полнокровный, со мной уже два раза удар был, танцевать трудно, но, как говорится, попал в стаю, лай не лай, а хвостом виляй.

---

[2] Сноски: 2

«Променад парами!», «Большой круг, балансе!», «Кавалеры, на колени и благодарите дам!» *(фр.)*

Здоровье-то у меня лошадиное. Мой покойный родитель, шутник, Царство Небесное, насчет нашего происхождения говорил так, будто древний род наш Симеоновых-Пищиков происходит будто бы от той самой лошади, которую Калигула посадил в сенате… *(Садится.)* Но вот беда: денег нет! Голодная собака верует только в мясо… *(Храпит и тотчас же просыпается.)* Так и я… могу только про деньги…

Трофимов. А у вас в фигуре в самом деле есть что-то лошадиное.

Пищик. Что ж… лошадь хороший зверь… Лошадь продать можно…

Слышно, как в соседней комнате играют на биллиарде. В зале под аркой показывается ***Варя****.*

Трофимов *(дразнит)*. Мадам Лопахина! Мадам Лопахина!..

Варя *(сердито)*. Облезлый барин!

Трофимов. Да, я облезлый барин и горжусь этим!

Варя *(в горьком раздумье)*. Вот наняли музыкантов, а чем платить? *(Уходит.)*

Трофимов *(Пищику)*. Если бы энергия, которую вы в течение всей вашей жизни затратили на поиски денег для уплаты процентов, пошла у вас на что-нибудь другое, то, вероятно, в конце

концов вы могли бы перевернуть землю.

Самое напряженное действие пьесы. Торги происходят за сценой, там повышают ставки, а на сцене растет напряжение от ожидания их результата. «Отчего нет Леонида?» – звучит рефреном вопрос Раневской. Внешне же все скрыто балом – карнавальным действием открытого шутовства: прислуга танцует вместе с господами (правда, совсем не такими важными, как в прошлом), Шарлотта показывает фокусы, пришедшего Лопахина Варя по ошибке бьет палкой Фирса по голове.

Пищик. Ницше… философ… величайший, знаменитейший… громадного ума человек, говорит в своих сочинениях, будто фальшивые бумажки делать можно.

Философия Ницше о сверхчеловеке на месте Бога часто использовалась как оправдание всего аморального.

Трофимов. А вы читали Ницше?
Пищик. Ну… Мне Дашенька говорила. А я те-

перь в таком положении, что хоть фальшивые бумажки делай… Послезавтра триста десять рублей платить… Сто тридцать уже достал… *(Ощупывает карманы, встревоженно.)* Деньги пропали! Потерял деньги! *(Сквозь слезы.)* Где деньги? *(Радостно.)* Вот они, за подкладкой… Даже в пот ударило…

Входят ***Любовь Андреевна*** *и* ***Шарлотта Ивановна****.*

Любовь Андреевна *(напевает лезгинку)*. Отчего так долго нет Леонида? Что он делает в городе? *(Дуняше.)* Дуняша, предложите музыкантам чаю…

Трофимов. Торги не состоялись, по всей вероятности.

Любовь Андреевна. И музыканты пришли некстати, и бал мы затеяли некстати… Ну, ничего… *(Садится и тихо напевает.)*

Шарлотта *(подает Пищику колоду карт)*. Вот вам колода карт, задумайте какую-нибудь одну карту.

Пищик. Задумал.

Шарлотта. Тасуйте теперь колоду. Очень хорошо. Дайте сюда, о мой милый господин Пищик.

Ein, zwei, drei![3] Теперь поищите, она у вас в боковом кармане…

Пищик *(достает из бокового кармана карту).* Восьмерка пик, совершенно верно! *(Удивляясь.)* Вы подумайте!

Шарлотта *(держит на ладони колоду карт, Трофимову).* Говорите скорее, какая карта сверху?

Трофимов. Что ж? Ну, дама пик.

Шарлотта. Есть! *(Пищику.)* Ну? Какая карта сверху?

Пищик. Туз червовый.

Шарлотта. Есть! *(Бьет по ладони, колода карт исчезает.)* А какая сегодня хорошая погода!

Ей отвечает таинственный женский голос, точно из-под пола: «О да, погода великолепная, сударыня».

Вы такой хороший мой идеал…

Голос: «Вы, сударыня, мне тоже очень понравился».

Начальник станции *(аплодирует).* Госпожа чревовещательница, браво!

Пищик *(удивляясь).* Вы подумайте! Очаровательнейшая Шарлотта Ивановна… я просто влюблен…

---

[3] Сноски: 3
Раз, два, три! *(нем.)*

Шарлотта. Влюблен? *(Пожав плечами.)* Разве вы можете любить? Guter Mensch, aber schlechter Musikant[4].

Трофимов *(хлопает Пищика по плечу)*. Лошадь вы этакая…

Шарлотта. Прошу внимания, еще один фокус. *(Берет со стула плед.)* Вот очень хороший плед, я желаю продавать… *(Встряхивает.)* Не желает ли кто покупать?

Пищик *(удивляясь)*. Вы подумайте!

Шарлотта. Ein, zwei, drei! *(Быстро поднимает опущенный плед.)*

*За пледом стоит **Аня**; она делает реверанс, бежит к матери, обнимает ее и убегает назад в залу при общем восторге.*

Любовь Андреевна *(аплодирует)*. Браво, браво!..

Шарлотта. Теперь еще! Ein, zwei, drei!

*Поднимает плед; за пледом стоит **Варя** и кланяется.*

Пищик *(удивляясь)*. Вы подумайте!

Шарлотта. Конец! *(Бросает плед на Пищика, делает реверанс и убегает в залу.)*

Пищик *(спешит за ней)*. Злодейка… какова?

---

[4] Сноски: 4
Хороший человек, но плохой музыкант *(нем.)*.

Какова? *(Уходит.)*

Любовь Андреевна. А Леонида все нет. Что он делает в городе так долго, не понимаю! Ведь все уже кончено там, имение продано или торги не состоялись, зачем же так долго держать в неведении!

Варя *(стараясь ее утешить)*. Дядечка купил, я в этом уверена.

Трофимов *(насмешливо)*. Да.

Варя. Бабушка прислала ему доверенность, чтобы он купил на ее имя с переводом долга. Это она для Ани. И я уверена, Бог поможет, дядечка купит.

Любовь Андреевна. Ярославская бабушка прислала пятнадцать тысяч, чтобы купить имение на ее имя, — нам она не верит, — а этих денег не хватило бы даже проценты заплатить. *(Закрывает лицо руками.)* Сегодня судьба моя решается, судьба…

Трофимов *(дразнит Варю)*. Мадам Лопахина!

Варя *(сердито)*. Вечный студент! Уже два раза увольняли из университета.

Любовь Андреевна. Что же ты сердишься, Варя? Он дразнит тебя Лопахиным, ну что ж? Хочешь — выходи за Лопахина, он хороший, интересный человек. Не хочешь — не выходи; тебя,

дуся, никто не неволит…

Варя. Я смотрю на это дело серьезно, мамочка, надо прямо говорить. Он хороший человек, мне нравится.

Любовь Андреевна. И выходи. Что же ждать, не понимаю!

Варя. Мамочка, не могу же я сама делать ему предложение. Вот уже два года все мне говорят про него, все говорят, а он или молчит, или шутит. Я понимаю. Он богатеет, занят делом, ему не до меня. Если бы были деньги, хоть немного, хоть бы сто рублей, бросила бы я всё, ушла бы подальше. В монастырь бы ушла.

Трофимов. Благолепие!

Варя *(Трофимову)*. Студенту надо быть умным! *(Мягким тоном, со слезами.)* Какой вы стали некрасивый, Петя, как постарели! *(Любови Андреевне, уже не плача.)* Только вот без дела не могу, мамочка. Мне каждую минуту надо что-нибудь делать.

В системе персонажей у героев первого ряда существуют комические двойники. Помещица Раневская, не просящая денег у Лопахина, – помещик Симеонов-Пищик, постоянно клянчащий денег у всех;

удачливый мужик-предприниматель Лопахин – конторщик Епиходов, «двадцать два несчастья»; гувернер-студент Петя, свободный и мечтающий вести Аню в будущее, – гувернантка Ани Шарлотта, человек без прошлого и будущего, показывающая фокусы, зависимая от всех.

Входит ***Яша****.*

Яша *(едва удерживаясь от смеха).* Епиходов биллиардный кий сломал!.. *(Уходит.)*

Варя. Зачем же Епиходов здесь? Кто ему позволил на биллиарде играть? Не понимаю этих людей… *(Уходит.)*

Любовь Андреевна. Не дразните ее, Петя, вы видите, она и без того в горе.

Трофимов. Уж очень она усердная, не в свое дело суется. Все лето не давала покоя ни мне, ни Ане, боялась, как бы у нас романа не вышло. Какое ей дело? И к тому же я вида не подавал, я так далек от пошлости. Мы выше любви!

Любовь Андреевна. А я вот, должно быть, ниже любви. *(В сильном беспокойстве.)* Отчего нет Леонида? Только бы знать: продано имение или нет? Несчастье представляется мне до такой степени невероятным, что даже как-то не знаю,

что думать, теряюсь… Я могу сейчас крикнуть… могу глупость сделать. Спасите меня, Петя. Говорите же что-нибудь, говорите…

Трофимов. Продано ли сегодня имение или не продано — не все ли равно? С ним давно уже покончено, нет поворота назад, заросла дорожка. Успокойтесь, дорогая. Не надо обманывать себя, надо хоть раз в жизни взглянуть правде прямо в глаза.

Любовь Андреевна. Какой правде? Вы видите, где правда и где неправда, а я точно потеряла зрение, ничего не вижу. Вы смело решаете все важные вопросы, но скажите, голубчик, не потому ли это, что вы молоды, что вы не успели перестрадать ни одного вашего вопроса? Вы смело смотрите вперед, и не потому ли, что не видите и не ждете ничего страшного, так как жизнь еще скрыта от ваших молодых глаз? Вы смелее, честнее, глубже нас, но вдумайтесь, будьте великодушны хоть на кончике пальца, пощадите меня. Ведь я родилась здесь, здесь жили мои отец и мать, мой дед, я люблю этот дом, без вишневого сада я не понимаю своей жизни, и если уж так нужно продавать, то продавайте и меня вместе с садом… *(Обнимает Трофимова, целует его в лоб.)* Ведь мой сын утонул здесь… *(Плачет.)*

Пожалейте меня, хороший, добрый человек.

Раневская переживает. Она страдает, она на пределе. А Пете все равно. Именно в этот момент он решает поучить ее жизни и «открыть глаза» на саму себя. Но Раневская все про себя и так знает. Ранее она сама уже проговорила всю Петину «правду». И она все равно поедет в Париж к тому «дикому человеку» и, вероятно, там и погибнет. В ответ Пете Раневская говорит правду о нем самом. И Петя, которому казалось, что все равно, обижается на нее как ребенок.

Трофимов. Вы знаете, я сочувствую всей душой.

Любовь Андреевна. Но надо иначе, иначе это сказать… *(Вынимает платок, на пол падает телеграмма.)* У меня сегодня тяжело на душе, вы не можете себе представить. Здесь мне шумно, дрожит душа от каждого звука, я вся дрожу, а уйти к себе не могу, мне одной в тишине страшно. Не осуждайте меня, Петя… Я вас люблю, как родного. Я охотно бы отдала за вас Аню, клянусь вам, только, голубчик, надо же учиться, надо курс кончить. Вы ничего не делаете, только судьба

бросает вас с места на место, так это странно... Не правда ли? Да? И надо же что-нибудь с бородой сделать, чтобы она росла как-нибудь... *(Смеется.)* Смешной вы!

Трофимов *(поднимает телеграмму).* Я не желаю быть красавцем.

Любовь Андреевна. Это из Парижа телеграмма. Каждый день получаю. И вчера, и сегодня. Этот дикий человек опять заболел, опять с ним нехорошо... Он просит прощения, умоляет приехать, и по-настоящему мне следовало бы съездить в Париж, побыть возле него. У вас, Петя, строгое лицо, но что же делать, голубчик мой, что мне делать, он болен, он одинок, несчастлив, а кто там поглядит за ним, кто удержит его от ошибок, кто даст ему вовремя лекарство? И что ж тут скрывать или молчать, я люблю его, это ясно. Люблю, люблю... Это камень на моей шее, я иду с ним на дно, но я люблю этот камень и жить без него не могу. *(Жмет Трофимову руку.)* Не думайте дурно, Петя, не говорите мне ничего, не говорите...

Трофимов *(сквозь слезы).* Простите за откровенность бога ради: ведь он обобрал вас!

Любовь Андреевна. Нет, нет, нет, не надо говорить так... *(Закрывает уши.)*

Трофимов. Ведь он негодяй, только вы одна

не знаете этого! Он мелкий негодяй, ничтожество…

Любовь Андреевна *(рассердившись, но сдержанно).* Вам двадцать шесть лет или двадцать семь, а вы все еще гимназист второго класса!

Трофимов. Пусть!

Любовь Андреевна. Надо быть мужчиной, в ваши годы надо понимать тех, кто любит. И надо самому любить… надо влюбляться! *(Сердито.)* Да, да! И у вас нет чистоты, а вы просто чистюлька, смешной чудак, урод…

Трофимов *(в ужасе).* Что она говорит!

Любовь Андреевна. «Я выше любви»! Вы не выше любви, а просто, как вот говорит наш Фирс, вы недотепа. В ваши годы не иметь любовницы!..

Трофимов *(в ужасе).* Это ужасно! Что она говорит?! *(Идет быстро в залу, схватив себя за голову.)* Это ужасно… Не могу, я уйду… *(Уходит, но тотчас же возвращается.)* Между нами все кончено! *(Уходит в переднюю.)*

Любовь Андреевна *(кричит вслед).* Петя, погодите! Смешной человек, я пошутила! Петя!

Слышно, как в передней кто-то быстро идет по лестнице и вдруг с грохотом падает вниз. Аня и Варя вскрикивают, но тотчас же слышится смех.

Что там такое?

Вбегает ***Аня****.*

Аня *(смеясь)*. Петя с лестницы упал! *(Убегает.)*

Любовь Андреевна. Какой чудак этот Петя…

Начальник станции *останавливается среди залы и читает «Грешницу» А. Толстого. Его слушают, но едва он прочел несколько строк, как из передней доносятся звуки вальса, и чтение обрывается. Все танцуют. Проходят из передней* ***Трофимов***, ***Аня***, ***Варя*** *и* ***Любовь Андреевна****.*

Ну, Петя… ну, чистая душа… я прощения прошу… Пойдемте танцевать… *(Танцует с Петей.)*

Аня *и* ***Варя*** *танцуют.*

Фирс *входит, ставит свою палку около боковой двери.* ***Яша*** *тоже вошел из гостиной, смотрит на танцы.*

Яша. Что, дедушка?

Фирс. Нездоровится. Прежде у нас на балах танцевали генералы, бароны, адмиралы, а теперь посылаем за почтовым чиновником и начальником станции, да и те не в охотку идут. Что-то ослабел я. Барин покойный, дедушка, всех сургучом пользовал, от всех болезней. Я сургуч принимаю каждый день уже лет двадцать, а то и больше; может, я от него и жив.

Опять звучит тема греха и искупления: «Бледнеет грешница младая,/Дрожат открытые уста,/И пала ниц она, рыдая,/Перед святынею Христа». Так заканчивается стихотворение А. К. Толстого, но оно обрывается, едва начавшись: «Народ кипит, веселье, хохот,/Звон лютней и кимвалов грохот…» Покаяния не происходит.

Яша. Надоел ты, дед. *(Зевает.)* Хоть бы ты поскорее подох.

Фирс. Эх ты… недотепа! *(Бормочет.)*

Трофимов и Любовь Андреевна танцуют в зале, потом в гостиной.

Любовь Андреевна. Mercі. Я посижу… *(Садится.)* Устала.

Входит ***Аня***.

Аня *(взволнованно)*. А сейчас на кухне какой-то человек говорил, что вишневый сад уже продан сегодня.

Любовь Андреевна. Кому продан?

Аня. Не сказал кому. Ушел. *(Танцует с Трофимовым, оба уходят в залу.)*

Яша. Это там какой-то старик болтал. Чужой.

Фирс. А Леонида Андреича еще нет, не приехал. Пальто на нем легкое, демисезон, того гляди

простудится. Эх, молодо-зелено!

Любовь Андреевна. Я сейчас умру. Подите, Яша, узнайте, кому продано.

Яша. Да он давно ушел, старик-то. *(Смеется.)*

Любовь Андреевна *(с легкой досадой)*. Ну, чему вы смеетесь? Чему рады?

Яша. Очень уж Епиходов смешной. Пустой человек. Двадцать два несчастья.

Любовь Андреевна. Фирс, если продадут имение, то куда ты пойдешь?

Фирс. Куда прикажете, туда и пойду.

Любовь Андреевна. Отчего у тебя лицо такое? Ты нездоров? Шел бы, знаешь, спать…

Фирс. Да… *(С усмешкой.)* Я уйду спать, а без меня тут кто подаст, кто распорядится? Один на весь дом.

> Фирс уверен, что именно на нем держится дом. И в контраст драматизму ситуации он усмехается. Не первый раз по ходу пьесы он смеется в каком-то виде.

Яша *(Любови Андреевне)*. Любовь Андреевна! Позвольте обратиться к вам с просьбой, будьте так добры! Если опять поедете в Париж, то возьмите меня с собой, сделайте милость. Здесь мне

оставаться положительно невозможно. *(Оглядываясь, вполголоса.)* Что ж там говорить, вы сами видите, страна необразованная, народ безнравственный, притом скука, на кухне кормят безобразно, а тут еще Фирс этот ходит, бормочет разные неподходящие слова. Возьмите меня с собой, будьте так добры!

Входит ***Пищик****.*

Пищик. Позвольте просить вас… на вальсишку, прекраснейшая… *(Любовь Андреевна идет с ним.)* Очаровательная, все-таки сто восемьдесят рубликов я возьму у вас… Возьму… *(Танцует.)* Сто восемьдесят рубликов…

Перешли в залу.

Яша *(тихо напевает)*. «Поймешь ли ты души моей волненье…»

В зале фигура в сером цилиндре и в клетчатых панталонах машет руками и прыгает; крики: «Браво, Шарлотта Ивановна!»

Дуняша *(остановилась, чтобы попудриться)*. Барышня велит мне танцевать, — кавалеров много, а дам мало, — а у меня от танцев кружится голова, сердце бьется, Фирс Николаевич, а сейчас чиновник с почты такое мне сказал, что у меня дыхание захватило.

Музыка стихает.

Фирс. Что же он тебе сказал?

Дуняша. Вы, говорит, как цветок.

Яша *(зевает).* Невежество… *(Уходит.)*

Дуняша. Как цветок… Я такая деликатная девушка, ужасно люблю нежные слова.

Фирс. Закрутишься ты.

Входит ***Епиходов****.*

Епиходов. Вы, Авдотья Федоровна, не желаете меня видеть… как будто я какое насекомое. *(Вздыхает.)* Эх, жизнь!

Дуняша. Что вам угодно?

Епиходов. Несомненно, может, вы и правы. *(Вздыхает.)* Но, конечно, если взглянуть с точки зрения, то вы, позволю себе так выразиться, извините за откровенность, совершенно привели меня в состояние духа. Я знаю свою фортуну, каждый день со мной случается какое-нибудь несчастье, и к этому я давно уже привык, так что с улыбкой гляжу на свою судьбу. Вы дали мне слово, и хотя я…

Дуняша. Прошу вас, после поговорим, а теперь оставьте меня в покое. Теперь я мечтаю. *(Играет веером.)*

Епиходов. У меня несчастье каждый день, и я, позволю себе так выразиться, только улыбаюсь, даже смеюсь.

Входит из залы ***Варя.***

Варя. Ты все еще не ушел, Семен? Какой же ты, право, неуважительный человек. *(Дуняше.)* Ступай отсюда, Дуняша. *(Епиходову.)* То на биллиарде играешь и кий сломал, то по гостиной расхаживаешь, как гость.

Епиходов. С меня взыскивать, позвольте вам выразиться, вы не можете.

Варя. Я не взыскиваю с тебя, а говорю. Только и знаешь, что ходишь с места на место, а делом не занимаешься. Конторщика держим, а неизвестно — для чего.

Епиходов *(обиженно)*. Работаю ли я, хожу ли, кушаю ли, играю ли на биллиарде, про то могут рассуждать только люди понимающие и старшие.

Варя. Ты смеешь мне говорить это! *(Вспылив.)* Ты смеешь? Значит, я ничего не понимаю? Убирайся же вон отсюда! Сию минуту!

Епиходов *(струсив)*. Прошу вас выражаться деликатным способом.

Варя *(выйдя из себя)*. Сию же минуту вон отсюда! Вон!

Он идет к двери, она за ним.

Двадцать два несчастья! Чтобы духу твоего здесь не было! Чтобы глаза мои тебя не видели!

Епиходов *вышел, за дверью его голос: «Я на вас буду жаловаться».*

А, ты назад идешь? *(Хватает палку, поставленную около двери Фирсом.)* Иди… Иди… Иди, я тебе покажу… А, ты идешь? Идешь? Так вот же тебе… *(Замахивается.)*

> Буффонада, как в цирке, внешне, а по ходу действия – кульминация драмы. Вообще видимая, внешняя клоунада сопровождает все действие: Шарлотта, Епиходов, Пищик, Гаев, Фирс в цилиндре, – все они в чем-то клоуны.

В это время входит ***Лопахин****.*

Лопахин. Покорнейше благодарю.

Варя *(сердито и насмешливо)*. Виновата!

Лопахин. Ничего-с. Покорно благодарю за приятное угощение.

Варя. Не стоит благодарности. *(Отходит, потом оглядывается и спрашивает мягко.)* Я вас не ушибла?

Лопахин. Нет, ничего. Шишка, однако, вскочит огромадная.

Голоса в зале: «Лопахин приехал! Ермолай Алексеич!»

Пищик. Видом видать, слыхом слыхать…

(Целуется с Лопахиным.) Коньячком от тебя попахивает, милый мой, душа моя. А мы тут тоже веселимся.

> Социального конфликта, на наш взгляд, в пьесе нет. У действующих лиц другой ракурс отношений и иные взаимосвязи. Речь скорее идет о счастье-несчастье. Представим, каким может быть конфликт. Старое – новое? Феодализм – капитализм? Капитализм – социализм? Богатые – бедные? Город – деревня? Прогресс – традиция? Зачатки всего этого у Чехова есть, но это все фон, подоплека сложных жизненных человеческих отношений.

*Входит **Любовь Андреевна**.*

Любовь Андреевна. Это вы, Ермолай Алексеич? Отчего так долго? Где Леонид?

Лопахин. Леонид Андреич со мной приехал, он идет…

Любовь Андреевна *(волнуясь)*. Ну, что? Были торги? Говорите же!

Лопахин *(сконфуженно, боясь обнаружить свою радость)*. Торги кончились к четырем часам… Мы к поезду опоздали, пришлось ждать

до половины десятого. *(Тяжело вздохнув.)* Уф! У меня немножко голова кружится…

Входит ***Гаев****; в правой руке у него покупки, левой он утирает слезы.*

Любовь Андреевна. Леня, что? Леня, ну? *(Нетерпеливо, со слезами.)* Скорей же, бога ради…

Гаев *(ничего ей не отвечает, только машет рукой; Фирсу, плача).* Вот возьми… Тут анчоусы, керченские сельди… Я сегодня ничего не ел… Столько я выстрадал!

Кульминацией должно было стать появление Гаева. И Раневская опять задает свой вопрос, а оказывается, что Лопахин, главное действующее лицо, уже появился при комических, как мы помним, обстоятельствах. Гаев уже не важен. Нагнетание напряжения и замедление действия. Гаев приходит, говорит о мелочах, купленных в городе, и уходит.

Кульминация. Напряжение настолько велико, что Чехову требуется не просто пауза, но и пояснение состояния Раневской. Как это изобразить на сцене – трудно себе представить. Но Чехову важно четко в ремарке прописать психологиче-

ское состояние Раневской, осознавшей в полной мере потерю сада.

Дверь в биллиардную открыта; слышен стук шаров и голос Яши: «Семь и восемнадцать!» У Гаева меняется выражение, он уже не плачет.

Устал я ужасно. Дашь мне, Фирс, переодеться. *(Уходит к себе через залу, за ним Фирс.)*

Пищик. Что на торгах? Рассказывай же!

Любовь Андреевна. Продан вишневый сад?

Лопахин. Продан.

Любовь Андреевна. Кто купил?

Лопахин. Я купил.

Пауза.

Любовь Андреевна угнетена; она упала бы, если бы не стояла возле кресла и стола. Варя снимает с пояса ключи, бросает их на пол, посреди гостиной, и уходит.

Я купил! Погодите, господа, сделайте милость, у меня в голове помутилось, говорить не могу… *(Смеется.)* Пришли мы на торги, там уже Дериганов. У Леонида Андреича было только пятнадцать тысяч, а Дериганов сверх долга сразу надавал тридцать. Вижу, дело такое, я схватился с ним, надавал сорок. Он сорок пять. Я пятьдесят пять. Он, значит, по пяти надбавляет, я по десяти…

Ну, кончилось. Сверх долга я надавал девяносто, осталось за мной. Вишневый сад теперь мой! Мой! *(Хохочет.)* Боже мой, господи, вишневый сад мой! Скажите мне, что я пьян, не в своем уме, что все это мне представляется… *(Топочет ногами.)* Не смейтесь надо мной! Если бы отец мой и дед встали из гробов и посмотрели на все происшествие, как их Ермолай, битый, малограмотный Ермолай, который зимой босиком бегал, как этот самый Ермолай купил имение, прекрасней которого ничего нет на свете. Я купил имение, где дед и отец были рабами, где их не пускали даже в кухню. Я сплю, это только мерещится мне, это только кажется… Это плод вашего воображения, покрытый мраком неизвестности… *(Поднимает ключи, ласково улыбаясь.)* Бросила ключи, хочет показать, что она уж не хозяйка здесь… *(Звенит ключами.)* Ну, да все равно.

Слышно, как настраивается оркестр.

Эй, музыканты, играйте, я желаю вас слушать! Приходите все смотреть, как Ермолай Лопахин хватит топором по вишневому саду, как упадут на землю деревья! Настроим мы дач, и наши внуки и правнуки увидят тут новую жизнь… Музыка, играй!

Кураж Лопахина – внешний, торжество сменяется констатацией несчастья. Сад он купил, а ровней Раневской не стал. И дело здесь не в социальном плане, а в личностных отношениях мужчина–женщина. Раневская для Лопахина скорее идеал, сформировавшийся в детстве. Покупка сада ничего не компенсирует. Сад есть, а счастья нет. Желание вырубить сад – это не месть за крепостничество, а психотерапевтическая попытка убрать образы прошлого, которые становятся источником страдания. Все стереть, все забыть.

Играет музыка. Любовь Андреевна опустилась на стул и горько плачет.

(С укором.) Отчего же, отчего вы меня не послушали? Бедная моя, хорошая, не вернешь теперь. *(Со слезами.)* О, скорее бы все это прошло, скорее бы изменилась как-нибудь наша нескладная, несчастливая жизнь.

Пищик *(берет его под руку, вполголоса)*. Она плачет. Пойдем в залу, пусть она одна… Пойдем… *(Берет его под руку и уводит в залу.)*

Лопахин. Что ж такое? Музыка, играй отчет-

ливо! Пускай все, как я желаю! *(С иронией.)* Идет новый помещик, владелец вишневого сада! *(Толкнул нечаянно столик, едва не опрокинул канделябры.)* За все могу заплатить! *(Уходит с Пищиком.)*

В зале и гостиной нет никого, кроме Любови Андреевны, которая сидит, сжалась вся и горько плачет. Тихо играет музыка. Быстро входят ***Аня*** *и* ***Трофимов****. Аня подходит к матери и становится перед ней на колени. Трофимов остается у входа в залу.*

Аня. Мама!.. Мама, ты плачешь? Милая, добрая, хорошая моя мама, моя прекрасная, я люблю тебя… я благословляю тебя. Вишневый сад продан, его уже нет, это правда, правда, но не плачь, мама, у тебя осталась жизнь впереди, осталась твоя хорошая, чистая душа… Пойдем со мной, пойдем, милая, отсюда, пойдем!.. Мы насадим новый сад, роскошнее этого, ты увидишь его, поймешь, и радость, тихая, глубокая радость опустится на твою душу, как солнце в вечерний час, и ты улыбнешься, мама! Пойдем, милая! Пойдем!..

Еще один заведомо бессмысленный образ будущего. «Мы насадим новый сад», говорит Аня, понимая, что этого не будет.

Занавес

Действие четвертое

Декорация первого акта. Нет ни занавесей на окнах, ни картин, осталось немного мебели, которая сложена в один угол, точно для продажи. Чувствуется пустота. Около выходной двери и в глубине сцены сложены чемоданы, дорожные узлы и т. п. Налево дверь открыта, оттуда слышны голоса Вари и Ани. ***Лопахин*** *стоит, ждет.* ***Яша*** *держит поднос со стаканчиками, налитыми шампанским. В передней* ***Епиходов*** *увязывает ящик. За сценой в глубине гул. Это пришли прощаться мужики. Голос Гаева: «Спасибо, братцы, спасибо вам».*

Кольцевая композиция. Приезд – отъезд. Дорога. Это и есть образы жизни.

Яша. Простой народ прощаться пришел. Я такого мнения, Ермолай Алексеич: народ добрый, но мало понимает.

Гул стихает. Входят через переднюю ***Любовь Андреевна*** *и* ***Гаев****; она не плачет, но бледна, лицо ее дрожит, она не может говорить.*

Гаев. Ты отдала им свой кошелек, Люба. Так

нельзя! Так нельзя!

Любовь Андреевна. Я не смогла! Я не смогла!

***Оба** уходят.*

Лопахин *(в дверь, им вслед)*. Пожалуйте, покорнейше прошу! По стаканчику на прощанье. Из города не догадался привезть, а на станции нашел только одну бутылку. Пожалуйте!

Пауза.

Что ж, господа! Не желаете? *(Отходит от двери.)* Знал бы — не покупал. Ну и я пить не стану.

***Яша** осторожно ставит поднос на стул.*

Выпей, Яша, хоть ты.

Яша. С отъезжающими! Счастливо оставаться! *(Пьет.)* Это шампанское не настоящее, могу вас уверить.

Лопахин. Восемь рублей бутылка.

Пауза.

Холодно здесь чертовски.

Яша. Не топили сегодня, все равно уезжаем. *(Смеется.)*

Лопахин. Что ты?

Вот здесь Лопахин ведет себя как недообразованный нувориш. Это и в лексике отражается – «привезть», и акцент на цене с шампанским. Но раньше по хо-

ду действия он таким не был. Деловит, конкретен, но разговаривает с Раневской и Гаевым на равных. Что это? Маски сброшены и Лопахин явил свое истинное лицо? Нет, это маска, которую он надевает, потому что не знает, что делать, как себя вести.

Яша. От удовольствия.

Лопахин. На дворе октябрь, а солнечно и тихо, как летом. Строиться хорошо. *(Поглядев на часы, в дверь.)* Господа, имейте в виду, до поезда осталось всего сорок шесть минут! Значит, через двадцать минут на станцию ехать. Поторапливайтесь.

Трофимов *в пальто входит со двора.*

Трофимов. Мне кажется, ехать уже пора. Лошади поданы. Черт его знает, где мои калоши. Пропали. *(В дверь.)* Аня, нет моих калош! Не нашел!

Лопахин. А мне в Харьков надо. Поеду с вами в одном поезде. В Харькове проживу всю зиму. Я все болтался с вами, замучился без дела. Не могу без работы, не знаю, что вот делать с руками; болтаются как-то странно, точно чужие.

Трофимов. Сейчас уедем, и вы опять приметесь

за свой полезный труд.

Лопахин. Выпей-ка стаканчик.

Трофимов. Не стану.

Лопахин. Значит, в Москву теперь?

Трофимов. Да, провожу их в город, а завтра в Москву.

Лопахин. Да… Что ж, профессора не читают лекций, небось всё ждут, когда приедешь!

Трофимов. Не твое дело.

Лопахин. Сколько лет, как ты в университете учишься?

Трофимов. Придумай что-нибудь поновее. Это старо и плоско. *(Ищет калоши.)* Знаешь, мы, пожалуй, не увидимся больше, так вот позволь мне дать тебе на прощанье один совет: не размахивай руками! Отвыкни от этой привычки — размахивать. И тоже вот строить дачи, рассчитывать, что из дачников со временем выйдут отдельные хозяева, рассчитывать так — это тоже значит размахивать… Как-никак, все-таки я тебя люблю. У тебя тонкие, нежные пальцы, как у артиста, у тебя тонкая, нежная душа…

Лопахин *(обнимает его)*. Прощай, голубчик. Спасибо за всё. Ежели нужно, возьми у меня денег на дорогу.

Трофимов. Для чего мне? Не нужно.

Лопахин. Ведь у вас нет!

Трофимов. Есть. Благодарю вас. Я за перевод получил. Вот они тут, в кармане. *(Тревожно.)* А калош моих нет!

Варя *(из другой комнаты)*. Возьмите вашу гадость! *(Выбрасывает на сцену пару резиновых калош.)*

Трофимов. Что же вы сердитесь, Варя? Гм… Да это не мои калоши!

Лопахин. Я весной посеял маку тысячу десятин и теперь заработал сорок тысяч чистого. А когда мой мак цвел, что это была за картина! Так вот я, говорю, заработал сорок тысяч и, значит, предлагаю тебе взаймы, потому что могу. Зачем же нос драть? Я мужик… попросту.

Трофимов. Твой отец был мужик, мой — аптекарь, и из этого не следует решительно ничего.

Лопахин вынимает бумажник.

Оставь, оставь… Дай мне хоть двести тысяч, не возьму. Я свободный человек. И все, что так высоко и дорого цените вы все, богатые и нищие, не имеет надо мной ни малейшей власти, вот как пух, который носится по воздуху. Я могу обходиться без вас, я могу проходить мимо вас, я силен и горд. Человечество идет к высшей правде, к высшему счастью, какое только возможно

на земле, и я в первых рядах!

Лопахин. Дойдешь?

Трофимов. Дойду.

Пауза.

Дойду или укажу другим путь, как дойти.

Слышно, как вдали стучат топором по дереву.

Лопахин. Ну, прощай, голубчик. Пора ехать. Мы друг перед другом нос дерем, а жизнь знай себе проходит. Когда я работаю подолгу, без устали, тогда мысли полегче, и кажется, будто мне тоже известно, для чего я существую. А сколько, брат, в России людей, которые существуют неизвестно для чего. Ну все равно, циркуляция дела не в этом. Леонид Андреич, говорят, принял место, будет в банке, шесть тысяч в год… Только ведь не усидит, ленив очень…

Аня *(в дверях)*. Мама вас просит: пока она не уехала, чтоб не рубили сада.

Трофимов. В самом деле, неужели не хватает такта… *(Уходит через переднюю.)*

Опять Петя идет к счастью вместе со всем человечеством, а в реальности – стук топора по дереву. Но с другой стороны, денег Петя не берет, хотя в них нуждается. Раневскую Лопахин купить

даже не пытается, а вот Петю пробует, но даже на этом уровне ничего не получается. Лопахин как царь Мидас – все, к чему прикоснется, превращается в золото (неслучайна именно здесь рассказанная история про мак), но это не счастье, а его проклятие.

Лопахин. Сейчас, сейчас… Экие, право. *(Уходит за ним.)*

Аня. Фирса отправили в больницу?

Яша. Я утром говорил. Отправили, надо думать.

Аня *(Епиходову, который проходит через залу)*. Семен Пантелеич, справьтесь, пожалуйста, отвезли ли Фирса в больницу.

Яша *(обиженно)*. Утром я говорил Егору. Что ж спрашивать по десяти раз!

Епиходов. Долголетний Фирс, по моему окончательному мнению, в починку не годится, ему надо к праотцам. А я могу ему только завидовать. *(Положил чемодан на картонку со шляпой и раздавил.)* Ну вот, конечно. Так и знал. *(Уходит.)*

Яша *(насмешливо)*. Двадцать два несчастья…

Варя *(за дверью)*. Фирса отвезли в больницу?

Аня. Отвезли.

Варя. Отчего же письмо не взяли к доктору?

Начинается финальная фантасмагория-трагикомедия, фарс – по-разному можно назвать, но суть та же: много говорят о Фирсе и в итоге… забывают о нем!

Аня. Так надо послать вдогонку… *(Уходит.)*

Варя *(из соседней комнаты)*. Где Яша? Скажите, мать его пришла, хочет проститься с ним.

Яша *(машет рукой)*. Выводят только из терпения.

Дуняша *все время хлопочет около вещей; теперь, когда* ***Яша*** *остался один, она подошла к нему.*

Дуняша. Хоть бы взглянули разочек, Яша. Вы уезжаете… меня покидаете… *(Плачет и бросается ему на шею.)*

Яша. Что ж плакать? *(Пьет шампанское.)* Через шесть дней я опять в Париже. Завтра сядем в курьерский поезд и закатим, только нас и видели. Даже как-то не верится. Вив ла Франс!..[5] Здесь не по мне, не могу жить… ничего не поделаешь. Насмотрелся на невежество — будет с меня. *(Пьет шампанское.)* Что ж плакать? Ведите себя

---

[5] Сноски: 5
Да здравствует Франция!.. (*фр.* Vive la France!)

прилично, тогда не будете плакать.

Дуняша *(пудрится, глядясь в зеркальце).* Пришлите из Парижа письмо. Ведь я вас любила, Яша, так любила! Я нежное существо, Яша!

Яша. Идут сюда. *(Хлопочет около чемоданов, тихо напевает.)*

Входят ***Любовь Андреевна***, ***Гаев***, ***Аня*** *и* ***Шарлотта Ивановна***.

Гаев. Ехать бы нам. Уже немного осталось. *(Глядя на Яшу.)* От кого это селедкой пахнет!

Любовь Андреевна. Минут через десять давайте уже в экипажи садиться… *(Окидывает взглядом комнату.)* Прощай, милый дом, старый дедушка. Пройдет зима, настанет весна, а там тебя уже не будет, тебя сломают. Сколько видели эти стены! *(Целует горячо дочь.)* Сокровище мое, ты сияешь, твои глазки играют, как два алмаза. Ты довольна? Очень?

Аня. Очень! Начинается новая жизнь, мама!

Гаев *(весело).* В самом деле, теперь все хорошо. До продажи вишневого сада мы все волновались, страдали, а потом, когда вопрос был решен окончательно, бесповоротно, все успокоились, повеселели даже… Я банковский служака, теперь я финансист… желтого в середину, и ты, Люба, как-никак, выглядишь лучше, это несомненно.

Любовь Андреевна. Да. Нервы мои лучше, это правда.

Ей подают шляпу и пальто.

Я сплю хорошо. Выносите мои вещи, Яша. Пора. *(Ане.)* Девочка моя, скоро мы увидимся… Я уезжаю в Париж, буду жить там на те деньги, которые прислала твоя ярославская бабушка на покупку имения — да здравствует бабушка! — а денег этих хватит ненадолго.

Аня. Ты, мама, вернешься скоро, скоро… не правда ли? Я подготовлюсь, выдержу экзамен в гимназии и потом буду работать, тебе помогать. Мы, мама, будем вместе читать разные книги… Не правда ли? *(Целует матери руки.)* Мы будем читать в осенние вечера, прочтем много книг, и перед нами откроется новый, чудесный мир… *(Мечтает.)* Мама, приезжай…

Любовь Андреевна. Приеду, мое золото. *(Обнимает дочь.)*

Входит ***Лопахин****. Шарлотта тихо напевает песенку.*

Раневская ни о ком не может позаботиться – ни о Фирсе, ни об Ане, ни о Варе. Собираясь устроить счастье Вари, она поговорит с Лопахиным, но и только. Ра-

невская уедет, потому что «надо ехать», не добившись результата. Вообще, это «надо ехать», «идти», «пойдем» – лейтмотив пьесы. Вместо решения проблем, развязывания узлов в отношениях – просто идут дальше, а там что-то будет… И почему-то невозможно остановиться, заняться своим ближним.

Гаев. Счастливая Шарлотта: поет!

Шарлотта *(берет узел, похожий на свернутого ребенка)*. Мой ребеночек, бай, бай…

Слышится плач ребенка: «Уа, уа!..»

Замолчи, мой хороший, мой милый мальчик.

«Уа!.. уа!..»

Мне тебя так жалко! *(Бросает узел на место.)* Так вы, пожалуйста, найдите мне место. Я не могу так.

Лопахин. Найдем, Шарлотта Ивановна, не беспокойтесь.

Гаев. Все нас бросают, Варя уходит… мы стали вдруг не нужны.

Шарлотта. В городе мне жить негде. Надо уходить… *(Напевает.)* Все равно…

Входит ***Пищик***.

Лопахин. Чудо природы!..

Пищик *(запыхавшись)*. Ой, дайте отдышаться… замучился… Мои почтеннейшие… Воды дайте…

Гаев. За деньгами небось? Слуга покорный, ухожу от греха… *(Уходит.)*

Пищик. Давненько не был у вас… прекраснейшая… *(Лопахину.)* Ты здесь… рад тебя видеть… громаднейшего ума человек… возьми… получи… *(Подает Лопахину деньги.)* Четыреста рублей… За мной остается восемьсот сорок…

Лопахин *(в недоумении пожимает плечами)*. Точно во сне… Ты где же взял?

Пищик. Постой… Жарко… Событие необычайнейшее. Приехали ко мне англичане и нашли в земле какую-то белую глину… *(Любови Андреевне.)* И вам четыреста… прекрасная… удивительная… *(Подает деньги.)* Остальные потом. *(Пьет воду.)* Сейчас один молодой человек рассказывал в вагоне, будто какой-то… великий философ советует прыгать с крыш… «Прыгай!» — говорит, и в этом вся задача. *(Удивленно.)* Вы подумайте! Воды!..

Пищик – человек случая, который нашел свое счастье. Но главным героям случайное счастье недоступно. Это обстоятельства, предложенные автором.

В принципе, Раневская с самого начала имеет то, что вдруг свалилось на Пищика. Об этом открыто говорит Лопахин – о выгодном расположении имения и возможности извлекать из него доход в новых обстоятельствах. Но это не их путь.

Лопахин. Какие же это англичане?

Пищик. Сдал им участок с глиной на двадцать четыре года… А теперь, извините, некогда… надо скакать дальше… Поеду к Знойкову… к Кардамонову… Всем должен… *(Пьет.)* Желаю здравствовать… В четверг заеду…

Любовь Андреевна. Мы сейчас переезжаем в город, а завтра я за границу…

Пищик. Как? *(Встревоженно.)* Почему в город? То-то я гляжу на мебель… чемоданы… Ну, ничего… *(Сквозь слезы.)* Ничего… Величайшего ума люди… эти англичане… Ничего… Будьте счастливы… Бог поможет вам… Ничего… Всему на этом свете бывает конец… *(Целует руку Любови Андреевне.)* А дойдет до вас слух, что мне конец пришел, вспомните вот эту самую… лошадь и скажите: «Был на свете такой-сякой… Симеонов-Пищик… Царство ему Небесное…» Замечательнейшая погода… Да… *(Уходит в сильном смущении,*

но тотчас же возвращается и говорит в дверях.) Кланялась вам Дашенька! *(Уходит.)*

Любовь Андреевна. Теперь можно и ехать. Уезжаю я с двумя заботами. Первая — это больной Фирс. *(Взглянув на часы.)* Еще минут пять можно…

Аня. Мама, Фирса уже отправили в больницу. Яша отправил утром.

Любовь Андреевна. Вторая моя печаль — Варя. Она привыкла рано вставать и работать, и теперь без труда она как рыба без воды. Похудела, побледнела и плачет, бедняжка…

Пауза.

Вы это очень хорошо знаете, Ермолай Алексеич; я мечтала… выдать ее за вас, да и по всему видно было, что вы женитесь. *(Шепчет Ане, та кивает Шарлотте, и обе уходят.)* Она вас любит, вам она по душе, и не знаю, не знаю, почему это вы точно сторонитесь друг друга. Не понимаю!

Лопахин. Я сам тоже не понимаю, признаться. Как-то странно все… Если есть еще время, то я хоть сейчас готов… Покончим сразу — и баста, а без вас я, чувствую, не сделаю предложения.

Любовь Андреевна. И превосходно. Ведь одна минута нужна только. Я ее сейчас позову…

Лопахин. Кстати и шампанское есть. *(Поглядев*

на стаканчики.) Пустые, кто-то уже выпил.

Яша кашляет.

Это называется вылакать…

По форме пьеса не просто комедия, а фарс. Однако по содержанию – почти греческая трагедия о непреодолимости судьбы, но извечном стремлении человека идти ей наперекор, несмотря на всем известный результат таких усилий. Однако чеховская комедия оставляет вопрос – а зачем весь этот пафос, если все несчастны? Жизнь сложнее жанровых схем. (Ср. с «Человеческой комедией» Бальзака). Раневская, с одной стороны, героиня греческой трагедии, а с другой – мать-кукушка, которая оставляет Аню и Варю ни с чем.

Любовь Андреевна *(оживленно)*. Прекрасно. Мы выйдем… Яша, allez![6] Я ее позову… *(В дверь.)* Варя, оставь все, поди сюда. Иди! *(Уходит с Яшей.)*

Лопахин *(поглядев на часы)*. Да…

Пауза.

---

[6] Сноски: 6
Идите! *(фр.)*

За дверью сдержанный смех, шепот, наконец входит ***Варя****.*

Варя *(долго осматривает вещи)*. Странно, никак не найду…

Лопахин. Что вы ищете?

Варя. Сама уложила и не помню.

Пауза.

Лопахин. Вы куда же теперь, Варвара Михайловна?

Варя. Я? К Рагулиным… Договорилась к ним смотреть за хозяйством… в экономки, что ли.

Лопахин. Это в Яшнево? Верст семьдесят будет.

Пауза.

Вот и кончилась жизнь в этом доме…

Варя *(оглядывая вещи)*. Где же это… Или, может, я в сундук уложила… Да, жизнь в этом доме кончилась… больше уже не будет…

Лопахин. А я в Харьков уезжаю сейчас… вот с этим поездом. Дела много. А тут во дворе оставляю Епиходова… Я его нанял.

Варя. Что ж!

Лопахин. В прошлом году об эту пору уже снег шел, если припомните, а теперь тихо, солнечно. Только что вот холодно… Градуса три мороза.

Варя. Я не поглядела.

Пауза.

Да и разбит у нас градусник…

Пауза.

Голос в дверь со двора: «Ермолай Алексеич!..»

Лопахин *(точно давно ждал этого зова)*. Сию минуту! *(Быстро уходит.)*

Варя, сидя на полу, положив голову на узел с платьем, тихо рыдает. Отворяется дверь, осторожно входит ***Любовь Андреевна****.*

Любовь Андреевна. Что?

Пауза.

Надо ехать.

Варя *(уже не плачет, вытерла глаза)*. Да, пора, мамочка. Я к Рагулиным поспею сегодня, не опоздать бы только к поезду…

Любовь Андреевна *(в дверь)*. Аня, одевайся!

Входит ***Аня****, потом* ***Гаев****,* ***Шарлотта Ивановна****. На Гаеве теплое пальто с башлыком. Сходится* ***прислуга****,* ***извозчики****. Около вещей хлопочет* ***Епиходов****.*

Теперь можно и в дорогу.

Аня *(радостно)*. В дорогу!

Гаев. Друзья мои, милые, дорогие друзья мои! Покидая этот дом навсегда, могу ли я умолчать, могу ли удержаться, чтобы не высказать на прощанье те чувства, которые наполняют теперь все мое существо…

Аня *(умоляюще)*. Дядя!

Варя. Дядечка, не нужно!

Гаев *(уныло)*. Дуплетом желтого в середину… Молчу…

Входит ***Трофимов****, потом* ***Лопахин****.*

Трофимов. Что же, господа, пора ехать!

Лопахин. Епиходов, мое пальто!

Любовь Андреевна. Я посижу еще одну минутку. Точно раньше я никогда не видела, какие в этом доме стены, какие потолки, и теперь я гляжу на них с жадностью, с такой нежной любовью…

Гаев. Помню, когда мне было шесть лет, в Троицын день я сидел на этом окне и смотрел, как мой отец шел в церковь…

Любовь Андреевна. Все вещи забрали?

Лопахин. Кажется, все. *(Епиходову, надевая пальто.)* Ты же, Епиходов, смотри, чтобы все было в порядке.

Епиходов *(говорит сиплым голосом)*. Будьте покойны, Ермолай Алексеич!

Лопахин. Что это у тебя голос такой?

Епиходов. Сейчас воду пил, что-то проглотил.

Яша *(с презрением)*. Невежество…

Любовь Андреевна. Уедем — и здесь не останется ни души…

Лопахин. До самой весны.

Варя *(выдергивает из узла зонтик, похоже, как будто она замахнулась).*

Лопахин делает вид, что испугался.

Что вы, что вы… Я и не думала.

Трофимов. Господа, идемте садиться в экипажи… Уже пора! Сейчас поезд придет!

Варя. Петя, вот они, ваши калоши, возле чемодана. *(Со слезами.)* И какие они у вас грязные, старые…

Трофимов *(надевая калоши)*. Идем, господа!..

Гаев *(сильно смущен, боится заплакать)*. Поезд… станция… Круазе в середину, белого дуплетом в угол…

Любовь Андреевна. Идем!

Лопахин. Все здесь? Никого там нет? *(Запирает боковую дверь налево.)* Здесь вещи сложены, надо запереть. Идем!..

Аня. Прощай, дом! Прощай, старая жизнь!

Трофимов. Здравствуй, новая жизнь!.. *(Уходит с Аней.)*

Варя окидывает взглядом комнату и не спеша уходит. Уходят ***Яша*** *и* ***Шарлотта*** *с собачкой.*

Лопахин. Значит, до весны. Выходите, господа… До свиданция!.. *(Уходит.)*

Любовь Андреевна и Гаев остались вдвоем. Они

точно ждали этого, бросаются на шею друг другу и рыдают сдержанно, тихо, боясь, чтобы их не услышали.

Гаев *(в отчаянии).* Сестра моя, сестра моя…

Любовь Андреевна. О мой милый, мой нежный, прекрасный сад!.. Моя жизнь, моя молодость, счастье мое, прощай!.. Прощай!..

Голос Ани (весело, призывающе): «Мама!..» Голос Трофимова (весело, возбужденно): «Ау!..»

В последний раз взглянуть на стены, на окна… По этой комнате любила ходить покойная мать…

Гаев. Сестра моя, сестра моя!..

Голос Ани: «Мама!..» Голос Трофимова: «Ау!..»

Любовь Андреевна. Мы идем!..

Уходят.

Сцена пуста. Слышно, как на ключ запирают все двери, как потом отъезжают экипажи. Становится тихо. Среди тишины раздается глухой стук топора по дереву, звучащий одиноко и грустно.

Слышатся шаги. Из двери, что направо, показывается ***Фирс****. Он одет, как всегда, в пиджаке и белой жилетке, на ногах туфли. Он болен.*

Фирс *(подходит к двери, трогает за ручку).* Заперто. Уехали… *(Садится на диван.)* Про меня забыли… Ничего… я тут посижу… А Леонид Ан-

дреич небось шубы не надел, в пальто поехал… *(Озабоченно вздыхает.)* Я-то не поглядел… Молодо-зелено! *(Бормочет что-то, чего понять нельзя.)* Жизнь-то прошла, словно и не жил. *(Ложится.)* Я полежу… Силушки-то у тебя нету, ничего не осталось, ничего… Эх ты… недотепа!.. *(Лежит неподвижно.)*

Буржуазия Чехова не устраивает, она ему неинтересна, и ее конфликт с дворянством – тоже. Его больше занимает будущее, которое уже вступает в конфликт с буржуазией. Но суть этого будущего в том, что оно – идея, свет вдали, а не конкретный план. Поэтому и воплощают его «вечный студент» и Аня, которой, как пролетариату, уже нечего терять.

Фирс – не просто часть дома и сада, он и есть сад. По логике действия он не может покинуть или пережить сад – это символический план. А в реалистическом – бросили старика умирать. По воле автора оба эти плана существуют одновременно и нераздельно. Автор не морализирует. Зритель волен сам выбирать точку зрения, становясь, по сути, соавто-

ром Чехова, поэтому пьесы Чехова фантастически сценичны. Чехова невозможно «сломать». Куда ни пойди режиссерская мысль и трактовка, обнаружится, что у Чехова это есть.

Слышится отдаленный звук, точно с неба, звук лопнувшей струны, замирающий, печальный. Наступает тишина, и только слышно, как далеко в саду топором стучат по дереву.

Занавес

Три сестры
Драма в четырех действиях

Действующие лица

Прозоров Андрей Сергеевич.

Наталья Ивановна, его невеста, потом жена.

Ольга, Маша, Ирина — его сестры.

Кулыгин Федор Ильич, учитель гимназии, муж Маши.

Вершинин Александр Игнатьевич, подполковник, батарейный командир.

Тузенбах Николай Львович, барон, поручик.

Соленый Василий Васильевич, штабс-капитан.

Чебутыкин Иван Романович, военный доктор.

Федотик Алексей Петрович, подпоручик.

Родэ Владимир Карлович, подпоручик.

Ферапонт, сторож из земской управы, старик.

Анфиса, нянька, старуха 80 лет.

Действие происходит в губернском городе.

Действие первое

В доме Прозоровых. Гостиная с колоннами, за которыми виден большой зал. Полдень; на дворе солнечно, весело. В зале накрывают стол для завтрака.

***Ольга** в синем форменном платье учительницы женской гимназии, все время поправляет ученические тетрадки, стоя и на ходу; **Маша** в черном платье, со шляпкой на коленях сидит и читает книжку, **Ирина** в белом платье стоит задумавшись.*

Ольга. Отец умер ровно год назад, как раз в этот день, пятого мая, в твои именины, Ирина. Было очень холодно, тогда шел снег. Мне казалось, я не переживу, ты лежала в обмороке, как мертвая. Но вот прошел год, и мы вспоминаем об этом легко, ты уже в белом платье, лицо твое сияет. *(Часы бьют двенадцать.)* И тогда также били часы.

Пауза.

Помню, когда отца несли, то играла музыка, на кладбище стреляли. Он был генерал, командовал бригадой, между тем народу шло мало. Впрочем, был дождь тогда. Сильный дождь и снег.

Ирина. Зачем вспоминать!

Прием ретроспекции – рассказ о прошлом персонажей (на 1 год, затем на 11 назад, а позже и далее).

*За колоннами, в зале около стола показываются барон **Тузенбах**, **Чебутыкин** и **Соленый**.*

Ольга. Сегодня тепло, можно окна держать настежь, а березы еще не распускались. Отец получил бригаду и выехал с нами из Москвы одиннадцать лет назад, и, я отлично помню, в начале мая, вот в эту пору в Москве уже все в цвету, тепло, все залито солнцем. Одиннадцать лет прошло, а я помню там все, как будто выехали вчера. Боже мой! Сегодня утром проснулась, увидела массу света, увидела весну, и радость заволновалась в моей душе, захотелось на родину страстно.

Чебутыкин. Черта с два!

Тузенбах. Конечно, вздор.

Маша, задумавшись над книжкой, тихо насвистывает песню.

Ольга. Не свисти, Маша. Как это ты можешь!

Пауза.

Характерный прием драматургии А.

П. Чехова – наложения или смешения контекстов. Два разговора совершенно разных по содержанию, манере речи, темпу и т. д. накладываются друг на друга. Такой прием характерен для театра абсурда, однако здесь задача автора иная – изображение жизненной речевой ситуации. Эффект такого приема – создание речевого комизма, снижение пафоса, развенчание идеи и создание нового контекста. Это хорошо видно, когда читаешь текст, в театре создать такой эффект труднее.

Оттого, что я каждый день в гимназии и потом даю уроки до вечера, у меня постоянно болит голова и такие мысли, точно я уже состарилась. И в самом деле, за эти четыре года, пока служу в гимназии, я чувствую, как из меня выходят каждый день по каплям и силы, и молодость. И только растет и крепнет одна мечта…

Ирина. Уехать в Москву. Продать дом, покончить все здесь и — в Москву…

Ольга. Да! Скорее в Москву.

Чебутыкин и Тузенбах смеются.

Ирина. Брат, вероятно, будет профессором, он

все равно не станет жить здесь. Только вот остановка за бедной Машей.

Ольга. Маша будет приезжать в Москву на все лето, каждый год.

Маша тихо насвистывает песню.

Ирина. Бог даст, все устроится. *(Глядя в окно.)* Хорошая погода сегодня. Я не знаю, отчего у меня на душе так светло! Сегодня утром вспомнила, что я именинница, и вдруг почувствовала радость, и вспомнила детство, когда еще была жива мама! И какие чудные мысли волновали меня, какие мысли!

Ольга. Сегодня ты вся сияешь, кажешься необыкновенно красивой. И Маша тоже красива. Андрей был бы хорош, только он располнел очень, это к нему не идет. А я постарела, похудела сильно, оттого, должно быть, что сержусь в гимназии на девочек. Вот сегодня я свободна, я дома, и у меня не болит голова, я чувствую себя моложе, чем вчера. Мне двадцать восемь лет, только… Все хорошо, все от Бога, но мне кажется, если бы я вышла замуж и целый день сидела дома, то это было бы лучше.

Именины Ирины 5 (18 мая), великомученица Ирина Македонская.

Пауза.

Я бы любила мужа.

Тузенбах *(Соленому)*. Такой вы вздор говорите, надоело вас слушать. *(Входя в гостиную.)* Забыл сказать. Сегодня у вас с визитом будет наш новый батарейный командир Вершинин. *(Садится у пианино.)*

Ольга. Ну что ж! Очень рада.

Ирина. Он старый?

Тузенбах. Нет, ничего. Самое большее, лет сорок, сорок пять. *(Тихо наигрывает.)* По-видимому, славный малый. Неглуп — это несомненно. Только говорит много.

Ирина. Интересный человек?

Тузенбах. Да, ничего себе, только жена, теща и две девочки. Притом женат во второй раз. Он делает визиты и везде говорит, что у него жена и две девочки. И здесь скажет. Жена какая-то полоумная, с длинной девической косой, говорит одни высокопарные вещи, философствует и часто покушается на самоубийство, очевидно, чтобы насолить мужу. Я бы давно ушел от такой, но он терпит и только жалуется.

Пауза – одно из ярких и многофункциональных средств выразительности

в индивидуальном стиле Чехова. Пауза, например, может подчеркивать изменение тона и интонации, обозначать подтекст, служить, как в этом примере, разделом для высказывания персонажа. В последнем случае часть высказывания после паузы попадает в иной, по сравнению с началом, контекст.

Соленый *(входя из залы в гостиную с Чебутыкиным)*. Одной рукой я поднимаю только полтора пуда, а двумя пять, даже шесть пудов. Из этого я заключаю, что два человека сильнее одного не вдвое, а втрое, даже больше…

Меры веса, используемые до 1924 г.: 1 пуд = 40 фунтов = 1280 лотов = 3840 золотников. 1 пуд ~16,4 кг.

Чебутыкин *(читает на ходу газету)*. При выпадении волос… два золотника нафталина на полбутылки спирта… растворить и употреблять ежедневно… *(Записывает в книжку.)* Запишемс! *(Соленому.)* Так вот, я говорю вам, пробочка втыкается в бутылочку, и сквозь нее проходит стеклянная трубочка… Потом вы берете щепоточку самых простых, обыкновеннейших квасцов…

Старая мера веса:1 золотник ~ 4,3 гр. Идиомы: «съесть вместе пуд соли», «мал золотник, да дорог».

Ирина. Иван Романыч, милый Иван Романыч!

Чебутыкин. Что, девочка моя, радость моя?

Ирина. Скажите мне, отчего я сегодня так счастлива? Точно я на парусах, надо мной широкое голубое небо и носятся большие белые птицы. Отчего это? Отчего?

Чебутыкин *(целуя ей обе руки, нежно)*. Птица моя белая…

Ирина. Когда я сегодня проснулась, встала и умылась, то мне вдруг стало казаться, что для меня все ясно на этом свете и я знаю, как надо жить. Милый Иван Романыч, я знаю все. Человек должен трудиться, работать в поте лица, кто бы он ни был, и в этом одном заключается смысл и цель его жизни, его счастье, его восторги. Как хорошо быть рабочим, который встает чуть свет и бьет на улице камни, или пастухом, или учителем, который учит детей, или машинистом на железной дороге… Боже мой, не то что человеком, лучше быть волом, лучше быть простою лошадью, только бы работать, чем молодой женщиной, которая встает в двенадцать часов

дня, потом пьет в постели кофе, потом два часа одевается… о, как это ужасно! В жаркую погоду так иногда хочется пить, как мне захотелось работать. И если я не буду рано вставать и трудиться, то откажите мне в вашей дружбе, Иван Романыч.

Чебутыкин *(нежно)*. Откажу, откажу…

Ольга. Отец приучил нас вставать в семь часов. Теперь Ирина просыпается в семь и по крайней мере до девяти лежит и о чем-то думает. А лицо серьезное! *(Смеется.)*

> Тема труда одна из основных в пьесе, персонажи будут высказывать свои точки зрения на труд. Желание Ирины «работать» – красивая абстракция, доведенная автором до абсурда – «лучше быть волом, чем молодой женщиной». Она вообще не о себе говорит, а о какой-то гипотетической «молодой женщине». Про саму Ирину в следующей реплике Ольги говорится, что она просыпается в семь, но остается в кровати дольше, чем на два часа.

Ирина. Ты привыкла видеть меня девочкой, и тебе странно, когда у меня серьезное лицо. Мне

двадцать лет!

Тузенбах. Тоска по труде, о боже мой, как она мне понятна! Я не работал ни разу в жизни. Родился я в Петербурге, холодном и праздном, в семье, которая никогда не знала труда и никаких забот. Помню, когда я приезжал домой из корпуса, то лакей стаскивал с меня сапоги, я капризничал в это время, а моя мать смотрела на меня с благоговением и удивлялась, когда другие на меня смотрели иначе. Меня оберегали от труда. Только едва ли удалось оберечь, едва ли! Пришло время, надвигается на всех нас громада, готовится здоровая, сильная буря, которая идет, уже близка и скоро сдует с нашего общества лень, равнодушие, предубеждение к труду, гнилую скуку. Я буду работать, а через какие-нибудь 25–30 лет работать будет уже каждый человек. Каждый!

Чебутыкин. Я не буду работать.

Тузенбах. Вы не в счет.

Соленый. Через двадцать пять лет вас уже не будет на свете, слава богу. Года через два-три вы умрете от кондрашки, или я вспылю и всажу вам пулю в лоб, ангел мой. *(Вынимает из кармана флакон с духами и опрыскивает себе грудь, руки.)*

Автор заставил нас забыть, что Тузенбах, артиллерийский поручик, служит в провинции. Вряд ли он попал на такую службу по протекции. Это довольно тяжелый труд, как умственный, так и физический. Так что Тузенбах, как и Ирина, говорит о каком-то абстрактном образе неработающего барина, отражающем состояние современного ему общества, и противопоставляется этот образ будущему царству всеобщего труда.

Заметное и значимое движение скорее происходит в пространстве – Наташа будет со второго действия последовательно занимать дом, вытесняя сестер. Прошлое, связанное с родителями и детством в Москве на Басманной улице, тускнеет, теряет свои черты: забывается лицо матери, разбиты ее часы. Будущее ассоциируется с переездом в Москву, однако перспектива этого становится все менее реальной.

Чебутыкин *(смеется)*. А я в самом деле никогда ничего не делал. Как вышел из университета, так не ударил пальцем о палец, даже ни одной

книжки не прочел, а читал только одни газеты… *(Вынимает из кармана другую газету.)* Вот… Знаю по газетам, что был, положим, Добролюбов, а что он там писал — не знаю… Бог его знает…

Слышно, как стучат в пол из нижнего этажа.

Вот… Зовут меня вниз, кто-то ко мне пришел. Сейчас приду… погодите… *(Торопливо уходит, расчесывая бороду.)*

Ирина. Это он что-то выдумал.

Тузенбах. Да. Ушел с торжественной физиономией, очевидно, принесет вам сейчас подарок.

Ирина. Как это неприятно!

Ольга. Да, это ужасно. Он всегда делает глупости.

Маша. У лукоморья дуб зеленый, златая цепь на дубе том… Златая цепь на дубе том… *(Встает и напевает тихо.)*

Ольга. Ты сегодня невеселая, Маша.

Маша, напевая, надевает шляпу.

Куда ты?

Маша. Домой.

Ирина. Странно…

Тузенбах. Уходить с именин!

Маша. Все равно… Приду вечером. Прощай, моя хорошая… *(Целует Ирину.)* Желаю тебе еще раз, будь здорова, будь счастлива… В прежнее время,

когда был жив отец, к нам на именины приходило всякий раз по тридцать-сорок офицеров, было шумно, а сегодня только полтора человека и тихо, как в пустыне… Я уйду… Сегодня я в мерлехлюндии, невесело мне, и ты не слушай меня. *(Смеясь сквозь слезы.)* После поговорим, а пока прощай, моя милая, пойду куда-нибудь.

Ирина *(недовольная)*. Ну, какая ты…

Мерлехлюндия – хандра, меланхолия.

Ольга *(со слезами)*. Я понимаю тебя, Маша.

Соленый. Если философствует мужчина, то это будет философистика или там софистика; если же философствует женщина или две женщины, то уж это будет — потяни меня за палец.

Маша. Что вы хотите этим сказать, ужасно страшный человек?

Соленый. Ничего. Он ахнуть не успел, как на него медведь насел.

Пауза.

Маша *(Ольге, сердито)*. Не реви!

Входят ***Анфиса*** *и* ***Ферапонт*** *с тортом.*

Анфиса. Сюда, батюшка мой. Входи, ноги у тебя чистые. *(Ирине.)* Из земской управы, от Протопопова, Михаила Иваныча… Пирог.

Ирина. Спасибо. Поблагодари. *(Принимает*

торт.)

Ферапонт. Чего?

Ирина *(громче)*. Поблагодари!

Ольга. Нянечка, дай ему пирога. Ферапонт, иди, там тебе пирога дадут.

Ферапонт. Чего?

Анфиса. Пойдем, батюшка Ферапонт Спиридоныч. Пойдем… *(Уходит с Ферапонтом.)*

Маша. Не люблю я Протопопова, этого Михаила Потапыча, или Иваныча. Его не следует приглашать.

Ирина. Я не приглашала.

Маша. И прекрасно.

Входит ***Чебутыкин****, за ним* ***солдат*** *с серебряным самоваром; гул изумления и недовольства.*

Вместе:

Ольга *(закрывает лицо руками)*. Самовар! Это ужасно! (Уходит в залу к столу.)

Ирина. Голубчик Иван Романыч, что вы делаете!

Тузенбах *(смеется)*. Я говорил вам!

Маша. Иван Романыч, у вас просто стыда нет!

Чебутыкин. Милые мои, хорошие мои, вы у меня единственные, вы для меня самое дорогое, что только есть на свете. Мне скоро шестьдесят, я

старик, одинокий, ничтожный старик… Ничего во мне нет хорошего, кроме этой любви к вам, и если бы не вы, то я бы давно уже не жил на свете… *(Ирине.)* Милая, деточка моя, я знаю вас со дня вашего рождения… носил на руках… я любил покойницу-маму…

Ирина. Но зачем такие дорогие подарки!

Чебутыкин *(сквозь слезы, сердито)*. Дорогие подарки… Ну вас совсем! *(Денщику.)* Неси самовар туда… *(Дразнит.)* Дорогие подарки…

***Денщик** уносит самовар в залу.*

Анфиса *(проходя через гостиную)*. Милые, полковник незнакомый! Уж пальто снял, деточки, сюда идет. Аринушка, ты же будь ласковая, вежливенькая… *(Уходя.)* И завтракать уже давно пора… Господи…

Тузенбах. Вершинин, должно быть.

*Входит **Вершинин**.*

Подполковник Вершинин!

Вершинин *(Маше и Ирине)*. Честь имею представиться: Вершинин. Очень, очень рад, что наконец я у вас. Какие вы стали! Ай! ай!

Ирина. Садитесь, пожалуйста. Нам очень приятно.

Вершинин *(весело)*. Как я рад, как я рад! Но ведь вас три сестры. Я помню — три девочки. Лиц уж

не помню, но что у вашего отца, полковника Прозорова, были три маленьких девочки, я отлично помню и видел собственными глазами. Как идет время! Ой, ой, как идет время!

Тузенбах. Александр Игнатьевич из Москвы.

Ирина. Из Москвы? Вы из Москвы?

Вершинин. Да, оттуда. Ваш покойный отец был там батарейным командиром, а я в той же бригаде офицером. *(Маше.)* Вот ваше лицо немножко помню, кажется.

Маша. А я вас — нет!

Ирина. Оля! Оля! *(Кричит в залу.)* Оля, иди же!

***Ольга** входит из залы в гостиную.*

Подполковник Вершинин, оказывается, из Москвы.

Вершинин. Вы, стало быть, Ольга Сергеевна, старшая… А вы Мария… А вы Ирина — младшая…

Ольга. Вы из Москвы?

Вершинин. Да. Учился в Москве и начал службу в Москве, долго служил там, наконец получил здесь батарею — перешел сюда, как видите. Я вас не помню, собственно, помню только, что вас было три сестры. Ваш отец сохранился у меня в памяти, вот закрою глаза и вижу, как живого. Я у вас бывал в Москве…

Ольга. Мне казалось, я всех помню, и вдруг…

Вершинин. Меня зовут Александром Игнатьевичем…

Ирина. Александр Игнатьевич, вы из Москвы… Вот неожиданность!

Вершинин соединяет в себе идеализированное прошлое семьи Прозоровых и идеальное будущее, к которому они устремлены. Все это заключено в одном слове – Москва. И это слово переворачивает ситуацию, Вершинин – «свой», он в центре внимания. Тема Москвы становится идиллией и мечтой. Можно ли вернуться в счастливое прошлое? Пока переезд выглядит реальным, и приход Вершинина, который недавно был в Москве, только усиливает это ощущение. Мечта самого Вершинина о доме тоже идиллическая – светлая квартира с цветами.

Ольга. Ведь мы туда переезжаем.

Ирина. Думаем, к осени уже будем там. Наш родной город, мы родились там… На Старой Басманной улице…

Обе смеются от радости.

Маша. Неожиданно земляка увидели. *(Живо.)* Теперь вспомнила! Помнишь, Оля, у нас говорили: «влюбленный майор». Вы были тогда поручиком и в кого-то были влюблены, и вас все дразнили почему-то майором…

Вершинин *(смеется)*. Вот, вот… Влюбленный майор, это так…

Маша. У вас были тогда только усы… О, как вы постарели! *(Сквозь слезы.)* Как вы постарели!

Вершинин. Да, когда меня звали влюбленным майором, я был еще молод, был влюблен. Теперь не то.

Ольга. Но у вас еще ни одного седого волоса. Вы постарели, но еще не стары.

Вершинин. Однако уже сорок третий год. Вы давно из Москвы?

Ирина. Одиннадцать лет. Ну, что ты, Маша, плачешь, чудачка… *(Сквозь слезы.)* И я заплачу…

Маша. Я ничего. А на какой вы улице жили?

Вершинин. На Старой Басманной.

Ольга. И мы там тоже…

Вершинин. Одно время я жил на Немецкой улице. С Немецкой улицы я хаживал в Красные казармы. Там по пути угрюмый мост, под мостом вода шумит. Одинокому становится грустно на душе.

Пауза.

А здесь какая широкая, какая богатая река! Чудесная река!

Ольга. Да, но только холодно. Здесь холодно и комары…

Вершинин. Что вы! Здесь такой здоровый, хороший, славянский климат. Лес, река… и здесь тоже березы. Милые, скромные березы, я люблю их больше всех деревьев. Хорошо здесь жить. Только странно, вокзал железной дороги в двадцати верстах… И никто не знает, почему это так.

Соленый. А я знаю, почему это так.

Все глядят на него.

Потому что если бы вокзал был близко, то не был бы далеко, а если он далеко, то, значит, не близко.

Неловкое молчание.

Тузенбах. Шутник, Василий Васильич.

Ольга. Теперь и я вспомнила вас. Помню.

Вершинин. Я вашу матушку знал.

Чебутыкин. Хорошая была, Царство ей Небесное.

Ирина. Мама в Москве погребена.

Ольга. В Ново-Девичьем…

Маша. Представьте, я уж начинаю забывать ее лицо. Так и о нас не будут помнить. Забудут.

Вершинин. Да. Забудут. Такова уж судьба наша, ничего не поделаешь. То, что кажется нам серьезным, значительным, очень важным, — придет время, — будет забыто или будет казаться неважным.

Пауза.

И интересно, мы теперь совсем не можем знать, что, собственно, будет считаться высоким, важным и что жалким, смешным. Разве открытие Коперника или, положим, Колумба не казалось в первое время ненужным, смешным, а какой-нибудь пустой вздор, написанный чудаком, не казался истиной? И может статься, что наша теперешняя жизнь, с которой мы так миримся, будет со временем казаться странной, неудобной, неумной, недостаточно чистой, быть может, даже грешной…

Тузенбах. Кто знает? А быть может, нашу жизнь назовут высокой и вспомнят о ней с уважением. Теперь нет пыток, нет казней, нашествий, но вместе с тем сколько страданий!

Соленый *(тонким голосом)*. Цып, цып, цып… Барона кашей не корми, а только дай ему пофилософствовать.

Тузенбах. Василий Васильич, прошу вас оставить меня в покое… *(Садится на другое место.)*

Это скучно, наконец.

Соленый *(тонким голосом)*. Цып, цып, цып…

Тузенбах *(Вершинину)*. Страдания, которые наблюдаются теперь, — их так много! — говорят все-таки об известном нравственном подъеме, которого уже достигло общество…

Вершинин. Да, да, конечно.

Чебутыкин. Вы только что сказали, барон, нашу жизнь назовут высокой; но люди всё же низенькие… *(Встает.)* Глядите, какой я низенький. Это для моего утешения надо говорить, что жизнь моя высокая, понятная вещь.

За сценой игра на скрипке.

Маша. Это Андрей играет, наш брат.

Ирина. Он у нас ученый. Должно быть, будет профессором. Папа был военным, а его сын избрал себе ученую карьеру.

Маша. По желанию папы.

Ольга. Мы сегодня его задразнили. Он, кажется, влюблен немножко.

Ирина. В одну здешнюю барышню. Сегодня она будет у нас, по всей вероятности.

Маша. Ах, как она одевается! Не то чтобы некрасиво, не модно, а просто жалко. Какая-то странная, яркая, желтоватая юбка с этакой пошленькой бахромой и красная кофточка. И щеки

такие вымытые, вымытые! Андрей не влюблен — я не допускаю, все-таки у него вкус есть, а просто он так, дразнит нас, дурачится. Я вчера слышала, она выходит за Протопопова, председателя здешней управы. И прекрасно… *(В боковую дверь.)* Андрей, поди сюда! Милый, на минутку!

Входит ***Андрей.***

Ольга. Это мой брат, Андрей Сергеич.

Вершинин. Вершинин.

Андрей. Прозоров. *(Утирает вспотевшее лицо.)* Вы к нам батарейным командиром?

Ольга. Можешь представить, Александр Игнатьич из Москвы.

Андрей. Да? Ну, поздравляю, теперь мои сестрицы не дадут вам покою.

Вершинин. Я уже успел надоесть вашим сестрам.

Ирина. Посмотрите, какую рамочку для портрета подарил мне сегодня Андрей! *(Показывает рамочку.)* Это он сам сделал.

Вершинин *(глядя на рамочку и не зная, что сказать)*. Да… вещь…

Ирина. И вот ту рамочку, что над пианино, он тоже сделал.

Андрей машет рукой и отходит.

Ольга. Он у нас и ученый, и на скрипке играет,

и выпиливает разные штучки, одним словом, мастер на все руки. Андрей, не уходи! У него манера — всегда уходить. Поди сюда!

Маша и Ирина берут его под руки и со смехом ведут назад.

Маша. Иди, иди!

Андрей. Оставьте, пожалуйста.

Маша. Какой смешной! Александра Игнатьевича называли когда-то влюбленным майором, и он нисколько не сердился.

Вершинин. Нисколько!

Маша. А я хочу тебя назвать: влюбленный скрипач!

Ирина. Или влюбленный профессор!..

Ольга. Он влюблен! Андрюша влюблен!

Ирина *(аплодируя)*. Браво, браво! Бис! Андрюшка влюблен!

Чебутыкин *(подходит сзади к Андрею и берет его обеими руками за талию)*. Для любви одной природа нас на свет произвела! *(Хохочет; он все время с газетой.)*

Андрей. Ну, довольно, довольно... *(Утирает лицо.)* Я всю ночь не спал и теперь немножко не в себе, как говорится. До четырех часов читал, потом лег, но ничего не вышло. Думал о том о сем, а тут ранний рассвет, солнце так и лезет в спаль-

ню. Хочу за лето, пока буду здесь, перевести одну книжку с английского.

Вершинин. А вы читаете по-английски?

Андрей. Да. Отец, Царство ему Небесное, угнетал нас воспитанием. Это смешно и глупо, но в этом все-таки надо сознаться, после его смерти я стал полнеть и вот располнел в один год, точно мое тело освободилось от гнета. Благодаря отцу я и сестры знаем французский, немецкий и английский языки, а Ирина знает еще по-итальянски. Но чего это стоило!

Маша. В этом городе знать три языка ненужная роскошь. Даже и не роскошь, а какой-то ненужный придаток, вроде шестого пальца. Мы знаем много лишнего.

Вершинин. Вот те на! *(Смеется.)* Знаете много лишнего! Мне кажется, нет и не может быть такого скучного и унылого города, в котором был бы не нужен умный, образованный человек. Допустим, что среди ста тысяч населения этого города, конечно, отсталого и грубого, таких, как вы, только три. Само собою разумеется, вам не победить окружающей вас темной массы; в течение вашей жизни мало-помалу вы должны будете уступить и затеряться в стотысячной толпе, вас заглушит жизнь, но все же вы не исчезнете, не останетесь

без влияния; таких, как вы, после вас явится уже, быть может, шесть, потом двенадцать и так далее, пока наконец такие, как вы, не станут большинством. Через двести, триста лет жизнь на земле будет невообразимо прекрасной, изумительной. Человеку нужна такая жизнь, и если ее нет пока, то он должен предчувствовать ее, ждать, мечтать, готовиться к ней, он должен для этого видеть и знать больше, чем видели и знали его дед и отец. *(Смеется.)* А вы жалуетесь, что знаете много лишнего.

Отец, судя по всему, был весьма жестким человеком, вспомним, как он девочек заставлял вставать в 7 утра. Мы по ходу пьесы сталкиваемся с идеализированным воспоминанием о прошлом, но через такие оговорки проступают иные черты. Прозоровы – «лишние», избыточные люди, несчастные, не встроенные в жизнь. Маша, вышедшая замуж в 18 лет, не любит и не уважает своего супруга. Сестры представляют Андрея как мастера на все руки, гордость семьи, но говорит о нем Ольга не как о взрослом человеке, а скорее как о мальчике, выпи-

ливающем рамочки.

Маша *(снимает шляпу)*. Я остаюсь завтракать.

Ирина *(со вздохом)*. Право, все это следовало бы записать…

***Андрея** нет, он незаметно ушел.*

Тузенбах. Через много лет, вы говорите, жизнь на земле будет прекрасной, изумительной. Это правда. Но, чтобы участвовать в ней теперь, хотя издали, нужно приготовляться к ней, нужно работать…

Вершинин *(встает)*. Да. Сколько, однако, у вас цветов! *(Оглядываясь.)* И квартира чудесная. Завидую! А я всю жизнь мою болтался по квартиркам с двумя стульями, с одним диваном и с печами, которые всегда дымят. У меня в жизни не хватало именно вот таких цветов… *(Потирает руки.)* Эх! Ну, да что!

Тузенбах. Да, нужно работать. Вы небось думаете: расчувствовался немец. Но я, честное слово, русский и по-немецки даже не говорю. Отец у меня православный…

Пауза.

Вершинин *(ходит по сцене)*. Я часто думаю: что, если бы начать жить снова, притом сознательно? Если бы одна жизнь, которая уже прожита, была,

как говорится, начерно, другая — начисто! Тогда каждый из нас, я думаю, постарался бы прежде всего не повторять самого себя, по крайней мере создал бы для себя иную обстановку жизни, устроил бы себе такую квартиру с цветами, с массою света… У меня жена, двое девочек, притом жена дама нездоровая и так далее, и так далее, ну а если бы начинать жизнь сначала, то я не женился бы… Нет, нет!

Входит ***Кулыгин*** *в форменном фраке.*

Кулыгин *(подходит к Ирине).* Дорогая сестра, позволь мне поздравить тебя с днем твоего ангела и пожелать искренно, от души, здоровья и всего того, что можно пожелать девушке твоих лет. И позволь поднести тебе в подарок вот эту книжку. *(Подает книжку.)* История нашей гимназии за пятьдесят лет, написанная мною. Пустяшная книжка, написана от нечего делать, но ты все-таки прочти. Здравствуйте, господа! *(Вершинину.)* Кулыгин, учитель здешней гимназии. Надворный советник. *(Ирине.)* В этой книжке ты найдешь список всех кончивших курс в нашей гимназии за эти пятьдесят лет. Feci quod potui, faciant meliora potentes[7]. *(Целует Машу.)*

---

[7] Сноски: 7

Сделал, что мог; пусть, кто может, сделает лучше *(лат.).*

Автор объединяет двух разных людей в один смысловой контекст, располагая их реплики или упоминания о них непосредственно рядом. Вершинин о своем браке говорит «не женился бы, и вслед за этой репликой ремарка о приходе Кулыгина. Так автор дает понять, что брак Вершинина и брак Кулыгина – ошибка.

Чиновник 7-го класса Табели о рангах – ровня Вершинину, подполковнику по званию.

Ирина. Но ведь на Пасху ты уже подарил мне такую книжку.

Кулыгин *(смеется)*. Не может быть! В таком случае отдай назад или вот лучше отдай полковнику. Возьмите, полковник. Когда-нибудь прочтете от скуки.

Вершинин. Благодарю вас. *(Собирается уйти.)* Я чрезвычайно рад, что познакомился…

Ольга. Вы уходите? Нет, нет!

Ирина. Вы останьтесь у нас завтракать. Пожалуйста.

Ольга. Прошу вас!

Вершинин *(кланяется)*. Я, кажется, попал на именины. Простите, я не знал, не поздравил

вас... *(Уходит с Ольгой в залу.)*

Кулыгин. Сегодня, господа, воскресный день, день отдыха, будем же отдыхать, будем веселиться каждый сообразно со своим возрастом и положением. Ковры надо будет убрать на лето и спрятать до зимы... Персидским порошком или нафталином... Римляне были здоровы, потому что умели трудиться, умели и отдыхать, у них была mens sana in corpore sano[8]. Жизнь их текла по известным формам. Наш директор говорит: главное во всякой жизни — это ее форма... Что теряет свою форму, то кончается — и в нашей обыденной жизни то же самое. *(Берет Машу за талию, смеясь.)* Маша меня любит. Моя жена меня любит. И оконные занавески тоже туда с коврами... Сегодня я весел, в отличном настроении духа. Маша, в четыре часа сегодня мы у директора. Устраивается прогулка педагогов и их семейств.

Маша. Не пойду я.

Кулыгин *(огорченный)*. Милая Маша, почему?

Маша. После об этом... *(Сердито.)* Хорошо, я пойду, только отстань, пожалуйста... *(Отходит.)*

Кулыгин. А затем вечер проведем у директо-

---

[8] Сноски: 8

Здоровый дух в здоровом теле *(лат.)*.

ра. Несмотря на свое болезненное состояние, этот человек старается прежде всего быть общественным. Превосходная, светлая личность. Великолепный человек. Вчера после совета он мне говорит: «Устал, Федор Ильич! Устал!» *(Смотрит на стенные часы, потом на свои.)* Ваши часы спешат на семь минут. Да, говорит, устал!

Кулыгин – «человек в футляре».

За сценой игра на скрипке.

Ольга. Господа, милости просим, пожалуйте завтракать! Пирог!

Кулыгин. Ах, милая моя Ольга, милая моя! Я вчера работал с утра до одиннадцати часов вечера, устал и сегодня чувствую себя счастливым. *(Уходит в залу к столу.)* Милая моя…

Чебутыкин *(кладет газету в карман, причесывает бороду)*. Пирог? Великолепно!

Маша *(Чебутыкину строго)*. Только смотрите: ничего не пить сегодня. Слышите? Вам вредно пить.

Чебутыкин. Эва! У меня уж прошло. Два года, как запоя не было. *(Нетерпеливо.)* Э, матушка, да не все ли равно!

Маша. Все-таки не смейте пить. Не смейте. *(Сердито, но так, чтобы не слышал муж.)* Опять,

черт подери, скучать целый вечер у директора!

Тузенбах. Я бы не пошел на вашем месте… Очень просто.

Чебутыкин. Не ходите, дуся моя.

Маша. Да, не ходите… Эта жизнь проклятая, невыносимая… *(Идет в залу.)*

Чебутыкин *(идет за ней)*. Ну-у!

Соленый *(проходя в залу)*. Цып, цып, цып…

Тузенбах. Довольно, Василий Васильич. Будет!

Соленый. Цып, цып, цып…

Кулыгин *(весело)*. Ваше здоровье, полковник! Я педагог, и здесь в доме свой человек, Машин муж… Она добрая, очень добрая…

Вершинин. Я выпью вот этой темной водки… *(Пьет.)* Ваше здоровье! *(Ольге.)* Мне у вас так хорошо!..

В гостиной остаются только Ирина и Тузенбах.

Ирина. Маша сегодня не в духе. Она вышла замуж восемнадцати лет, когда он казался ей самым умным человеком. А теперь не то. Он самый добрый, но не самый умный.

Ольга *(нетерпеливо)*. Андрей, иди же, наконец!

Андрей *(за сценой)*. Сейчас. *(Входит и идет к столу.)*

Тузенбах. О чем вы думаете?

Ирина. Так. Я не люблю и боюсь этого вашего Соленого. Он говорит одни глупости…

Тузенбах. Странный он человек. Мне и жаль его, и досадно, но больше жаль. Мне кажется, он застенчив… Когда мы вдвоем с ним, то он бывает очень умен и ласков, а в обществе он грубый человек, бретер. Не ходите, пусть пока сядут за стол. Дайте мне побыть около вас. О чем вы думаете?

Пауза.

Вам двадцать лет, мне еще нет тридцати. Сколько лет нам осталось впереди, длинный, длинный ряд дней, полных моей любви к вам…

Ирина. Николай Львович, не говорите мне о любви.

Тузенбах *(не слушая)*. У меня страстная жажда жизни, борьбы, труда, и эта жажда в душе слилась с любовью к вам, Ирина, и, как нарочно, вы прекрасны, и жизнь мне кажется такой прекрасной! О чем вы думаете?

Ирина. Вы говорите: прекрасна жизнь. Да, но если она только кажется такой! У нас, трех сестер, жизнь не была еще прекрасной, она заглушала нас, как сорная трава… Текут у меня слезы. Это не нужно… *(Быстро вытирает лицо, улыбается.)* Работать нужно, работать. Оттого нам невесело и смотрим мы на жизнь так мрач-

но, что не знаем труда. Мы родились от людей, презиравших труд…

Наталья Ивановна *входит; она в розовом платье, с зеленым поясом.*

Наташа. Там уже завтракать садятся… Я опоздала… *(Мельком глядится в зеркало, поправляется.)* Кажется, причесана ничего себе… *(Увидев Ирину.)* Милая Ирина Сергеевна, поздравляю вас! *(Целует крепко и продолжительно.)* У вас много гостей, мне, право, совестно… Здравствуйте, барон!

Ольга *(входя в гостиную).* Ну, вот и Наталия Ивановна. Здравствуйте, моя милая!

Целуются.

Наташа. С именинницей. У вас такое большое общество, я смущена ужасно…

Ольга. Полно, у нас все свои. *(Вполголоса испуганно.)* На вас зеленый пояс! Милая, это нехорошо!

Наташа. Разве есть примета?

Ольга. Нет, просто не идет… и как-то странно…

Наташа *(плачущим голосом).* Да? Но ведь это не зеленый, а скорее матовый. *(Идет за Ольгой в залу.)*

В зале садятся завтракать; в гостиной ни души.

Кулыгин. Желаю тебе, Ирина, жениха хороше-

го. Пора тебе уж выходить.

Первое появление Наташи. Ольга сразу ей заявляет, что та нелепо одета, чужая, так же не идет Андрею, как пояс не идет к платью. Сестры не хотят принимать Наташу в круг «своих». Это сюжетообразующий эпизод, потому что Наташа не забудет о своем чувстве неловкости и унижения.

Чебутыкин. Наталья Ивановна, и вам женишка желаю.

Кулыгин. У Натальи Ивановны уже есть женишок.

Маша *(стучит вилкой по тарелке)*. Выпью рюмочку винца! Эхма, жизнь малиновая, где наша не пропадала!

Кулыгин. Ты ведешь себя на три с минусом.

Вершинин. А наливка вкусная. На чем это настоено?

Соленый. На тараканах.

Ирина *(плачущим голосом)*. Фу! Фу! Какое отвращение!..

Ольга. За ужином будет жареная индейка и сладкий пирог с яблоками. Слава богу, сегодня целый день я дома, вечером — дома... Господа,

вечером приходите…

Вершинин. Позвольте и мне прийти вечером!

Ирина. Пожалуйста.

Наташа. У них попросту.

Чебутыкин. Для любви одной природа нас на свет произвела. *(Смеется.)*

Андрей *(сердито)*. Перестаньте, господа! Не надоело вам?

Федотик *и* ***Родэ*** *входят с большой корзиной цветов.*

Федотик. Однако уже завтракают.

Родэ *(громко и картавя)*. Завтракают? Да, уже завтракают…

Федотик. Погоди минутку! *(Снимает фотографию.)* Раз! Погоди еще немного… *(Снимает другую фотографию.)* Два! Теперь готово!

Берут корзину и идут в залу, где их встречают с шумом.

Родэ *(громко)*. Поздравляю, желаю всего, всего! Погода сегодня очаровательная, одно великолепие. Сегодня все утро гулял с гимназистами. Я преподаю в гимназии гимнастику…

Федотик. Можете двигаться, Ирина Сергеевна, можете! *(Снимая фотографию.)* Вы сегодня интересны. *(Вынимает из кармана волчок.)* Вот, между прочим, волчок… Удивительный звук…

Ирина. Какая прелесть!

Маша. У лукоморья дуб зеленый, златая цепь на дубе том… Златая цепь на дубе том… *(Плаксиво.)* Ну, зачем я это говорю? Привязалась ко мне эта фраза с самого утра…

Кулыгин. Тринадцать за столом!

Устойчивая фраза персонажа – как прием его характеристики.

Родэ *(громко)*. Господа, неужели вы придаете значение предрассудкам?

Смех.

Кулыгин. Если тринадцать за столом, то, значит, есть тут влюбленные. Уж не вы ли, Иван Романович, чего доброго…

Смех.

Чебутыкин. Я старый грешник, а вот отчего Наталья Ивановна сконфузилась, решительно понять не могу.

Громкий смех; ***Наташа*** *выбегает из залы в гостиную, за ней* ***Андрей****.*

Андрей. Полно, не обращайте внимания! Погодите… постойте, прошу вас…

Наташа. Мне стыдно… Я не знаю, что со мной делается, а они поднимают меня на смех. То, что я сейчас вышла из-за стола, неприлично, но я

не могу… не могу… *(Закрывает лицо руками.)*

Андрей. Дорогая моя, прошу вас, умоляю, не волнуйтесь. Уверяю вас, они шутят, они от доброго сердца. Дорогая моя, моя хорошая, они все добрые, сердечные люди и любят меня и вас. Идите сюда к окну, нас здесь не видно им… *(Оглядывается.)*

Наташа. Я так не привыкла бывать в обществе!..

Андрей. О молодость, чудная, прекрасная молодость! Моя дорогая, моя хорошая, не волнуйтесь так!.. Верьте мне, верьте… Мне так хорошо, душа полна любви, восторга… О, нас не видят! Не видят! За что, за что я полюбил вас, когда полюбил — о, ничего не понимаю. Дорогая моя, хорошая, чистая, будьте моей женой! Я вас люблю, люблю… как никого никогда…

Поцелуй.

Два офицера *входят и, увидев целующуюся пару, останавливаются в изумлении.*

Неожиданно застать кого-то при проявлении чувств – прием комедии положений.

Занавес

Действие второе

Декорация первого акта.

Восемь часов вечера. За сценой на улице едва слышно играют на гармонике. Нет огня.

Входит ***Наталья Ивановна*** *в капоте, со свечой; она идет и останавливается у двери, которая ведет в комнату Андрея.*

Наташа. Ты, Андрюша, что делаешь? Читаешь? Ничего, я так только… *(Идет, отворяет другую дверь и, заглянув в нее, затворяет.)* Огня нет ли…

Прошло более полутора лет. Как Чехов передает ход времени: декорации те же, но вместо весны – зима, вместо солнечного утра – темнота, и отношения между персонажами серьезно поменялись. Теперь хозяйничает Наталья Ивановна (Наташа), изгоняет праздник и гостей и начинает вытеснять сестер из дома под благовидным предлогом заботы о ребенке. А тема труда звучит резким контрастом к первому действию: «Всё трудятся, бедняжки».

Андрей *(входит с книгой в руке)*. Ты что, Наташа?

Наташа. Смотрю, огня нет ли… Теперь Масленица, прислуга сама не своя, гляди да и гляди, чтоб чего не вышло. Вчера в полночь прохожу через столовую, а там свеча горит. Кто зажег, так и не добилась толку. *(Ставит свечу.)* Который час?

Андрей *(взглянув на часы)*. Девятого четверть.

Наташа. А Ольги и Ирины до сих пор еще нет. Не пришли. Всё трудятся, бедняжки. Ольга на педагогическом совете, Ирина на телеграфе… *(Вздыхает.)* Сегодня утром говорю твоей сестре: «Побереги, говорю, себя, Ирина, голубчик». И не слушает. Четверть девятого, говоришь? Я боюсь, Бобик наш совсем нездоров. Отчего он холодный такой? Вчера у него был жар, а сегодня холодный весь… Я так боюсь!

Андрей. Ничего, Наташа. Мальчик здоров.

Наташа. Но все-таки лучше пускай диета. Я боюсь. И сегодня в десятом часу, говорили, ряженые у нас будут, лучше бы они не приходили, Андрюша.

Андрей. Право, я не знаю. Их ведь звали.

Наташа. Сегодня мальчишечка проснулся утром и глядит на меня, и вдруг улыбнулся;

значит, узнал. «Бобик, говорю, здравствуй! Здравствуй, милый!» А он смеется. Дети понимают, отлично понимают. Так, значит, Андрюша, я скажу, чтобы ряженых не принимали.

Андрей *(нерешительно)*. Да ведь это как сестры. Они тут хозяйки.

Наташа. И они тоже, я им скажу. Они добрые… *(Идет.)* К ужину я велела простокваши. Доктор говорит, тебе нужно одну простоквашу есть, иначе не похудеешь. *(Останавливается.)* Бобик холодный. Я боюсь, ему холодно в его комнате, пожалуй. Надо бы хоть до теплой погоды поместить его в другой комнате. Например, у Ирины комната как раз для ребенка: и сухо, и целый день солнце. Надо ей сказать, она пока может с Ольгой в одной комнате… Все равно днем дома не бывает, только ночует…

Пауза.

Андрюшанчик, отчего ты молчишь?

Андрей. Так, задумался… Да и нечего говорить…

Наташа. Да… Что-то я хотела тебе сказать… Ах, да, там из управы Ферапонт пришел, тебя спрашивает.

Андрей *(зевает)*. Позови его.

Наташа *уходит; Андрей, нагнувшись к забы-*

той ею свече, читает книгу. Входит ***Ферапонт****; он в старом трепаном пальто, с поднятым воротником, уши повязаны.*

Здравствуй, душа моя. Что скажешь?

Ферапонт. Председатель прислал книжку и бумагу какую-то. Вот… *(Подает книгу и пакет.)*

Андрей. Спасибо. Хорошо. Отчего же ты пришел так не рано? Ведь девятый час уже.

Ферапонт. Чего?

Андрей *(громче)*. Я говорю, поздно пришел, уже девятый час.

Ферапонт. Так точно. Я пришел к вам, еще светло было, да не пускали всё. Барин, говорят, занят. Ну что ж. Занят так занят, спешить мне некуда. *(Думая, что Андрей спрашивает его о чем-то.)* Чего?

Андрей. Ничего. *(Рассматривая книгу.)* Завтра пятница, у нас нет присутствия, но я все равно приду… займусь. Дома скучно…

Пауза.

Милый дед, как странно меняется, как обманывает жизнь! Сегодня от скуки, от нечего делать, я взял в руки вот эту книгу — старые университетские лекции, и мне стало смешно… Боже мой, я секретарь земской управы, той управы, где председательствует Протопопов, я секретарь, и самое

большее, на что я могу надеяться, это — быть членом земской управы! Мне быть членом здешней земской управы, мне, которому снится каждую ночь, что я профессор Московского университета, знаменитый ученый, которым гордится русская земля!

Ферапонт. Не могу знать… Слышу-то плохо…

Андрей. Если бы ты слышал как следует, то я, быть может, и не говорил бы с тобой. Мне нужно говорить с кем-нибудь, а жена меня не понимает, сестер я боюсь почему-то, боюсь, что они засмеют меня, застыдят… Я не пью, трактиров не люблю, но с каким удовольствием я посидел бы теперь в Москве у Тестова или в Большом Московском, голубчик мой.

Если в первом акте профессорство Андрея в Московском университете казалось реальной перспективой, то теперь это сон, а реальность совсем другая, Андрей – младший чиновник в земской управе, Андрей с этим смиряется, жалуется только старику Ферапонту, который его не слышит. Последнее – тоже комический прием. Идеал Москвы для Андрея меняется: он мечтает уже не о том, чтобы

блистать и привлекать внимание, а о том, чтобы затеряться в большом городе, но не быть чужим. Рассказ Ферапонта о Москве тоже комический прием, снижающий мечту Андрея.

Ферапонт. А в Москве, в управе давеча рассказывал подрядчик, какие-то купцы ели блины; один, который съел сорок блинов, будто помер. Не то сорок, не то пятьдесят. Не упомню.

Андрей. Сидишь в Москве, в громадной зале ресторана, никого не знаешь, и тебя никто не знает, и в то же время не чувствуешь себя чужим. А здесь ты всех знаешь и тебя все знают, но чужой, чужой… Чужой и одинокий.

Ферапонт. Чего?

Пауза.

И тот же подрядчик сказывал — может, и врет, — будто поперек всей Москвы канат протянут.

Андрей. Для чего?

Ферапонт. Не могу знать. Подрядчик говорил.

Андрей. Чепуха. *(Читает книгу.)* Ты был когда-нибудь в Москве?

Ферапонт *(после паузы)*. Не был. Не привел Бог.

Пауза.

Мне идти?

Андрей. Можешь идти. Будь здоров.

Ферапонт *уходит.*

Будь здоров. *(Читая.)* Завтра утром придешь, возьмешь тут бумаги… Ступай…

Пауза.

Он ушел.

Звонок.

Да, дела… *(Потягивается и не спеша уходит к себе.)*

За сценой поет нянька, укачивая ребенка. Входят ***Маша*** *и* ***Вершинин****. Пока они потом беседуют,* ***горничная*** *зажигает лампу и свечи.*

Маша. Не знаю.

Пауза.

Не знаю. Конечно, много значит привычка. После смерти отца, например, мы долго не могли привыкнуть к тому, что у нас уже нет денщиков. Но и помимо привычки, мне кажется, говорит во мне просто справедливость. Может быть, в других местах и не так, но в нашем городе самые порядочные, самые благородные и воспитанные люди — это военные.

Вершинин. Мне пить хочется. Я бы выпил чаю.

Маша *(взглянув на часы)*. Скоро дадут. Меня выдали замуж, когда мне было восемнадцать

лет, и я своего мужа боялась, потому что он был учителем, а я тогда едва кончила курс. Он казался мне тогда ужасно ученым, умным и важным. А теперь уж не то, к сожалению.

Вершинин. Так… да.

Маша. Про мужа я не говорю, к нему я привыкла, но между штатскими вообще так много людей грубых, не любезных, не воспитанных. Меня волнует, оскорбляет грубость, я страдаю, когда вижу, что человек недостаточно тонок, недостаточно мягок, любезен. Когда мне случается быть среди учителей, товарищей мужа, то я просто страдаю…

Вершинин. Да-с… Но мне кажется, все равно, что штатский, что военный, одинаково неинтересно, по крайней мере в этом городе. Все равно! Если послушать здешнего интеллигента, штатского или военного, то с женой он замучился, с домом замучился, с имением замучился, с лошадьми замучился… Русскому человеку в высшей степени свойственен возвышенный образ мыслей, но скажите, почему в жизни он хватает так невысоко? Почему?

Маша. Почему?

Вершинин. Почему он с детьми замучился, с женой замучился? А почему жена и дети с ним

замучились?

Маша. Вы сегодня немножко не в духе.

Вершинин. Может быть. Я сегодня не обедал, ничего не ел с утра. У меня дочь больна немножко, а когда болеют мои девочки, то мною овладевает тревога, меня мучает совесть за то, что у них такая мать. О, если бы вы видели ее сегодня! Что за ничтожество! Мы начали браниться с семи часов утра, а в девять я хлопнул дверью и ушел.

> Важная для Чехова мысль о соотношении мечты и реальности: люди недовольны жизнью, но не делают ничего, чтобы ее изменить. Чуть выше иллюстрацией этой мысли был Андрей. Далее Ирина будет рассуждать о какой-то благодатной работе в будущем. В настоящем она несчастна. Работа приносит только усталость. Мечты Ирины и Андрея переходят в сны. Автор ведет свою идею поверх действия и диалогов, драматургических формальностей.

Пауза.

Я никогда не говорю об этом, и странно, жалуюсь только вам одной. *(Целует руку.)* Не серди-

тесь на меня. Кроме вас одной, у меня нет никого, никого…

Пауза.

Маша. Какой шум в печке. У нас незадолго до смерти отца гудело в трубе. Вот точно так.

Вершинин. Вы с предрассудками?

Маша. Да.

Вершинин. Странно это. *(Целует руку.)* Вы великолепная, чудная женщина. Великолепная, чудная! Здесь темно, но я вижу блеск ваших глаз.

Маша *(садится на другой стул)*. Здесь светлей…

Вершинин. Я люблю, люблю, люблю… Люблю ваши глаза, ваши движения, которые мне снятся… Великолепная, чудная женщина!

Маша *(тихо смеясь)*. Когда вы говорите со мной так, то я почему-то смеюсь, хотя мне страшно. Не повторяйте, прошу вас… *(Вполголоса.)* А впрочем, говорите, мне все равно… *(Закрывает лицо руками.)* Мне все равно. Сюда идут, говорите о чем-нибудь другом…

Ирина *и* ***Тузенбах*** *входят через залу.*

Тузенбах. У меня тройная фамилия. Меня зовут барон Тузенбах-Кроне-Альтшауер, но я русский, православный, как вы. Немецкого у меня оста-

лось мало, разве только терпеливость, упрямство, с каким я надоедаю вам. Я провожаю вас каждый вечер.

Ирина. Как я устала!

Тузенбах. И каждый вечер буду приходить на телеграф и провожать вас домой, буду десять-двадцать лет, пока вы не прогоните… *(Увидев Машу и Вершинина, радостно.)* Это вы? Здравствуйте.

Ирина. Вот я и дома наконец. *(Маше.)* Сейчас приходит одна дама, телеграфирует своему брату в Саратов, что у ней сегодня сын умер, и никак не может вспомнить адреса. Так и послала без адреса, просто в Саратов. Плачет. И я ей нагрубила ни с того ни с сего. «Мне, говорю, некогда». Так глупо вышло. Сегодня у нас ряженые?

Маша. Да.

Ирина *(садится в кресло)*. Отдохнуть. Устала.

Тузенбах *(с улыбкой)*. Когда вы приходите с должности, то кажетесь такой маленькой, несчастненькой…

Пауза.

Ирина. Устала. Нет, не люблю я телеграфа, не люблю.

Маша. Ты похудела… *(Насвистывает.)* И помолодела, и на мальчишку стала похожа лицом.

Тузенбах. Это от прически.

Ирина. Надо поискать другую должность, а эта не по мне. Чего я так хотела, о чем мечтала, того-то в ней именно и нет. Труд без поэзии, без мыслей…

Стук в пол.

Доктор стучит. *(Тузенбаху.)* Милый, постучите… Я не могу… устала…

***Тузенбах** стучит в пол.*

Сейчас придет. Надо бы принять какие-нибудь меры. Вчера доктор и наш Андрей были в клубе и опять проигрались. Говорят, Андрей двести рублей проиграл.

Маша *(равнодушно)*. Что ж теперь делать!

Ирина. Две недели назад проиграл, в декабре проиграл. Скорее бы все проиграл, быть может, уехали бы из этого города. Господи боже мой, мне Москва снится каждую ночь, я совсем как помешанная. *(Смеется.)* Мы переезжаем туда в июне, а до июня осталось еще… февраль, март, апрель, май… почти полгода!

Маша. Надо только, чтобы Наташа не узнала как-нибудь о проигрыше.

Ирина. Ей, я думаю, все равно.

***Чебутыкин**, только что вставший с постели, — он отдыхал после обеда, — входит в залу*

и причесывает бороду, потом садится за стол и вынимает из кармана газету.

Маша. Вот пришел… Он заплатил за квартиру?

Ирина *(смеется.)* Нет. За восемь месяцев ни копеечки. Очевидно, забыл.

Маша *(смеется)*. Как он важно сидит!

Все смеются; пауза.

Ирина. Что вы молчите, Александр Игнатьич?

Вершинин. Не знаю. Чаю хочется. Полжизни за стакан чаю! С утра ничего не ел…

Чебутыкин. Ирина Сергеевна!

Ирина. Что вам?

Чебутыкин. Пожалуйте сюда. Venez ici[9].

Ирина идет и садится за стол.

Я без вас не могу.

Ирина раскладывает пасьянс.

Вершинин. Что ж? Если не дают чаю, то давайте хоть пофилософствуем.

Тузенбах. Давайте. О чем?

Вершинин. О чем? Давайте помечтаем… например, о той жизни, какая будет после нас, лет через двести-триста.

Тузенбах. Что ж? После нас будут летать на воздушных шарах, изменятся пиджаки, от-

---

[9] Сноски: 9
Идите сюда *(фр.)*.

кроют, быть может, шестое чувство и разовьют его, но жизнь останется все та же, жизнь трудная, полная тайн и счастливая. И через тысячу лет человек будет так же вздыхать: «ах, тяжко жить!» — и вместе с тем точно так же, как теперь, он будет бояться и не хотеть смерти.

Вершинин *(подумав).* Как вам сказать? Мне кажется, все на земле должно измениться мало-помалу и уже меняется на наших глазах. Через двести-триста, наконец, тысячу лет, — дело не в сроке, — настанет новая, счастливая жизнь. Участвовать в этой жизни мы не будем, конечно, но мы для нее живем теперь, работаем, ну, страдаем, мы творим ее — и в этом одном цель нашего бытия и, если хотите, наше счастье.

Маша тихо смеется.

Тузенбах. Что вы?

Маша. Не знаю. Сегодня весь день смеюсь с утра.

Вершинин. Я кончил там же, где и вы, в академии я не был; читаю я много, но выбирать книг не умею и читаю, быть может, совсем не то, что нужно, а между тем чем больше живу, тем больше хочу знать. Мои волосы седеют, я почти старик уже, но знаю мало, ах, как мало! Но все же, мне кажется, самое главное и настоящее я знаю, креп-

ко знаю. И как бы мне хотелось доказать вам, что счастья нет, не должно быть и не будет для нас… Мы должны только работать и работать, а счастье это удел наших далеких потомков.

Пауза.

Не я, то хоть потомки потомков моих.

Федотик *и* ***Родэ*** *показываются в зале; они садятся и напевают тихо, наигрывая на гитаре.*

> Счастья нет, и чая нет. Вершинин несколько раз говорит, что хочет чаю, но так и уйдет, не получив его. Когда чай уже будет готов, Вершинину придется уйти. Чехов не случайно находит слово ЧАй, созвучное сЧАстью. Такое сближение, конечно, снижает счастье, обытовляя его, сводя к чашке чая. Вершинин философствует на голодный желудок о будущем, для него счастья в настоящем нет. И в отношениях с Машей счастья у Вершинина тоже не сложится.

Тузенбах. По-вашему, даже не мечтать о счастье! Но если я счастлив!

Вершинин. Нет.

Тузенбах *(всплеснув руками и смеясь)*. Очевидно, мы не понимаем друг друга. Ну, как мне

убедить вас?

Маша тихо смеется.

(Показывая ей палец.) Смейтесь! *(Вершинину.)* Не то что через двести или триста, но и через миллион лет жизнь останется такою же, как и была; она не меняется, остается постоянною, следуя своим собственным законам, до которых вам нет дела или, по крайней мере, которых вы никогда не узнаете. Перелетные птицы, журавли например, летят и летят, и какие бы мысли, высокие или малые, ни бродили в их головах, все же будут лететь и не знать, зачем и куда. Они летят и будут лететь, какие бы философы ни завелись среди них; и пускай философствуют, как хотят, лишь бы летели…

Маша. Все-таки смысл?

Тузенбах. Смысл… Вот снег идет. Какой смысл?

Пауза.

Маша. Мне кажется, человек должен быть верующим или должен искать веры, иначе жизнь его пуста, пуста… Жить и не знать, для чего журавли летят, для чего дети родятся, для чего звезды на небе… Или знать, для чего живешь, или же все пустяки, трын-трава.

Пауза.

Вершинин. Все-таки жалко, что молодость

прошла…

Маша. У Гоголя сказано: скучно жить на этом свете, господа!

Тузенбах. А я скажу: трудно с вами спорить, господа! Ну вас совсем…

Чебутыкин *(читая газету)*. Бальзак венчался в Бердичеве.

Ирина напевает тихо.

Даже запишу себе это в книжку. *(Записывает.)* Бальзак венчался в Бердичеве. *(Читает газету.)*

Ирина *(раскладывает пасьянс, задумчиво)*. Бальзак венчался в Бердичеве.

Тузенбах. Жребий брошен. Вы знаете, Мария Сергеевна, я подаю в отставку.

Маша. Слышала. И ничего я не вижу в этом хорошего. Не люблю я штатских.

Тузенбах. Все равно… *(Встает.)* Я не красив, какой я военный? Ну, да все равно, впрочем… Буду работать. Хоть один день в моей жизни поработать так, чтобы прийти вечером домой, в утомлении повалиться в постель и уснуть тотчас же. *(Уходя в залу.)* Рабочие, должно быть, спят крепко!

Федотик *(Ирине)*. Сейчас на Московской у Пыжикова купил для вас цветных карандашей. И вот этот ножичек…

Ирина. Вы привыкли обращаться со мной, как с маленькой, но ведь я уже выросла… *(Берет карандаши и ножичек, радостно.)* Какая прелесть!

Федотик. А для себя я купил ножик… вот поглядите… нож, еще другой нож, третий, это в ушах ковырять, это ножнички, это ногти чистить…

Родэ *(громко)*. Доктор, сколько вам лет?

Чебутыкин. Мне? Тридцать два.

Смех.

Федотик. Я сейчас покажу вам другой пасьянс… *(Раскладывает пасьянс.)*

Подают самовар; ***Анфиса*** *около самовара; немного погодя приходит* ***Наташа*** *и тоже суетится около стола; приходит* ***Соленый*** *и, поздоровавшись, садится за стол.*

Вершинин. Однако, какой ветер!

Маша. Да. Надоела зима. Я уже и забыла, какое лето.

Ирина. Выйдет пасьянс, я вижу. Будем в Москве.

Федотик. Нет, не выйдет. Видите, осьмерка легла на двойку пик. *(Смеется.)* Значит, вы не будете в Москве.

Чебутыкин *(читает газету)*. Цицикар. Здесь свирепствует оспа.

Анфиса *(подходя к Маше)*. Маша, чай кушать,

матушка. *(Вершинину.)* Пожалуйте, ваше высокоблагородие… простите, батюшка, забыла имя, отчество…

Маша. Принеси сюда, няня. Туда не пойду.

Ирина. Няня!

Анфиса. Иду-у!

Наташа *(Соленому)*. Грудные дети прекрасно понимают. «Здравствуй, говорю, Бобик. Здравствуй, милый!» Он взглянул на меня как-то особенно. Вы думаете, во мне говорит только мать, но нет, нет, уверяю вас! Это необыкновенный ребенок.

Соленый. Если бы этот ребенок был мой, то я изжарил бы его на сковородке и съел бы. *(Идет со стаканом в гостиную и садится в угол.)*

Наташа *(закрыв лицо руками)*. Грубый, невоспитанный человек!

> Москва в пьесе противопоставлена не провинции, а обыденной приземленной жизни, полной тягот и скуки. Москва у Чехова выходит чем-то вроде небесного Иерусалима.

Маша. Счастлив тот, кто не замечает, лето теперь или зима. Мне кажется, если бы я была в Москве, то относилась бы равнодушно к по-

годе…

Вершинин. На днях я читал дневник одного французского министра, писанный в тюрьме. Министр был осужден за Панаму. С каким упоением, восторгом упоминает он о птицах, которых видит в тюремном окне и которых не замечал раньше, когда был министром. Теперь, конечно, когда он выпущен на свободу, он уже по-прежнему не замечает птиц. Так же и вы не будете замечать Москвы, когда будете жить в ней. Счастья у нас нет и не бывает, мы только желаем его.

Тузенбах *(берет со стола коробку)*. Где же конфеты?

Ирина. Соленый съел.

Тузенбах. Все?

Анфиса *(подавая чай)*. Вам письмо, батюшка.

Вершинин. Мне? *(Берет письмо.)* От дочери. *(Читает.)* Да, конечно… Я, извините, Мария Сергеевна, уйду потихоньку. Чаю не буду пить. *(Встает взволнованный.)* Вечно эти истории…

Маша. Что такое? Не секрет?

Вершинин *(тихо)*. Жена опять отравилась. Надо идти. Я пройду незаметно. Ужасно неприятно все это. *(Целует Маше руку.)* Милая моя, славная, хорошая женщина… Я здесь пройду потихоньку… *(Уходит.)*

Анфиса. Куда ж он? А я чай подала… Экой какой.

Маша *(рассердившись)*. Отстань! Пристаешь тут, покоя от тебя нет… *(Идет с чашкой к столу.)* Надоела ты мне, старая!

Анфиса. Что ж ты обижаешься? Милая!

Голос Андрея. Анфиса!

Анфиса *(дразнит).* Анфиса! Сидит там… *(Уходит.)*

Маша *(в зале у стола, сердито)*. Дайте же мне сесть! *(Мешает на столе карты.)* Расселись тут с картами. Пейте чай!

Ирина. Ты, Машка, злая.

Маша. Раз я злая, не говорите со мной. Не трогайте меня!

Чебутыкин *(смеясь)*. Не трогайте ее, не трогайте…

Маша. Вам шестьдесят лет, а вы, как мальчишка, всегда городите черт знает что.

Наташа *(вздыхает)*. Милая Маша, к чему употреблять в разговоре такие выражения? При твоей прекрасной наружности и приличном светском обществе ты, я тебе прямо скажу, была бы просто очаровательна, если бы не эти твои слова. Je vous prie pardonnez moi, Marie, mais vous

avez des manières un peu grossières[10].

Тузенбах *(сдерживая смех)*. Дайте мне… дайте мне… Там, кажется, коньяк…

Наташа. Il parait, que mon Бобик déjà ne dort pas[11], проснулся. Он у меня сегодня нездоров. Я пойду к нему, простите… *(Уходит.)*

Ирина. А куда ушел Александр Игнатьич?

Маша. Домой. У него опять с женой что-то необычайное.

Тузенбах *(идет к Соленому, в руках графинчик с коньяком)*. Все вы сидите один, о чем-то думаете — и не поймешь, о чем. Ну, давайте мириться. Давайте выпьем коньяку.

Пьют.

Сегодня мне придется играть на пианино всю ночь, вероятно, играть всякий вздор. Куда ни шло!

Соленый. Почему мириться? Я с вами не ссорился.

Тузенбах. Всегда вы возбуждаете такое чувство, как будто между нами что-то произошло. У вас характер странный, надо сознаться.

Соленый *(декламируя)*. Я странен, не странен

---

[10] Сноски: 10
Прошу извинить меня, Мари, но у вас несколько грубые манеры *(фр.)*.

[11] Сноски: 11
Кажется, мой Бобик уже не спит *(фр.)*.

кто ж! Не сердись, Алеко!

Тузенбах. И при чем тут Алеко…

Пауза.

Соленый. Когда я вдвоем с кем-нибудь, то ничего, я как все, но в обществе я уныл, застенчив и… говорю всякий вздор. Но все-таки я честнее и благороднее очень, очень многих… И могу это доказать.

Тузенбах. Я часто сержусь на вас, вы постоянно придираетесь ко мне, когда мы бываем в обществе, но все же вы мне симпатичны почему-то. Куда ни шло, напьюсь сегодня. Выпьем!

Соленый. Выпьем.

Пьют.

Я против вас, барон, никогда ничего не имел. Но у меня характер Лермонтова. *(Тихо.)* Я даже немножко похож на Лермонтова… как говорят… *(Достает из кармана флакон с духами и льет на руки.)*

Тузенбах. Подаю в отставку. Баста! Пять лет все раздумывал и наконец решил. Буду работать.

Соленый *(декламируя)*. Не сердись, Алеко… Забудь, забудь мечтания свои…

Пока они говорят, ***Андрей*** *входит с книгой тихо и садится у свечи.*

Тузенбах. Буду работать…

Чебутыкин *(идя в гостиную с Ириной)*. И угощение было тоже настоящее кавказское: суп с луком, а на жаркое — чехартма, мясное.

Соленый. Черемша вовсе не мясо, а растение вроде нашего лука.

Чебутыкин. Нет-с, ангел мой. Чехартма не лук, а жаркое из баранины.

Соленый. А я вам говорю, черемша — лук.

Чебутыкин. А я вам говорю, чехартма — баранина.

Фрагмент театра абсурда – «разговор глухих» (Н. Я. Берковский). Диалог оказывается символом одиночества и непонимания друг друга. Каждый уверен, что прав, и ведь действительно прав, но собеседника не слышит. Каждый говорит о своем.

Соленый. А я вам говорю, черемша — лук.

Чебутыкин. Что же я буду с вами спорить. Вы никогда не были на Кавказе и не ели чехартмы.

Соленый. Не ел, потому что терпеть не могу. От черемши такой же запах, как от чеснока.

Андрей *(умоляюще)*. Довольно, господа! Прошу вас!

Тузенбах. Когда придут ряженые?

Ирина. Обещали к девяти; значит, сейчас.

Тузенбах *(обнимает Андрея)*. Ах вы, сени, мои сени, сени новые мои…

Андрей *(пляшет и поет)*. Сени новые, кленовые…

Чебутыкин *(пляшет)*. Решетчаты-е!

Смех.

Тузенбах *(целует Андрея)*. Черт возьми, давайте выпьем, Андрюша, давайте выпьем на «ты». И я с тобой, Андрюша, в Москву, в университет.

Соленый. В какой? В Москве два университета.

Андрей. В Москве один университет.

Соленый. А я вам говорю — два.

Андрей. Пускай хоть три. Тем лучше.

Соленый. В Москве два университета!

Ропот и шиканье.

В Москве два университета: старый и новый. А если вам неугодно слушать, если мои слова раздражают вас, то я могу не говорить. Я даже могу уйти в другую комнату… *(Уходит в одну из дверей.)*

Тузенбах. Браво, браво! *(Смеется.)* Господа, начинайте, я сажусь играть! Смешной этот Соленый… *(Садится за пианино, играет вальс.)*

Маша *(танцует вальс одна)*. Барон пьян, барон пьян, барон пьян!

Входит ***Наташа****.*

Наташа *(Чебутыкину).* Иван Романыч! *(Говорит о чем-то Чебутыкину, потом тихо уходит.)*

Чебутыкин трогает Тузенбаха за плечо и шепчет ему о чем-то.

Ирина. Что такое?

Чебутыкин. Нам пора уходить. Будьте здоровы.

Тузенбах. Спокойной ночи. Пора уходить.

Ирина. Позвольте… А ряженые?..

Андрей *(сконфуженный).* Ряженых не будет. Видишь ли, моя милая, Наташа говорит, что Бобик не совсем здоров, и потому… Одним словом, я не знаю, мне решительно все равно.

Ирина *(пожимая плечами).* Бобик нездоров!

Маша. Где наша не пропадала! Гонят, стало быть, надо уходить. *(Ирине.)* Не Бобик болен, а она сама… Вот! *(Стучит пальцем по лбу.)* Мещанка!

Андрей *уходит в правую дверь к себе,* ***Чебутыкин*** *идет за ним; в зале прощаются.*

Автор «охватывает какой-то кусок жизни своим личным настроением («в котором отражается, может быть, даже все миропонимание Чехова» и «отражается множество воспоминаний, попавших в авторский дневник) с определенным движением от начала первого действия к финалу пьесы, но передает это в цепи как бы ничего не значащих диалогов, однако метко рисующих взятые характеры». Это настроение автора и «составляет то подводное течение всей пьесы, которое заменит устаревшее “сценическое действие”».

В. И. Немирович-Данченко

Федотик. Какая жалость! Я рассчитывал провести вечерок, но если болен ребеночек, то, конечно… Я завтра принесу ему игрушечку…

Родэ *(громко)*. Я сегодня нарочно выспался после обеда, думал, что всю ночь буду танцевать. Ведь теперь только девять часов.

Маша. Выйдем на улицу, там потолкуем. Решим, что и как.

Слышно: «Прощайте! Будьте здоровы!» Слышен веселый смех ***Тузенбаха***. ***Все*** *уходят. Анфиса*

и горничная убирают со стола, тушат огни. Слышно, как поет нянька. ***Андрей*** *в пальто и шляпе и* ***Чебутыкин*** *тихо входят.*

Чебутыкин. Жениться я не успел, потому что жизнь промелькнула, как молния, да и потому, что безумно любил твою матушку, которая была замужем…

Андрей. Жениться не нужно. Не нужно, потому что скучно.

Чебутыкин. Так-то оно так, да одиночество. Как там ни философствуй, а одиночество страшная штука, голубчик мой… Хотя, в сущности… конечно, решительно все равно!

Андрей. Пойдемте скорей.

Чебутыкин. Что же спешить? Успеем.

Андрей. Я боюсь, жена бы не остановила.

Чебутыкин. А!

Андрей. Сегодня я играть не стану, только так посижу. Нездоровится… Что мне делать, Иван Романыч, от одышки?

Чебутыкин. Что спрашивать! Не помню, голубчик. Не знаю.

Андрей. Пройдем кухней.

Уходят.

Звонок, потом опять звонок; слышны голоса, смех.

Ирина *(входит)*. Что там?

Анфиса *(шепотом)*. Ряженые!

Звонок.

Ирина. Скажи, нянечка, дома нет никого. Пусть извинят.

Анфиса *уходит. Ирина в раздумье ходит по комнате; она взволнована. Входит* ***Соленый****.*

Соленый *(в недоумении)*. Никого нет… А где же все?

Ирина. Ушли домой.

Соленый. Странно. Вы одни тут?

Ирина. Одна.

Пауза.

Прощайте.

Соленый. Давеча я вел себя недостаточно сдержанно, нетактично. Но вы не такая, как все, вы высоки и чисты, вам видна правда… Вы одна, только вы одна можете понять меня. Я люблю, глубоко, бесконечно люблю…

Снова в конце действия автор дает объяснение в любви, которым закрепляется любовный треугольник: Тузенбах-Ирина-Соленый. Автор здесь повторяет мотивы объяснения Вершинина, но с иным результатом, Соленый пророчит смерть

счастливому сопернику.

Ирина. Прощайте! Уходите.

Соленый. Я не могу жить без вас. *(Идя за ней.)* О, мое блаженство! *(Сквозь слезы.)* О, счастье! Роскошные, чудные, изумительные глаза, каких я не видел ни у одной женщины…

Ирина *(холодно)*. Перестаньте, Василий Васильич!

Соленый. Первый раз я говорю о любви к вам, и точно я не на земле, а на другой планете. *(Трет себе лоб.)* Ну, да все равно. Насильно мил не будешь, конечно… Но счастливых соперников у меня не должно быть… Не должно… Клянусь вам всем святым, соперника я убью… О, чудная!

***Наташа** проходит со свечой.*

Наташа *(заглядывает в одну дверь, в другую и проходит мимо двери, ведущей в комнату мужа)*. Тут Андрей. Пусть читает. Вы простите, Василий Васильич, я не знала, что вы здесь, я по-домашнему.

Соленый. Мне все равно. Прощайте! *(Уходит.)*

Наташа. А ты устала, милая, бедная моя девочка! *(Целует Ирину.)* Ложилась бы спать пораньше.

Ирина. Бобик спит?

Наташа. Спит. Но неспокойно спит. Кстати, милая, я хотела тебе сказать, да все то тебя нет, то мне некогда… Бобику в теперешней детской, мне кажется, холодно и сыро. А твоя комната такая хорошая для ребенка. Милая, родная, переберись пока к Оле!

Ирина *(не понимая)*. Куда?

Слышно, к дому подъезжает тройка с бубенчиками.

Наташа. Ты с Олей будешь в одной комнате, пока что, а твою комнату Бобику. Он такой милашка, сегодня я говорю ему: «Бобик, ты мой! Мой!» А он на меня смотрит своими глазеночками.

Звонок.

Должно быть, Ольга. Как она поздно!

Горничная *подходит к Наташе и шепчет ей на ухо.*

Протопопов? Какой чудак. Приехал Протопопов, зовет меня покататься с ним на тройке. *(Смеется.)* Какие странные эти мужчины…

Звонок.

Кто-то там пришел. Поехать разве на четверть часика прокатиться… *(Горничной.)* Скажи, сейчас.

Звонок.

Звонят… там Ольга, должно быть. *(Уходит.)*

***Горничная** убегает; Ирина сидит задумавшись; входят **Кулыгин**, **Ольга**, за ними **Вершинин**.*

Кулыгин. Вот тебе и раз. А говорили, что у них будет вечер.

Вершинин. Странно, я ушел недавно, полчаса назад, и ждали ряженых…

Ирина. Все ушли.

Кулыгин. И Маша ушла? Куда она ушла? А зачем Протопопов внизу ждет на тройке? Кого он ждет?

Ирина. Не задавайте вопросов… Я устала.

Кулыгин. Ну, капризница…

Ольга. Совет только что кончился. Я замучилась. Наша начальница больна, теперь я вместо нее. Голова, голова болит, голова… *(Садится.)* Андрей проиграл вчера в карты двести рублей… Весь город говорит об этом…

Кулыгин. Да, и я устал на совете. *(Садится.)*

Вершинин. Жена моя сейчас вздумала попугать меня, едва не отравилась. Все обошлось, и я рад, отдыхаю теперь… Стало быть, надо уходить? Что ж, позвольте пожелать всего хорошего. Федор Ильич, поедемте со мной куда-нибудь! Я дома не могу оставаться, совсем не могу… Поедемте!

Кулыгин. Устал. Не поеду. *(Встает.)* Устал.

Жена домой пошла?

Ирина. Должно быть.

Кулыгин *(целует Ирине руку)*. Прощай. Завтра и послезавтра целый день отдыхать. Всего хорошего! *(Идет.)* Чаю очень хочется. Рассчитывал провести вечер в приятном обществе и — о, fallacem hominum spem!..[12] Винительный падеж при восклицании…

Вершинин. Значит, один поеду. *(Уходит с Кулыгиным, посвистывая.)*

Ольга. Голова болит, голова… Андрей проиграл… весь город говорит… Пойду лягу. *(Идет.)* Завтра я свободна… О, боже мой, как это приятно! Завтра свободна, послезавтра свободна… Голова болит, голова… *(Уходит.)*

Ирина *(одна)*. Все ушли. Никого нет.

На улице гармоника, нянька поет песню.

Наташа, разрушив чужой праздник и разогнав гостей, уезжает, кататься, очевидно, с любовником, не думая о якобы больном ребенке. Ирина, одна в финале второго действия, в привычную формулу вкладывает уже не желание и не меч-

---

[12] Сноски: 12

О, призрачная надежда людская!.. *(лат.)*

ту, а выражение отношения к текущей жизни. «В Москву! В Москву! В Москву!» с авторской ремаркой «тоскует» принимает форму плача, причитания.

Наташа *(в шубе и шапке идет через залу; за ней горничная).* Через полчаса я буду дома. Только проедусь немножко. *(Уходит.)*

Ирина *(оставшись одна, тоскует).* В Москву! В Москву! В Москву!

Занавес

Действие третье

Комната Ольги и Ирины. Налево и направо постели, загороженные ширмами. Третий час ночи. За сценой бьют в набат по случаю пожара, начавшегося уже давно. Видно, что в доме еще не ложились спать. На диване лежит ***Маша****, одетая, как обыкновенно, в черное платье.*

Входят ***Ольга*** *и* ***Анфиса****.*

Анфиса. Сидят теперь внизу под лестницей… Я говорю — «пожалуйте наверх, нешто, говорю, можно так», — плачут. «Папаша, говорят, не знаем где. Не дай бог, говорят, сгорел». Выдумали! И на дворе какие-то… тоже раздетые.

Пожар – событие пьесы, захватывающее весь город. Однако в чеховской драме с сюжетными линиями сестер он напрямую не связан. Это у бедного Федотика сгорело все. Однако пожар скорее является фоном эмоционального напряжения в пьесе, а вместо ряженых к ним в дом стекаются погорельцы, одетые кто в чем. Герои перестают сдерживаться и проявляют свою суть. Андрей в своей комнате

играет на скрипке, отгородившись от событий. Ферапонт напоминает о пожаре Москвы в 1812 году, и картина приобретает символическое значение.

Ольга *(вынимает из шкафа платье)*. Вот это серенькое возьми… И вот это… Кофточку тоже… И эту юбку бери, нянечка… Что же это такое, боже мой! Кирсановский переулок весь сгорел, очевидно… Это возьми… Это возьми… *(Кидает ей на руки платье.)* Вершинины бедные напугались… Их дом едва не сгорел. Пусть у нас переночуют… домой их нельзя пускать… У бедного Федотика все сгорело, ничего не осталось…

Анфиса. Ферапонта позвала бы, Олюшка, а то не донесу…

Ольга *(звонит)*. Не дозвонишься… *(В дверь.)* Подите сюда, кто там есть!

В открытую дверь видно окно, красное от зарева; слышно, как мимо дома проезжает пожарная команда.

Какой это ужас! И как надоело!

Входит ***Ферапонт***.

Вот возьми снеси вниз… Там под лестницей стоят барышни Колотилины… отдай им. И это отдай…

Ферапонт. Слушаю. В двенадцатом году Москва тоже горела. Господи ты боже мой! Французы удивлялись.

Ольга. Иди, ступай…

Ферапонт. Слушаю. *(Уходит.)*

Ольга. Нянечка, милая, все отдавай. Ничего нам не надо, все отдавай, нянечка… Я устала, едва на ногах стою… Вершининых нельзя отпускать домой… Девочки лягут в гостиной, а Александра Игнатьича вниз к барону… Федотика тоже к барону, или пусть у нас в зале… Доктор, как нарочно, пьян, ужасно пьян, и к нему никого нельзя. И жену Вершинина тоже в гостиной.

Анфиса *(утомленно)*. Олюшка милая, не гони ты меня! Не гони!

Ольга. Глупости ты говоришь, няня. Никто тебя не гонит.

Анфиса *(кладет ей голову на грудь)*. Родная моя, золотая моя, я тружусь, я работаю… Слаба стану, все скажут: пошла! А куда я пойду? Куда? Восемьдесят лет. Восемьдесят второй год…

Ольга. Ты посиди, нянечка… Устала ты, бедная… *(Усаживает ее.)* Отдохни, моя хорошая. Побледнела как!

Наташа *входит.*

Наташа. Там говорят, поскорее нужно соста-

вить общество для помощи погорельцам. Что ж? Прекрасная мысль. Вообще нужно помогать бедным людям, это обязанность богатых. Бобик и Софочка спят себе, спят как ни в чем не бывало. У нас так много народу везде, куда ни пойдешь, полон дом. Теперь в городе инфлюэнца, боюсь, как бы не захватили дети.

Ольга *(не слушая ее).* В этой комнате не видно пожара, тут покойно…

Наташа. Да… Я, должно быть, растрепанная. *(Перед зеркалом.)* Говорят, я пополнела… и неправда! Ничуть! А Маша спит, утомилась, бедная… *(Анфисе, холодно.)* При мне не смей сидеть! Встань! Ступай отсюда!

Анфиса *уходит; пауза.*

И зачем ты держишь эту старуху, не понимаю!

Ольга *(оторопев).* Извини, я тоже не понимаю…

Наташа. Ни к чему она тут. Она крестьянка, должна в деревне жить… Что за баловство! Я люблю в доме порядок! Лишних не должно быть в доме. *(Гладит ее по щеке.)* Ты, бедняжка, устала! Устала наша начальница! А когда моя Софочка вырастет и поступит в гимназию, я буду тебя бояться.

Ольга. Не буду я начальницей.

Наташа. Тебя выберут, Олечка. Это решено.

Ольга. Я откажусь. Не могу… Это мне не по силам… *(Пьет воду.)* Ты сейчас так грубо обошлась с няней… Прости, я не в состоянии переносить… даже в глазах потемнело…

Наташа *(взволнованно)*. Прости, Оля, прости… Я не хотела тебя огорчать.

Маша *встает, берет подушку и уходит, сердитая.*

Ольга. Пойми, милая… мы воспитаны, быть может, странно, но я не переношу этого. Подобное отношение угнетает меня, я заболеваю… я просто падаю духом!

Наташа указывает на место в деревне 82-летней крестьянке Анфисе, которая всех Прозоровых-детей вынянчила, а теперь по старости не может работать. Она ведет себя как крепостница. Ольга и Маша не идут на конфликт, постепенно уступая дом Наташе. Здесь прямая параллель образа Наташи с заносчивым лакеем Яшей из «Вишневого сада». Следующая стадия – Наташа уже перед сестрами позиционирует себя как полноправная хозяйка дома, домоправительница. И на-

конец, она не просто хозяйка в доме, она уже владелица дома, после того как Андрей заложил дом и отдал ей деньги!

Наташа. Прости, прости… *(Целует ее.)*

Ольга. Всякая, даже малейшая грубость, неделикатно сказанное слово волнует меня…

Наташа. Я часто говорю лишнее, это правда, но согласись, моя милая, она могла бы жить в деревне.

Ольга. Она уже тридцать лет у нас.

Наташа. Но ведь теперь она не может работать! Или я не понимаю, или же ты не хочешь меня понять! Она не способна к труду, она только спит или сидит.

Ольга. И пускай сидит.

Наташа *(удивленно)*. Как пускай сидит? Но ведь она же прислуга. *(Сквозь слезы.)* Я тебя не понимаю, Оля. У меня нянька есть, кормилица есть, у нас горничная, кухарка… для чего же нам еще эта старуха? Для чего?

За сценой бьют в набат.

Ольга. В эту ночь я постарела на десять лет.

Наташа. Нам нужно уговориться, Оля. Ты в гимназии, я — дома, у тебя ученье, у меня — хозяйство. И если я говорю что насчет прислуги, то

знаю, что говорю; я знаю, что го-во-рю… И чтоб завтра же не было здесь этой старой воровки, старой хрычовки… *(стучит ногами)* этой ведьмы!.. Не сметь меня раздражать! Не сметь! *(Спохватившись.)* Право, если ты не переберешься вниз, то мы всегда будем ссориться. Это ужасно.

Входит ***Кулыгин****.*

Кулыгин. Где Маша? Пора бы уже домой. Пожар, говорят, стихает. *(Потягивается.)* Сгорел только один квартал, а ведь был ветер, вначале казалось, что горит весь город. *(Садится.)* Утомился. Олечка моя милая… Я часто думаю: если бы не Маша, то я на тебе б женился, Олечка. Ты очень хорошая… Замучился. *(Прислушивается.)*

Ольга. Что?

Кулыгин. Как нарочно, у доктора запой, пьян он ужасно. Как нарочно! *(Встает.)* Вот он идет сюда, кажется… Слышите? Да, сюда… *(Смеется.)* Экий какой, право… Я спрячусь… *(Идет в угол к шкапу.)* Этакий разбойник.

Ольга. Два года не пил, а тут вдруг взял и напился… *(Идет с Наташей в глубину комнаты.)*

Чебутыкин *входит; не шатаясь, как трезвый, проходит по комнате, останавливается, смотрит, потом подходит к рукомойнику и начинает мыть руки.*

Чебутыкин *(угрюмо).* Черт бы всех побрал… подрал… Думают, я доктор, умею лечить всякие болезни, а я не знаю решительно ничего, все позабыл, что знал, ничего не помню, решительно ничего.

Ольга *и* ***Наташа****, незаметно для него, уходят.*

Черт бы побрал. В прошлую среду лечил на Засыпи женщину — умерла, и я виноват, что она умерла. Да… Кое-что знал лет двадцать пять назад, а теперь ничего не помню. Ничего… В голове пусто, на душе холодно. Может быть, я и не человек, а только вот делаю вид, что у меня руки и ноги… и голова; может быть, я и не существую вовсе, а только кажется мне, что я хожу, ем, сплю. *(Плачет.)* О, если бы не существовать! *(Перестает плакать, угрюмо.)* Черт знает… Третьего дня разговор в клубе; говорят, Шекспир, Вольтер… Я не читал, совсем не читал, а на лице своем показал, будто читал. И другие тоже, как я. Пошлость! Низость! И та женщина, что уморил в среду, вспомнилась… и все вспомнилось, и стало на душе криво, гадко, мерзко… пошел, запил…

Ирина*,* ***Вершинин*** *и* ***Тузенбах*** *входят; на Тузенбахе штатское платье, новое и модное.*

Ирина. Здесь посидим. Сюда никто не войдет.

Вершинин. Если бы не солдаты, то сгорел бы

весь город. Молодцы! *(Потирает от удовольствия руки.)* Золотой народ! Ах, что за молодцы!

Кулыгин *(подходя к ним)*. Который час, господа?

Тузенбах. Уже четвертый час. Светает.

Ирина. Все сидят в зале, никто не уходит. И ваш этот Соленый сидит… *(Чебутыкину.)* Вы бы, доктор, шли спать.

Чебутыкин. Ничего-с… Благодарю-с. *(Причесывает бороду.)*

Кулыгин *(смеется)*. Назюзюкался, Иван Романыч! *(Хлопает по плечу.)* Молодец! In vino veritas[13], говорили древние.

Тузенбах. Меня всё просят устроить концерт в пользу погорельцев.

Ирина. Ну, кто там…

Тузенбах. Можно бы устроить, если захотеть. Марья Сергеевна, например, играет на рояле чудесно.

Кулыгин. Чудесно играет!

Ирина. Она уже забыла. Три года не играла… или четыре.

Тузенбах. Здесь в городе решительно никто не понимает музыки, ни одна душа, но я, я по-

---

[13] Сноски: 13
Истина в вине *(лат.)*.

нимаю и честным словом уверяю вас, что Марья Сергеевна играет великолепно, почти талантливо.

Кулыгин. Вы правы, барон. Я ее очень люблю, Машу. Она славная.

Тузенбах. Уметь играть так роскошно и в то же время сознавать, что тебя никто, никто не понимает!

Кулыгин *(вздыхает)*. Да… Но прилично ли ей участвовать в концерте?

Пауза.

Я ведь, господа, ничего не знаю. Может быть, это и хорошо будет. Должен признаться, наш директор хороший человек, даже очень хороший, умнейший, но у него такие взгляды… Конечно, не его дело, но все-таки, если хотите, то я, пожалуй, поговорю с ним.

Чебутыкин берет в руки фарфоровые часы и рассматривает их.

Вершинин. На пожаре я загрязнился весь, ни на что не похож.

Пауза.

Вчера я мельком слышал, будто нашу бригаду хотят перевести куда-то далеко. Одни говорят, в Царство Польское, другие — будто в Читу.

Тузенбах. Я тоже слышал. Что ж? Город тогда

совсем опустеет.

Ирина. И мы уедем!

Мотив ухода бригады из губернского города. Как охарактеризовал его сам автор, «провинциальный город, вроде Перми». Расстояние до Москвы – около 1500 километров. Как и полагается для слухов, названы противоположные направления на краю империи: на запад и на восток. Вершинин с батареей, как и сестры, не окажется в Москве. Важно, что назван город Чита – от Москвы это уже свыше 6 тысяч километров на восток.

Чебутыкин *(роняет часы, которые разбиваются)*. Вдребезги!

Пауза; все огорчены и сконфужены.

Кулыгин *(подбирая осколки)*. Разбить такую дорогую вещь — ах, Иван Романыч, Иван Романыч! Ноль с минусом вам за поведение!

Ирина. Это часы покойной мамы.

Чебутыкин. Может быть… Мамы так мамы. Может, я не разбивал, а только кажется, что разбил. Может быть, нам только кажется, что мы существуем, а на самом деле нас нет. Ничего я не знаю, никто ничего не знает. *(У двери.)* Что смотри-

те? У Наташи романчик с Протопоповым, а вы не видите… Вы вот сидите тут и ничего не видите, а у Наташи романчик с Протопоповым… *(Поет.)* Не угодно ль этот финик вам принять… *(Уходит.)*

Вершинин. Да… *(Смеется.)* Как все это, в сущности, странно!

Пауза.

Когда начался пожар, я побежал скорей домой; подхожу, смотрю — дом наш цел и невредим и вне опасности, но мои две девочки стоят у порога в одном белье, матери нет, суетится народ, бегают лошади, собаки, и у девочек на лицах тревога, ужас, мольба, не знаю что; сердце у меня сжалось, когда я увидел эти лица. Боже мой, думаю, что придется пережить еще этим девочкам в течение долгой жизни! Я хватаю их, бегу и все думаю одно: что им придется пережить еще на этом свете!

Набат; пауза.

Прихожу сюда, а мать здесь, кричит, сердится.

***Маша** входит с подушкой и садится на диван.*

И когда мои девочки стояли у порога в одном белье, босые, и улица была красной от огня, был страшный шум, то я подумал, что нечто похожее происходило много лет назад, когда

набегал неожиданно враг, грабил, зажигал… Между тем, в сущности, какая разница между тем, что есть и что было! А пройдет еще немного времени, каких-нибудь двести-триста лет, и на нашу теперешнюю жизнь так же будут смотреть и со страхом, и с насмешкой, все нынешнее будет казаться и угловатым, и тяжелым, и очень неудобным, и странным. О, наверное, какая это будет жизнь, какая жизнь! *(Смеется.)* Простите, я опять зафилософствовался. Позвольте продолжать, господа. Мне ужасно хочется философствовать, такое у меня теперь настроение.

Пауза.

Точно спят все. Так я говорю: какая это будет жизнь! Вы можете себе только представить… Вот таких, как вы, в городе теперь только три, в следующих поколениях — больше, все больше и больше, и придет время, когда все изменится по-вашему, жить будут по-вашему, а потом и вы устареете, народятся люди, которые будут лучше вас… *(Смеется.)* Сегодня у меня какое-то особенное настроение. Хочется жить чертовски… *(Поет.)* Любви все возрасты покорны, ее порывы благотворны… *(Смеется.)*

Как указывал автор для игры на сцене,

«Трам-там…» звучит в виде вопроса. И «Трам-там-там…» – в виде ответа. Понятный лишь влюбленным язык. Гармония Вершинина и Маши на фоне пожара.

Маша. Трам-там-там…

Вершинин. Трам-там…

Маша. Тра-ра-ра?

Вершинин. Тра-та-та. *(Смеется.)*

Входит ***Федотик****.*

Федотик *(танцует)*. Погорел, погорел! Весь дочиста!

Смех.

Ирина. Что ж за шутки. Все сгорело?

Федотик *(смеется)*. Всё дочиста. Ничего не осталось. И гитара сгорела, и фотография сгорела, и все мои письма… И хотел подарить вам записную книжечку — тоже сгорела.

Входит ***Соленый****.*

Ирина. Нет, пожалуйста, уходите, Василий Васильич. Сюда нельзя.

Соленый. Почему же это барону можно, а мне нельзя?

Вершинин. Надо уходить, в самом деле. Как пожар?

Соленый. Говорят, стихает. Нет, мне положи-

тельно странно, почему это барону можно, а мне нельзя? *(Вынимает флакон с духами и прыскается.)*

Вершинин. Трам-там-там.

Маша. Трам-там.

Вершинин *(смеется, Соленому)*. Пойдемте в залу.

Соленый. Хорошо-с, так и запишем. Мысль эту можно б боле пояснить, да боюсь, как бы гусей не раздразнить… *(Глядя на Тузенбаха.)* Цып, цып, цып…

Уходит с ***Вершининым*** *и* ***Федотиком****.*

Ирина. Как накурил этот Соленый… *(В недоумении.)* Барон спит! Барон! Барон!

Тузенбах *(очнувшись)*. Устал я, однако… Кирпичный завод… Это я не брежу, а в самом деле, скоро поеду на кирпичный завод, начну работать… Уже был разговор. *(Ирине нежно.)* Вы такая бледная, прекрасная, обаятельная… Мне кажется, ваша бледность проясняет темный воздух, как свет… Вы печальны, вы недовольны жизнью… О, поедемте со мной, поедемте работать вместе!..

Маша. Николай Львович, уходите отсюда.

Тузенбах *(смеясь)*. Вы здесь? Я не вижу. *(Целует Ирине руку.)* Прощайте, я пойду… Я гляжу

на вас теперь, и вспоминается мне, как когда-то давно, в день ваших именин, вы, бодрая, веселая, говорили о радостях труда… И какая мне тогда мерещилась счастливая жизнь! Где она? *(Целует руку.)* У вас слезы на глазах. Ложитесь спать, уж светает… начинается утро… Если бы мне было позволено отдать за вас жизнь свою!

Маша. Николай Львович, уходите! Ну, что, право…

Тузенбах. Ухожу… *(Уходит.)*

Маша *(ложится)*. Ты спишь, Федор?

Кулыгин. А?

Маша. Шел бы домой.

Кулыгин. Милая моя Маша, дорогая моя Маша…

Ирина. Она утомилась. Дал бы ей отдохнуть, Федя.

Кулыгин. Сейчас уйду… Жена моя хорошая, славная… Люблю тебя, мою единственную…

Маша *(сердито)*. Amo, amas, amat, amamus, amatis, amant[14].

Кулыгин *(смеется)*. Нет, право, она удивительная. Женат я на тебе семь лет, а кажется, венчались только вчера. Честное слово. Нет,

---

[14] Сноски: 14

Люблю, любишь, любит, любим, любите, любят *(лат.)*.

право, ты удивительная женщина. Я доволен, я доволен, я доволен!

Маша. Надоело, надоело, надоело… *(Встает и говорит сидя.)* И вот не выходит у меня из головы… Просто возмутительно. Сидит гвоздем в голове, не могу молчать. Я про Андрея… Заложил он этот дом в банке, и все деньги забрала его жена, а ведь дом принадлежит не ему одному, а нам четверым! Он должен это знать, если он порядочный человек.

Кулыгин. Охота тебе, Маша! На что тебе? Андрюша кругом должен, ну и бог с ним.

Маша. Это во всяком случае возмутительно. *(Ложится.)*

Кулыгин. Мы с тобой не бедны. Я работаю, хожу в гимназию, потом уроки даю… Я честный человек. Простой… Omnia mea mecum porto[15], как говорится.

Маша. Мне ничего не нужно, но меня возмущает несправедливость.

Пауза.

Ступай, Федор!

Кулыгин *(целует ее)*. Ты устала, отдохни с полчасика, а я там посижу, подожду. Спи… *(Идет.)* Я

---

[15] Сноски: 15
Все мое ношу с собой *(лат.)*.

доволен, я доволен, я доволен. *(Уходит.)*

Ирина. В самом деле, как измельчал наш Андрей, как он выдохся и постарел около этой женщины! Когда-то готовился в профессора, а вчера хвалился, что попал наконец в члены земской управы. Он член управы, а Протопопов председатель… Весь город говорит, смеется, и только он один ничего не знает и не видит… И вот все побежали на пожар, а он сидит у себя в комнате и никакого внимания. Только на скрипке играет. *(Нервно.)* О, ужасно, ужасно, ужасно! *(Плачет.)* Я не могу, не могу переносить больше!.. Не могу, не могу!..

***Ольга** входит, убирает около своего столика.*

(Громко рыдает.) Выбросьте меня, выбросьте, я больше не могу!..

Ольга *(испугавшись)*. Что ты, что ты? Милая!

Ирина *(рыдая)*. Куда? Куда все ушло? Где оно? О боже мой, боже мой! Я все забыла, забыла… У меня перепуталось в голове… Я не помню, как по-итальянски «окно» или вот «потолок»… Все забываю, каждый день забываю, а жизнь уходит и никогда не вернется, никогда, никогда мы не уедем в Москву… Я вижу, что не уедем…

Ольга. Милая, милая…

Ирина *(сдерживаясь)*. О, я несчастная… Не могу

я работать, не стану работать. Довольно, довольно! Была телеграфисткой, теперь служу в городской управе и ненавижу, презираю все, что только мне дают делать… Мне уже двадцать четвертый год, работаю уже давно, и мозг высох, похудела, подурнела, постарела, и ничего, ничего, никакого удовлетворения, а время идет, и все кажется, что уходишь от настоящей прекрасной жизни, уходишь все дальше и дальше, в какую-то пропасть. Я в отчаянии, я в отчаянии! И как я жива, как не убила себя до сих пор, не понимаю…

Ольга. Не плачь, моя девочка, не плачь… Я страдаю.

Ирина. Я не плачу, не плачу… Довольно… Ну, вот я уже не плачу. Довольно… Довольно!

Ирина срывается, сестры уходят все дальше, как батарея, от прекрасной жизни и никогда не поедут в Москву. Ирина не хочет работать – полная противоположность первому действию. Ирина мечтала не о той работе. Дело даже не в противопоставлении творческой, одухотворенной работы и выматывающей рутины. Это противопоставление идеального будущего и несчастливого настояще-

го. Как раз здесь тема будущего сменяется темой уходящего времени. Время уходит, а будущее не наступает.

Замужество как долг. «Семейное счастие» как следствие осознания долга. Но Ольга так и не выйдет замуж – и не потому, что никому не нужна. Для нее выйти замуж – это сбросить с себя ответственность. Это можно сказать в минуту слабости, но сделать – нет. Она свой долг видит и реализует по-другому. Она рассчитывает только на себя.

Ольга. Милая, говорю тебе как сестра, как друг, если хочешь моего совета, выходи за барона!

Ирина тихо плачет.

Ведь ты его уважаешь, высоко ценишь… Он, правда, некрасивый, но он такой порядочный, чистый… Ведь замуж выходят не из любви, а только для того, чтобы исполнить свой долг. Я, по крайней мере, так думаю, и я бы вышла без любви. Кто бы ни посватал, все равно бы пошла, лишь бы порядочный человек. Даже за старика бы пошла…

Ирина. Я все ждала, переселимся в Москву, там мне встретится мой настоящий, я мечтала о нем,

любила… Но оказалось, все вздор, все вздор…

Ольга *(обнимает сестру).* Милая моя, прекрасная сестра, я все понимаю; когда барон Николай Львович оставил военную службу и пришел к нам в пиджаке, то показался мне таким некрасивым, что я даже заплакала… Он спрашивает: «Что вы плачете?» Как я ему скажу! Но если бы Бог привел ему жениться на тебе, то я была бы счастлива. Тут ведь другое, совсем другое.

Наташа *со свечой проходит через сцену из правой двери в левую молча.*

Почему Ирина все же решит выйти за Тузенбаха, хотя его не любит. Ей Ольга сказала. Вот выйдет Ирина за Тузенбаха, и Ольга будет счастлива. Далее – снова тема Москвы. Но теперь мы знаем, что Москва – это несбыточное. Поэтому когда Ирина говорит «выйду за барона, только поедем в Москву» – это выражение нежелания выходить за барона.

Маша *(садится).* Она ходит так, как будто она подожгла.

Ольга. Ты, Маша, глупая. Самая глупая в нашей семье это ты. Извини, пожалуйста.

Пауза.

Чехов отстаивал буквальное следование этой ремарке при постановке, так как видел здесь в Наташе героиню «a la леди Макбет, со свечой – этак короче и страшней».

Маша. Мне хочется каяться, милые сестры. Томится душа моя. Покаюсь вам и уж больше никому, никогда… Скажу сию минуту. *(Тихо.)* Это моя тайна, но вы всё должны знать… Не могу молчать…

Пауза.

Я люблю, люблю… Люблю этого человека… Вы его только что видели… Ну, да что там. Одним словом, люблю Вершинина…

Ольга *(идет к себе за ширму).* Оставь это. Я все равно не слышу.

Маша. Что же делать! *(Берется за голову.)* Он казался мне сначала странным, потом я жалела его… потом полюбила… полюбила с его голосом, его словами, несчастьями, двумя девочками…

Ольга *(за ширмой).* Я не слышу, все равно. Какие бы ты глупости ни говорила, я все равно не слышу.

Маша. Э, чудная ты, Оля. Люблю — такая, значит, судьба моя. Значит, доля моя такая… И он

меня любит… Это все страшно. Да? Нехорошо это? *(Тянет Ирину за руку, привлекает к себе.)* О моя милая… Как-то мы проживем нашу жизнь, что из нас будет… Когда читаешь роман какой-нибудь, то кажется, что все это старо и все так понятно, а как сама полюбишь, то и видно тебе, что никто ничего не знает и каждый должен решать сам за себя… Милые мои, сестры мои… Призналась вам, теперь буду молчать… Буду теперь, как гоголевский сумасшедший… молчание… молчание…

Входит ***Андрей****, за ним* ***Ферапонт****.*

Андрей *(сердито)*. Что тебе нужно? Я не понимаю.

Ферапонт *(в дверях, нетерпеливо)*. Я, Андрей Сергеич, уж говорил раз десять.

Андрей. Во-первых, я тебе не Андрей Сергеич, а ваше высокоблагородие!

Ферапонт. Пожарные, ваше высокородие, просят, дозвольте на реку садом проехать. А то кругом ездиют, ездиют — чистое наказание.

Андрей. Хорошо. Скажи, хорошо.

Ферапонт *уходит.*

Надоели. Где Ольга?

Ольга показывается из-за ширмы.

Я пришел к тебе, дай мне ключ от шкапа, я зате-

рял свой. У тебя есть такой маленький ключик.

Ольга подает ему молча ключ. Ирина идет к себе за ширму; пауза.

А какой громадный пожар! Теперь стало утихать. Черт знает, разозлил меня этот Ферапонт, я сказал ему глупость… Ваше высокоблагородие…

Пауза.

Что же ты молчишь, Оля?

Пауза.

Пора уже оставить эти глупости и не дуться так, здорово живешь. Ты, Маша, здесь, Ирина здесь, ну вот прекрасно — объяснимся начистоту, раз навсегда. Что вы имеете против меня? Что?

Ольга. Оставь, Андрюша. Завтра объяснимся. *(Волнуясь.)* Какая мучительная ночь!

Андрей *(он очень смущен)*. Не волнуйся. Я совершенно хладнокровно вас спрашиваю: что вы имеете против меня? Говорите прямо.

Голос Вершинина: «Трам-там-там!»

Маша *(встает, громко)*. Тра-та-та! *(Ольге.)* Прощай, Оля, Господь с тобой. *(Идет за ширму, целует Ирину.)* Спи покойно… Прощай, Андрей. Уходи, они утомлены… завтра объяснишься… *(Уходит.)*

Ольга. В самом деле, Андрюша, отложим до завтра… *(Идет к себе за ширму.)* Спать пора.

Андрей. Только скажу и уйду. Сейчас… Во-первых, вы имеете что-то против Наташи, моей жены, и это я замечаю с самого дня моей свадьбы. Если желаете знать, Наташа прекрасный, честный человек, прямой и благородный — вот мое мнение. Свою жену я люблю и уважаю, понимаете, уважаю и требую, чтобы ее уважали также и другие. Повторяю, она честный, благородный человек, а все ваши неудовольствия, простите, это просто капризы…

Пауза.

Во-вторых, вы как будто сердитесь за то, что я не профессор, не занимаюсь наукой. Но я служу в земстве, я член земской управы и это свое служение считаю таким же святым и высоким, как служение науке. Я член земской управы и горжусь этим, если желаете знать…

Пауза.

В-третьих… Я еще имею сказать… Я заложил дом, не испросив у вас позволения… В этом я виноват, да, и прошу меня извинить. Меня побудили к этому долги… тридцать пять тысяч… Я уже не играю в карты, давно бросил, но главное, что могу сказать в свое оправдание, это то, что вы девушки, вы получаете пенсию, я же не имел… заработка, так сказать…

Пауза.

Кулыгин *(в дверь)*. Маши здесь нет? *(Встревоженно.)* Где же она? Это странно… *(Уходит.)*

Андрей. Не слушают. Наташа превосходный, честный человек. *(Ходит по сцене молча, потом останавливается.)* Когда я женился, я думал, что мы будем счастливы… все счастливы… Но боже мой… *(Плачет.)* Милые мои сестры, дорогие сестры, не верьте мне, не верьте… *(Уходит.)*

Кулыгин *(в дверь, встревоженно)*. Где Маша? Здесь Маши нет? Удивительное дело. *(Уходит.)*

Набат, сцена пустая.

Ирина *(за ширмами)*. Оля! Кто это стучит в пол?

Ольга. Это доктор Иван Романыч. Он пьян.

Ирина. Какая беспокойная ночь!

Пауза.

Оля! *(Выглядывает из-за ширмы.)* Слышала? Бригаду берут от нас, переводят куда-то далеко.

Ольга. Это слухи только.

Ирина. Останемся мы тогда одни… Оля!

Ольга. Ну?

Ирина. Милая, дорогая, я уважаю, я ценю барона, он прекрасный человек, я выйду за него, согласна, только поедем в Москву! Умоляю тебя, поедем! Лучше Москвы нет ничего на свете! По-

едем, Оля! Поедем!

Занавес

Действие четвертое

Старый сад при доме Прозоровых. Длинная еловая аллея, в конце которой видна река. На той стороне реки — лес. Направо терраса дома; здесь на столе бутылки и стаканы; видно, что только что пили шампанское. Двенадцать часов дня. С улицы к реке через сад ходят изредка прохожие; быстро проходят человек ***пять солдат****.*

Чебутыкин *в благодушном настроении, которое не покидает его в течение всего акта, сидит в кресле, в саду, ждет, когда его позовут; он в фуражке и с палкой.* ***Ирина****,* ***Кулыгин****, с орденом на шее, без усов, и* ***Тузенбах****, стоя на террасе, провожают* ***Федотика*** *и* ***Родэ****, которые сходят вниз; оба офицера в походной форме.*

Тузенбах *(целуется с Федотиком).* Вы хороший, мы жили так дружно. *(Целуется с Родэ.)* Еще раз… Прощайте, дорогой мой!

Ирина. До свиданья!

Федотик. Не до свиданья, а прощайте, мы больше уже никогда не увидимся!

Кулыгин. Кто знает! *(Вытирает глаза, улыбается.)* Вот я и заплакал.

Ирина. Когда-нибудь встретимся.

Федотик. Лет через десять-пятнадцать? Но тогда мы едва узнаем друг друга, холодно поздороваемся… *(Снимает фотографию.)* Стойте… Еще в последний раз.

Родэ *(обнимает Тузенбаха)*. Не увидимся больше… *(Целует руку Ирине.)* Спасибо за все, за все!

Федотик *(с досадой)*. Да постой!

Тузенбах. Даст Бог, увидимся. Пишите же нам. Непременно пишите.

Родэ *(окидывает взглядом сад)*. Прощайте, деревья! *(Кричит.)* Гоп-гоп!

Пауза.

Прощай, эхо!

Кулыгин. Чего доброго, женитесь там, в Польше… Жена полька обнимет и скажет: «Кохане!» *(Смеется.)*

Федотик *(взглянув на часы)*. Осталось меньше часа. Из нашей батареи только Соленый пойдет на барже, мы же со строевой частью. Сегодня уйдут три батареи дивизионно, завтра опять три — и в городе наступит тишина и спокойствие.

Тузенбах. И скучища страшная.

Родэ. А Мария Сергеевна где?

Кулыгин. Маша в саду.

Федотик. С ней проститься.

Родэ. Прощайте, надо уходить, а то я заплачу… *(Обнимает быстро Тузенбаха и Кулыгина, целует руку Ирине.)* Прекрасно мы здесь пожили…

Федотик *(Кулыгину)*. Это вам на память… книжка с карандашиком… Мы здесь пойдем к реке…

Отходят, оба оглядываются.

Родэ *(кричит)*. Гоп-гоп!

Кулыгин *(кричит)*. Прощайте!

В глубине сцены Федотик и Родэ встречаются с ***Машей*** *и прощаются с нею; она уходит с ними.*

Ирина. Ушли… *(Садится на нижнюю ступень террасы.)*

Чебутыкин. А со мной забыли проститься.

Ирина. Вы же чего?

Чебутыкин. Да и я как-то забыл. Впрочем, скоро увижусь с ними, ухожу завтра. Да… Еще один денек остался. Через год дадут мне отставку, опять приеду сюда и буду доживать свой век около вас… Мне до пенсии только один годочек остался… *(Кладет в карман газету, вынимает другую.)* Приеду сюда к вам и изменю жизнь коренным образом… Стану таким тихоньким, благо… благоугодным, приличненьким…

Ирина. А вам надо бы изменить жизнь, голубчик. Надо бы как-нибудь.

Чебутыкин. Да. Чувствую. *(Тихо напевает.)*

Тарара… бумбия… сижу на тумбе я…

Кулыгин. Неисправим Иван Романыч! Неисправим.

Чебутыкин. Да, вот к вам бы на выучку. Тогда бы исправился.

Ирина. Федор сбрил себе усы. Видеть не могу!

Кулыгин. А что?

Чебутыкин. Я бы сказал, на что теперь похожа ваша физиономия, да не могу.

Кулыгин. Что ж! Так принято, это modus vivendi[16]. Директор у нас с выбритыми усами, и я тоже, как стал инспектором, побрился. Никому не нравится, а для меня все равно. Я доволен. С усами я или без усов, а я одинаково доволен… *(Садится.)*

В глубине сцены ***Андрей*** *провозит в колясочке спящего ребенка.*

Ирина. Иван Романыч, голубчик, родной мой, я страшно обеспокоена. Вы вчера были на бульваре, скажите, что произошло там?

Чебутыкин. Что произошло? Ничего. Пустяки. *(Читает газету.)* Все равно!

Кулыгин. Так рассказывают, будто Соленый и барон встретились вчера на бульваре около

---

[16] Сноски: 16
Здесь: так уж заведено *(лат.)*.

театра…

Тузенбах. Перестаньте! Ну что, право… *(Машет рукой и уходит в дом.)*

Кулыгин. Около театра… Соленый стал придираться к барону, а тот не стерпел, сказал что-то обидное…

Чебутыкин. Не знаю. Чепуха все.

Кулыгин. В какой-то семинарии учитель написал на сочинении «чепуха», а ученик прочел «реникса» — думал, по-латыни написано… *(Смеется.)* Смешно удивительно. Говорят, будто Соленый влюблен в Ирину и будто возненавидел барона… Это понятно. Ирина очень хорошая девушка. Она даже похожа на Машу, такая же задумчивая. Только у тебя, Ирина, характер мягче. Хотя и у Маши, впрочем, тоже очень хороший характер. Я ее люблю, Машу.

В глубине сада за сценой: «Ау! Гоп-гоп!»

Ирина *(вздрагивает)*. Меня как-то все пугает сегодня.

Пауза.

У меня уже все готово, я после обеда отправляю свои вещи. Мы с бароном завтра венчаемся, завтра же уезжаем на кирпичный завод, и послезавтра я уже в школе, начинается новая жизнь. Как-то мне поможет Бог! Когда я держала экзамен

на учительницу, то даже плакала от радости, от благости…

Пауза.

Сейчас приедет подвода за вещами…

Кулыгин. Так-то оно так, только как-то все это не серьезно. Одни только идеи, а серьезного мало. Впрочем, от души тебе желаю.

Чебутыкин *(в умилении)*. Славная моя, хорошая… Золотая моя… Далеко вы ушли, не догонишь вас. Остался я позади, точно перелетная птица, которая состарилась, не может лететь. Летите, мои милые, летите с Богом!

Пауза.

Напрасно, Федор Ильич, вы усы себе сбрили.

Кулыгин. Будет вам! *(Вздыхает.)* Вот сегодня уйдут военные, и все опять пойдет по-старому. Что бы там ни говорили, Маша хорошая, честная женщина, я ее очень люблю и благодарю свою судьбу… Судьба у людей разная… Тут в акцизе служит некто Козырев. Он учился со мной, его уволили из пятого класса гимназии за то, что никак не мог понять ut consecutivum. Теперь он ужасно бедствует, болен, и я, когда встречаюсь, то говорю ему: «Здравствуй, ut consecutivum!» — Да, говорит, именно consecutivum… а сам кашляет… А мне вот всю мою жизнь везет, я счастлив, вот

имею даже Станислава второй степени и сам теперь преподаю другим это ut consecutivum. Конечно, я умный человек, умнее очень многих, но счастье не в этом…

Довольно высокая награда, свидетельствующая о служебных успехах Кулыгина. Чин 7-го класса, Станислав второй степени. Пожалуй, Кулыгин дослужится до дворянства, если он не дворянин.

В доме играют на рояле «Молитву девы».

Ирина. А завтра вечером я уже не буду слышать этой «Молитвы девы», не буду встречаться с Протопоповым…

Пауза.

Популярная салонная пьеса. Автор – польская пианистка и композитор Текла Бодаржевска-Барановска.

А Протопопов сидит там в гостиной; и сегодня пришел…

Кулыгин. Начальница еще не приехала?

*В глубине сцены тихо проходит **Маша**, прогуливаясь.*

Ирина. Нет. За ней послали. Если б только

вы знали, как мне трудно жить здесь одной, без Оли… Она живет в гимназии; она начальница, целый день занята делом, а я одна, мне скучно, нечего делать, и ненавистна комната, в которой живу… Я так и решила: если мне не суждено быть в Москве, то так тому и быть. Значит, судьба. Ничего не поделаешь… Всё в Божьей воле, это правда. Николай Львович сделал мне предложение… Что ж? Подумала и решила. Он хороший человек, удивительно даже, такой хороший… И у меня вдруг точно крылья выросли на душе, я повеселела, стало мне легко и опять захотелось работать, работать… Только вот вчера произошло что-то, какая-то тайна нависла надо мной…

Ирина говорит о будущем муже почти как Кулыгин о Маше: «она добрая». Нет любви.

Чебутыкин. Реникса. Чепуха.

Наташа *(в окно)*. Начальница!

Кулыгин. Приехала начальница. Пойдем.

Уходит с ***Ириной*** *в дом.*

Чебутыкин *(читает газету и тихо напевает)*. Тара-ра… бумбия… сижу на тумбе я…

Маша *подходит; в глубине* ***Андрей*** *провозит колясочку.*

Маша. Сидит себе здесь, посиживает…

Чебутыкин. А что?

Маша *(садится)*. Ничего…

Пауза.

Вы любили мою мать?

Чебутыкин. Очень.

Маша. А она вас?

Чебутыкин *(после паузы)*. Этого я уже не помню.

Маша. Мой здесь? Так когда-то наша кухарка Марфа говорила про своего городового: мой. Мой здесь?

Чебутыкин. Нет еще.

Маша. Когда берешь счастье урывочками, по кусочкам, потом его теряешь, как я, то мало-помалу грубеешь, становишься злющей. *(Указывает себе на грудь.)* Вот тут у меня кипит… *(Глядя на брата Андрея, который провозит колясочку.)* Вот Андрей наш, братец… Все надежды пропали. Тысячи народа поднимали колокол, потрачено было много труда и денег, а он вдруг упал и разбился. Вдруг, ни с того ни с сего. Так и Андрей…

Андрей. И когда, наконец, в доме успокоятся. Такой шум.

Чебутыкин. Скоро. *(Смотрит на часы, потом*

заводит их; часы бьют.) У меня часы старинные, с боем… Первая, вторая и пятая батареи уйдут ровно в час…

Пауза.

А я завтра.

Андрей. Навсегда?

Крушение всех надежд. Отчаяние. Вершинин уходит. А внешне как будто ничего не происходит, только нагнетается напряжение постоянным возвращением к теме ссоры барона с Соленым. Но напряжение связано не только с этим, а с общим ощущением несчастья и разбитых надежд.

Чебутыкин. Не знаю. Может, через год вернусь. Хотя черт его знает… все равно…

Слышно, как где-то далеко играют на арфе и скрипке.

Андрей. Опустеет город. Точно его колпаком накроют.

Пауза.

Что-то произошло вчера около театра; все говорят, а я не знаю.

Чебутыкин. Ничего. Глупости. Соленый стал придираться к барону, а тот вспылил и оскорбил

его, и вышло так в конце концов, что Соленый обязан был вызвать его на дуэль. *(Смотрит на часы.)* Пора бы, кажется, уж… В половине первого, в казенной роще, вот в той, что отсюда видать за рекой… Пиф-паф. *(Смеется.)* Соленый воображает, что он Лермонтов, и даже стихи пишет. Вот шутки шутками, а уж у него третья дуэль.

Маша. У кого?

Чебутыкин. У Соленого.

Маша. А у барона?

Чебутыкин. Что у барона?

Пауза.

Чехов исключительно был внимателен к звучанию реплик и расстановке звуков, нужных по авторскому художественному замыслу. Поэтому у него неоднократно случались объяснения с режиссерами Художественного театра (К. С. Станиславским и В. И. Немировичем-Данченко).

Чебутыкин передает сжато и по-военному четко то, что произошло у Соленого с Тузенбахом. Обратите внимание – автор пересказывает устами персонажа, а не разыгрывает на сцене перед зрителями конфликт соперников, столь важный

для построения драматургического конфликта в традиционной пьесе.

Маша. В голове у меня перепуталось… Все-таки, я говорю, не следует им позволять. Он может ранить барона или даже убить.

Чебутыкин. Барон хороший человек, но одним бароном больше, одним меньше — не все ли равно? Пускай! Все равно!

За садом крик: «Ау! Гоп-гоп!»

Подождешь. Это Скворцов кричит, секундант. В лодке сидит.

Пауза.

Андрей. По-моему, и участвовать на дуэли, и присутствовать на ней, хотя бы в качестве врача, просто безнравственно.

Чебутыкин. Это только кажется… Ничего нет на свете, нас нет, мы не существуем, а только кажется, что существуем… И не все ли равно!

Чеховский афоризм в абсурдистской манере передает крайнее внутреннее напряжение Маши – вот-вот что-то случится, сорвется. Все время на грани.

Маша. Так вот целый день говорят, говорят… *(Идет.)* Живешь в таком климате, того гляди

снег пойдет, а тут еще эти разговоры… *(Останавливаясь.)* Я не пойду в дом, я не могу туда ходить… Когда придет Вершинин, скажете мне… *(Идет по аллее.)* А уже летят перелетные птицы… *(Глядит вверх.)* Лебеди или гуси… Милые мои, счастливые мои… *(Уходит.)*

Андрей. Опустеет наш дом. Уедут офицеры, уедете вы, сестра замуж выйдет, и останусь в доме я один.

Чебутыкин. А жена?

Ферапонт *входит с бумагами.*

Андрей. Жена есть жена. Она честная, порядочная, ну, добрая, но в ней есть при всем том нечто принижающее ее до мелкого, слепого, этакого шершавого животного. Во всяком случае, она не человек. Говорю вам как другу, единственному человеку, которому могу открыть свою душу. Я люблю Наташу, это так, но иногда она мне кажется удивительно пошлой, и тогда я теряюсь, не понимаю, за что, отчего я так люблю ее или, по крайней мере, любил…

Наташа – животное. Рефлексия Андрея. Наташа – удивительно пошлая, то есть – заурядная, чуждая высших интересов, надоевшая.

Чебутыкин *(встает)*. Я, брат, завтра уезжаю, может, никогда не увидимся, так вот тебе мой совет. Знаешь, надень шапку, возьми в руки палку и уходи… уходи и иди, иди без оглядки. И чем дальше уйдешь, тем лучше.

Соленый *проходит в глубине сцены с* ***двумя офицерами****; увидев* ***Чебутыкина****, он поворачивается к нему; офицеры идут дальше.*

Соленый. Доктор, пора! Уже половина первого. *(Здоровается с Андреем.)*

Чебутыкин. Сейчас. Надоели вы мне все. *(Андрею.)* Если кто спросит меня, Андрюша, то скажешь, я сейчас… *(Вздыхает.)* Охо-хо-хо!

Соленый. Он ахнуть не успел, как на него медведь насел. *(Идет с ним.)* Что вы кряхтите, старик?

Чебутыкин. Ну!

Соленый. Как здоровье?

Чебутыкин *(сердито)*. Как масло коровье.

Соленый. Старик волнуется напрасно. Я позволю себе немного, я только подстрелю его, как вальдшнепа. *(Вынимает духи и брызгает на руки.)* Вот вылил сегодня целый флакон, а они всё пахнут. Они у меня пахнут трупом.

Пауза.

Так-с… Помните стихи? А он, мятежный, ищет

бури, как будто в бурях есть покой…

Чебутыкин. Да. Он ахнуть не успел, как на него медведь насел. *(Уходит с Соленым.)*

Слышны крики: «Гоп! Ау!» ***Андрей*** *и* ***Ферапонт*** *входят.*

Ферапонт. Бумаги подписать…

Андрей *(нервно)*. Отстань от меня! Отстань! Умоляю! *(Уходит с колясочкой.)*

Ферапонт. На то ведь и бумаги, чтоб их подписывать. *(Уходит в глубину сцены.)*

Входят ***Ирина*** *и* ***Тузенбах*** *в соломенной шляпе,* ***Кулыгин*** *проходит через сцену, крича: «Ау, Маша, ау!»*

Тузенбах. Это, кажется, единственный человек в городе, который рад, что уходят военные.

Ирина. Это понятно.

Пауза.

Наш город опустеет теперь.

Тузенбах. Милая, я сейчас приду.

Ирина. Куда ты?

Тузенбах. Мне нужно в город, затем… проводить товарищей.

Ирина. Неправда… Николай, отчего ты такой рассеянный сегодня?

Пауза.

Что вчера произошло около театра?

Тузенбах *(нетерпеливое движение)*. Через час я вернусь и опять буду с тобой. *(Целует ей руки.)* Ненаглядная моя… *(Всматривается ей в лицо.)* Уже пять лет прошло, как я люблю тебя, и все не могу привыкнуть, и ты кажешься мне все прекраснее. Какие прелестные, чудные волосы! Какие глаза! Я увезу тебя завтра, мы будем работать, будем богаты, мечты мои оживут. Ты будешь счастлива. Только вот одно, только одно: ты меня не любишь!

Ирина все философствует на общие темы, а Тузенбаха вот-вот убьют. Она уже чувствует себя несчастной и собирается ей быть, а для Тузенбаха несчастье то, что он не может сделать ее счастливой. Ему это непереносимо.

Ирина. Это не в моей власти. Я буду твоей женой, и верной и покорной, но любви нет, что же делать! *(Плачет.)* Я не любила ни разу в жизни. О, я так мечтала о любви, мечтаю уже давно, дни и ночи, но душа моя, как дорогой рояль, который заперт и ключ потерян.

Пауза.

У тебя беспокойный взгляд.

Тузенбах. Я не спал всю ночь. В моей жизни

нет ничего такого страшного, что могло бы испугать меня, и только этот потерянный ключ терзает мою душу, не дает мне спать… Скажи мне что-нибудь.

Пауза.

Скажи мне что-нибудь…

Ирина. Что? Что? Кругом все так таинственно, старые деревья стоят, молча… *(Кладет голову ему на грудь.)*

Ирина. Что? Что сказать? Что?

Тузенбах. Что-нибудь.

Ирина. Полно! Полно!

Пауза.

Тузенбах. Какие пустяки, какие глупые мелочи иногда приобретают в жизни значение вдруг, ни с того ни с сего. По-прежнему смеешься над ними, считаешь пустяками, и все же идешь и чувствуешь, что у тебя нет сил остановиться. О, не будем говорить об этом! Мне весело. Я точно первый раз в жизни вижу эти ели, клены, березы, и все смотрит на меня с любопытством и ждет. Какие красивые деревья и, в сущности, какая должна быть около них красивая жизнь!

Крик: «Ау! Гоп-гоп!»

Надо идти, уже пора… Вот дерево засохло, но все же оно вместе с другими качается от ветра.

Так, мне кажется, если я и умру, то все же буду участвовать в жизни так или иначе. Прощай, моя милая… *(Целует руки.)* Твои бумаги, что ты мне дала, лежат у меня на столе, под календарем.

Тузенбах прощается навсегда. Он не вернется. Деталь, которая доводит ситуацию до предела, – это образ-символ – кофе, который так и не будет выпит.

Ирина. И я с тобой пойду.

Тузенбах *(тревожно)*. Нет, нет! *(Быстро идет, на аллее останавливается.)* Ирина!

Ирина. Что?

Тузенбах *(не зная, что сказать)*. Я не пил сегодня кофе. Скажешь, чтобы мне сварили… *(Быстро уходит.)*

Ирина стоит задумавшись, потом уходит в глубину сцены и садится на качели. Входит ***Андрей*** *с колясочкой, показывается* ***Ферапонт****.*

Ферапонт. Андрей Сергеич, бумаги-то ведь не мои, а казенные. Не я их выдумал.

Андрей. О, где оно, куда ушло мое прошлое, когда я был молод, весел, умен, когда я мечтал и мыслил изящно, когда настоящее и будущее мое озарялось надеждой? Отчего мы, едва начавши жить, становимся скучны, серы, неинтересны,

ленивы, равнодушны, бесполезны, несчастны… Город наш существует уже двести лет, в нем сто тысяч жителей, и ни одного, который не был бы похож на других, ни одного подвижника ни в прошлом, ни в настоящем, ни одного ученого, ни одного художника, ни мало-мальски заметного человека, который возбуждал бы зависть или страстное желание подражать ему. Только едят, пьют, спят, потом умирают… родятся другие и тоже едят, пьют, спят и, чтобы не отупеть от скуки, разнообразят жизнь свою гадкой сплетней, водкой, картами, сутяжничеством, и жены обманывают мужей, а мужья лгут, делают вид, что ничего не видят, ничего не слышат, и неотразимо пошлое влияние гнетет детей, и искра Божия гаснет в них, и они становятся такими же жалкими, похожими друг на друга мертвецами, как их отцы и матери… *(Ферапонту, сердито.)* Что тебе?

Ферапонт. Чего? Бумаги подписать.

Андрей. Надоел ты мне.

Ферапонт *(подавая бумаги)*. Сейчас швейцар из казенной палаты сказывал… Будто, говорит, зимой в Петербурге мороз был в двести градусов.

Андрей. Настоящее противно, но зато когда я думаю о будущем, то как хорошо! Становится

так легко, так просторно; и вдали забрезжит свет, я вижу свободу, я вижу, как я и дети мои становимся свободны от праздности, от квасу, от гуся с капустой, от сна после обеда, от подлого тунеядства…

Ферапонт. Две тысячи людей померзло будто. Народ, говорит, ужасался. Не то в Петербурге, не то в Москве — не упомню.

> Ферапонт с фантастической информацией добавляет в эпизод ирреальности. Андрей существует в своих фантазиях (приближение образа к фантазерам Ф. М. Достоевского).

Андрей *(охваченный нежным чувством)*. Милые мои сестры, чудные мои сестры! *(Сквозь слезы.)* Маша, сестра моя…

Наташа *(в окне)*. Кто здесь разговаривает так громко? Это ты, Андрюша? Софочку разбудишь. Il ne faut pas faire du bruit, la Sophie est dormée déjà. Vous êtes un ours[17]. *(Рассердившись.)* Если хочешь разговаривать, то отдай колясочку с ребенком кому-нибудь другому. Ферапонт, возьми у барина колясочку!

---

[17] Сноски: 17
Не шумите, Софи уже спит. Вы медведь *(искаж. фр.)*.

Ферапонт. Слушаю. *(Берет колясочку.)*

Андрей *(сконфуженно)*. Я говорю тихо.

Наташа *(за окном, лаская своего мальчика)*. Бобик! Шалун Бобик! Дурной Бобик!

Андрей *(оглядывая бумаги)*. Ладно, пересмотрю и, что нужно, подпишу, а ты снесешь опять в управу… *(Уходит в дом, читая бумаги; Ферапонт везет колясочку.)*

Наташа *(за окном)*. Бобик, как зовут твою маму? Милый, милый! А это кто? Это тетя Оля, скажи тете: здравствуй, Оля!

Бродячие музыканты, мужчина и девушка, играют на скрипке и арфе; из дому выходят ***Вершинин***, ***Ольга*** *и* ***Анфиса*** *и с минуту слушают молча; подходит* ***Ирина***.

Ольга. Наш сад как проходной двор, через него и ходят, и ездят. Няня, дай этим музыкантам что-нибудь!..

Анфиса *(подает музыкантам)*. Уходите с Богом, сердечные. *(Музыканты кланяются и уходят.)* Горький народ. От сытости не заиграешь. *(Ирине.)* Здравствуй, Ариша! *(Целует ее.)* И-и, деточка, вот живу! Вот живу! В гимназии на казенной квартире, золотая, вместе с Олюшкой — определил Господь на старости лет. Отродясь я, грешница, так не жила… Квартира большая, ка-

зенная, и мне цельная комнатка и кроватка. Все казенное. Проснусь ночью и — о Господи, Матерь Божия, счастливей меня человека нету!

Нянька Анфиса – единственный действительно счастливый человек в пьесе. Она знает, что нужно для счастья: своя комнатка и своя кроватка. Контраст с судьбой Фирса в «Вишневом саде». Ольга об Анфисе позаботилась.

Вершинин *(взглянув на часы).* Сейчас уходим, Ольга Сергеевна. Мне пора.

Пауза.

Я желаю вам всего, всего… Где Мария Сергеевна?

Ирина. Она где-то в саду. Я пойду поищу ее.

Вершинин. Будьте добры. Я тороплюсь.

Анфиса. Пойду и я поищу. *(Кричит.)* Машенька, ау!

*Уходит вместе с **Ириной** в глубину сада.*

А-у, а-у!

Вершинин. Все имеет свой конец. Вот и мы расстаемся. *(Смотрит на часы.)* Город давал нам что-то вроде завтрака, пили шампанское, городской голова говорил речь; я ел и слушал, а душой был здесь, у вас… *(Оглядывает сад.)* Привык я

к вам.

Ольга. Увидимся ли мы еще когда-нибудь?

Вершинин. Должно быть, нет.

Пауза.

Жена моя и обе девочки проживут здесь еще месяца два; пожалуйста, если что случится или что понадобится…

Ольга. Да, да, конечно. Будьте покойны.

Пауза.

В городе завтра не будет уже ни одного военного, все станет воспоминанием, и, конечно, для нас начнется новая жизнь…

Пауза.

Все делается не по-нашему. Я не хотела быть начальницей и все-таки сделалась ею. В Москве, значит, не быть…

Вершинин. Ну… Спасибо вам за все. Простите мне, если что не так… Много, очень уж много я говорил — и за это простите, не поминайте лихом.

Ольга *(утирает глаза)*. Что ж это Маша не идет…

Вершинин. Что же еще вам сказать на прощание? О чем пофилософствовать?.. *(Смеется.)* Жизнь тяжела. Она представляется многим из нас глухой и безнадежной, но все же, надо сознаться, она становится все яснее и легче, и, по-видимому,

не далеко то время, когда она станет совсем ясной. *(Смотрит на часы.)* Пора мне, пора! Прежде человечество было занято войнами, заполняя все свое существование походами, набегами, победами, теперь же все это отжило, оставив после себя громадное пустое место, которое пока нечем заполнить; человечество страстно ищет и, конечно, найдет. Ах, только бы поскорее!

Не быть в Москве. Звучит как приговор. Не бывать счастью. Принятие ситуации Ольгой Чехов дает через ряд пауз.

Пауза.

Если бы, знаете, к трудолюбию прибавить образование, а к образованию трудолюбие. *(Смотрит на часы.)* Мне, однако, пора…

Ольга. Вот она идет.

***Маша** входит.*

Вершинин. Я пришел проститься…

Ольга отходит немного в сторону, чтобы не помешать прощанию.

Маша *(смотрит ему в лицо)*. Прощай…

Продолжительный поцелуй.

Ольга. Будет, будет…

Маша сильно рыдает.

Вершинин. Пиши мне… Не забывай! Пусти

меня… пора… Ольга Сергеевна, возьмите ее, мне уже… пора… опоздал… *(Растроганный, целует руки Ольге, потом еще раз обнимает Машу и быстро уходит.)*

Ольга. Будет, Маша! Перестань, милая…

Входит ***Кулыгин****.*

Второе прощание. Контраст с прощанием Ирины и Тузенбаха. Вот Маша провожает Вершинина как на смерть. Для нее это расставание навсегда.

Кулыгин *(в смущении)*. Ничего, пусть поплачет, пусть… Хорошая моя Маша, добрая моя Маша… Ты моя жена, и я счастлив, что бы там ни было… Я не жалуюсь, не делаю тебе ни одного упрека… вот и Оля свидетельница… Начнем жить опять по-старому, и я тебе ни одного слова, ни намека…

Маша *(сдерживая рыдания)*. У лукоморья дуб зеленый, златая цепь на дубе том… златая цепь на дубе том… Я с ума схожу… У лукоморья… дуб зеленый…

Ольга. Успокойся, Маша… Успокойся… Дай ей воды.

Маша. Я больше не плачу…

Кулыгин. Она уже не плачет… она добрая…

Слышен глухой далекий выстрел.

Маша. У лукоморья дуб зеленый, златая цепь на дубе том… Кот зеленый… дуб зеленый… Я путаю… *(Пьет воду.)* Неудачная жизнь… Ничего мне теперь не нужно… Я сейчас успокоюсь… Все равно… Что значит у лукоморья? Почему это слово у меня в голове? Путаются мысли.

Маша возвращается к состоянию первого акта – ее жизнь неудачна. Только возвращается она в эту жизнь из любви… и ничего не будет прежним. Даже спасавшая ее фраза Пушкина (из Вступления к «Руслану и Людмиле») теперь не срабатывает.

Ирина *входит.*

Ольга. Успокойся, Маша. Ну, вот умница… Пойдем в комнату.

Маша *(сердито).* Не пойду я туда. *(Рыдает, но тотчас же останавливается.)* Я в дом уже не хожу, и не пойду…

Наташа распространяется уже и за пределы дома. С сестрами окончательно покончено. Но и того мало, поэтому – разговор о безвкусном поясе – возврат к первому акту, когда в безвкусии упре-

кали Наташу именно в связи с поясом. Ее желание искоренить память о прежних временах и хозяевах: срубить старую еловую аллею и клен и «понасажать цветочков» для запаха, понимаемого ей по-своему. Чехов проводит параллель с духами Соленого.

Ирина. Давайте посидим вместе, хоть помолчим. Ведь завтра я уезжаю…

Пауза.

Кулыгин. Вчера в третьем классе у одного мальчугана я отнял вот усы и бороду… *(Надевает усы и бороду.)* Похож на учителя немецкого языка… *(Смеется.)* Не правда ли? Смешные эти мальчишки.

Маша. В самом деле похож на вашего немца.

Ольга *(смеется)*. Да.

Маша плачет.

Ирина. Будет, Маша!

Кулыгин. Очень похож…

Входит ***Наташа***.

Наташа *(горничной)*. Что? С Софочкой посидит Протопопов, Михаил Иваныч, а Бобика пусть покатает Андрей Сергеич. Столько хлопот с детьми… *(Ирине.)* Ты завтра уезжаешь, Ири-

на, — такая жалость. Останься еще хоть недельку. *(Увидев Кулыгина, вскрикивает; тот смеется и снимает усы и бороду.)* Ну вас совсем, испугали! *(Ирине.)* Я к тебе привыкла и расстаться с тобой, ты думаешь, мне будет легко? В твою комнату я велю переселить Андрея с его скрипкой — пусть там пилит! — а в его комнату мы поместим Софочку. Дивный, чудный ребенок! Что за девчурочка! Сегодня она посмотрела на меня такими глазками и — «мама»!

Кулыгин. Прекрасный ребенок, это верно.

Наташа. Значит, завтра я уже одна тут. *(Вздыхает.)* Велю прежде всего срубить эту еловую аллею, потом вот этот клен. По вечерам он такой страшный, некрасивый… *(Ирине.)* Милая, совсем не к лицу тебе этот пояс… Это безвкусица… Надо что-нибудь светленькое. И тут везде я велю понасажать цветочков, цветочков, и будет запах… *(Строго.)* Зачем здесь на скамье валяется вилка? *(Проходя в дом, горничной.)* Зачем здесь на скамье валяется вилка, я спрашиваю? *(Кричит.)* Молчать!

Кулыгин. Разошлась!

За сценой музыка играет марш; все слушают.

Кричать по своему внутреннему со-

стоянию должна Маша. Кричит Наташа. Но этот крик – результат напряжения, созданного ранее в сценах, в которых Наташа не участвовала. Получается, что сцены прощания Ирины с Тузенбахом, отъезд Вершинина и смерть Тузенбаха и истерика Наташи – это все одна линия отчаяния от потери любви, только разложенная по нескольким персонажам. Гибель Тузенбаха, которого не любит Ирина, подчеркивает остроту потери, которую переживает Маша.

Ольга. Уходят.

Входит ***Чебутыкин****.*

Маша. Уходят наши. Ну что ж… Счастливый им путь! *(Мужу.)* Надо домой… Где моя шляпа и тальма…

Кулыгин. Я в дом отнес… Принесу сейчас. *(Уходит в дом.)*

Ольга. Да, теперь можно по домам. Пора.

Чебутыкин. Ольга Сергеевна!

Ольга. Что?

Пауза.

Что?

Чебутыкин. Ничего… Не знаю, как сказать

вам… *(Шепчет ей на ухо.)*

Ольга *(в испуге)*. Не может быть!

Чебутыкин. Да… Такая история… Утомился я, замучился, больше не хочу говорить… *(С досадой.)* Впрочем, все равно!

Маша. Что случилось?

Ольга *(обнимает Ирину)*. Ужасный сегодня день… Я не знаю, как тебе сказать, моя дорогая…

Ирина. Что? Говорите скорей: что? Бога ради! *(Плачет.)*

Чебутыкин. Сейчас на дуэли убит барон…

Ирина *(тихо плачет)*. Я знала, я знала…

Чебутыкин *(в глубине сцены садится на скамью)*. Утомился… *(Вынимает из кармана газету.)* Пусть поплачут… *(Тихо напевает.)* Та-ра-ра-бумбия… сижу на тумбе я… Не все ли равно!

Три сестры стоят, прижавшись друг к другу.

Маша. О, как играет музыка! Они уходят от нас, один ушел совсем, совсем навсегда, мы останемся одни, чтобы начать нашу жизнь снова. Надо жить… Надо жить…

Ирина *(кладет голову на грудь Ольге)*. Придет время, все узнают, зачем все это, для чего эти страдания, никаких не будет тайн, а пока надо жить… надо работать, только работать! Завтра я поеду одна, буду учить в школе и всю свою жизнь

отдам тем, кому она, быть может, нужна. Теперь осень, скоро придет зима, засыплет снегом, а я буду работать, буду работать…

Ольга *(обнимает обеих сестер)*. Музыка играет так весело, бодро, и хочется жить! О, боже мой! Пройдет время, и мы уйдем навеки, нас забудут, забудут наши лица, голоса и сколько нас было, но страдания наши перейдут в радость для тех, кто будет жить после нас, счастье и мир настанут на земле, и помянут добрым словом и благословят тех, кто живет теперь. О, милые сестры, жизнь наша еще не кончена. Будем жить! Музыка играет так весело, так радостно, и, кажется, еще немного, и мы узнаем, зачем мы живем, зачем страдаем… Если бы знать, если бы знать!

Маша на грани жизни и смерти. У нее пропал смысл жизни. (Параллель с больной женой Вершинина.) Ирина опять, как в первом действии, механически говорит про работу, но мы уже знаем, что работа не приносит ей удовлетворения. Ольга заговаривает себя и сестер, она будет делать то, что должно, нужно жить и «будем жить!». Кулыгин готов все простить Маше, чтоб все было по-прежнему

и comme il faut, чтоб не пострадала его карьера. Реплики Чебутыкина «Все равно» и «Тара… ра… бум-бия… сижу на тумбе я…» вступают в диалог со словами Ольги. Ему все равно – прошлое, настоящее или будущее. Он одновременно и все знает, и ничего не знает.

Музыка играет все тише и тише; ***Кулыгин****, веселый, улыбающийся, несет шляпу и тальму,* ***Андрей*** *везет другую колясочку, в которой сидит Бобик.*

Чебутыкин *(тихо напевает).* Тара… ра… бумбия… сижу на тумбе я… *(Читает газету.)* Все равно! Все равно!

Ольга. Если бы знать, если бы знать!

Занавес